

ISSN 1999-625X

№ 1(100)

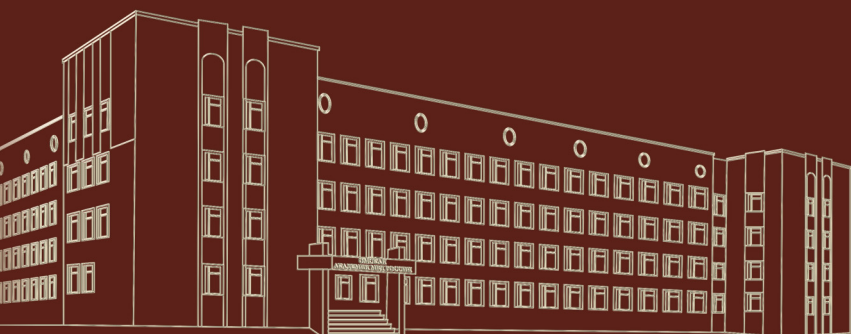
март
2026

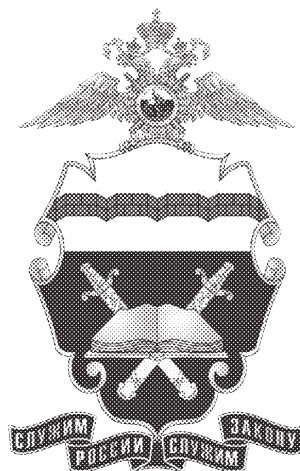

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК ОМСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ

В НОМЕРЕ:

- Развитие правового регулирования иных мер процессуального принуждения
- Проблематика фактического задержания подозреваемого
- Естественное состояние как неустранимый элемент политического
- Принцип талиона: историко-правовые и философские аспекты

Научно-практический журнал
Научный вестник
Омской академии МВД России
Том 32

№ 1(100) январь – март 2026 г.

Издается с июня 1995 г. Выходит четыре раза в год

---

*Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени
доктора наук по следующим научным направлениям (по отраслям наук):
юридические науки, философские науки*

**Scientific bulletin of the Omsk Academy
of the Ministry of the Interior of Russia
Volume 32**

No. 1(100) january – march 2026

Has been published quarterly since June 1995

---

*The journal is included into the list of peer-reviewed scientific periodicals recommended
by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation for the publication
of main results of PhD and doctoral theses on the following sciences:
juridical sciences, philosophical sciences*

Редакционный совет:

- Б. Б. Булатов**, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
С. К. Буряков, кандидат политических наук (Омск, Россия)
В. В. Николюк, доктор юридических наук, профессор
(Москва, Россия)
А. Е. Чечётин, доктор юридических наук, профессор
(Барнаул, Россия)

Редакционная коллегия:

- В. А. Азаров**, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
А. А. Аубакирова, доктор юридических наук,
профессор (Алматы, Республика Казахстан)
В. В. Бабурин, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
М. В. Бавсун, доктор юридических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)
О. И. Бекетов, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
В. А. Болдырев, доктор юридических наук, доцент
(Санкт-Петербург, Россия)
М. А. Бучакова, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
К. В. Вишневецкий, доктор юридических наук,
профессор (Краснодар, Россия)
Ю. В. Герасименко, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
В. В. Головкин, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
С. Н. Гордеев, доктор юридических наук, профессор
(Ташкент, Республика Узбекистан)
Т. Е. Грязнова, доктор юридических наук, доцент
(Омск, Россия)
В. А. Гусев, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)
А. С. Дежнев, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
Л. В. Денисова, доктор философских наук, профессор
(Москва, Россия)
М. С. Десятов, доктор юридических наук, доцент (Омск, Россия)
А. М. Джоробекова, доктор юридических наук, профессор
(Бишкек, Киргизская Республика)
О. А. Дизер, доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия)

- Е. А. Жукова** — *ответственный секретарь* (Омск, Россия)
М. А. Кожевина, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
В. И. Красиков, доктор философских наук, профессор
(Москва, Россия)
В. И. Кудашов, доктор философских наук, профессор
(Красноярск, Россия)
А. В. Литвинов, кандидат технических наук, доцент —
главный редактор (Омск, Россия)
В. Ф. Луговик, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
Н. И. Мартишина, доктор философских наук, профессор
(Новосибирск, Россия)
Т. С. Масловская, кандидат юридических наук, доцент
(Минск, Республика Беларусь)
М. А. Михайлов, кандидат юридических наук, доцент
(Севастополь, Россия)
А. А. Нечепуренко, доктор юридических наук, профессор —
заместитель главного редактора (Омск, Россия)
Д. В. Попов, доктор философских наук, доцент
(Омск, Россия)
Ю. Е. Пудовочкин, доктор юридических наук, профессор
(Москва, Россия)
Л. А. Пупышева, доктор юридических наук, доцент
(Омск, Россия)
Д. С. Рудьман, кандидат юридических наук, доцент —
заместитель главного редактора (Омск, Россия)
Г. Ч. Синченко, доктор философских наук, профессор
(Омск, Россия)
А. А. Турышев, кандидат юридических наук, доцент
(Омск, Россия)
А. А. Хамдамов, доктор юридических наук, профессор
(Ташкент, Республика Узбекистан)
В. В. Хилjuta, доктор юридических наук, доцент
(Гродно, Республика Беларусь)
В. В. Чешев, доктор философских наук, профессор
(Томск, Россия)
Ф. Р. Шарифзода, доктор юридических наук, доцент
(Москва, Россия)

Учредитель — федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Омская орден Почета академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Главный редактор **А. В. Литвинов**

Редактирование **Е. А. Жукова**

Корректурa **Л. И. Замулло**

Компьютерная правка и верстка **П. В. Ярославцева**

Перевод **Ю. И. Алферова**

Авторы эмблем **Е. В. Сырвачева, А. Н. Разумова, А. Е. Макогонова, О. В. Куц**

Адрес издателя, редакции и отделения полиграфической и оперативной печати (типографии):

Россия, 644092, г. Омск, пр-кт Комарова, 7, ОМА МВД России.

Бесплатно.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Реестровая запись ПИ № ФС77-74598 от 14 декабря 2018 г.

Выход в свет: 31.03.2026. Тираж 100 экз. Уч.-изд. л. 12,3. Усл. печ. л. 13,5. Заказ № 112.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

© Омская академия МВД России, 2026

The editorial council:

- B. B. Bulatov**, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)
S. K. Buryakov, Candidate of Political Science
(Omsk, Russia)
V. V. Nikolyuk, Doctor of Science (in Law), Professor (Moscow,
Russia)
A. Ye. Chechetin, Doctor of Science (in Law), Professor
(Barnaul, Russia)

The editorial board:

- V. A. Azarov**, Doctor of Science (in Law), Professor (Omsk, Russia)
O. V. Arefeva — *assistant editor* (Omsk, Russia)
A. A. Aubakirova, Doctor of Science (in Law), Professor
(Almaty, Kazakhstan)
V. V. Baburin, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)
M. V. Bavsun, Doctor of Science (in Law), Professor
(St. Petersburg, Russia)
O. I. Beketov, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)
V. A. Boldyrev, Doctor of Science (in Law), Associate-Professor
(St. Petersburg, Russia)
M. A. Buchakova, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)
K. V. Vishnevetsky, Doctor of Science (in Law), Professor
(Krasnodar, Russia)
Yu. V. Gerasimenko, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)
V. V. Golovko, Doctor of Science (in Law), Professor (Omsk, Russia)
S. N. Gordeev, Doctor of Science (in Law), Professor (Tashkent,
the Republic of Uzbekistan)
T. Ye. Gryaznova, Doctor of Science (in Law), Associate-Profe-
sor (Omsk, Russia)
V. A. Gusev, Doctor of Science (in Law), Professor (Omsk, Russia)
A. S. Dezhnev, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)
L. V. Denisova, Doctor of Science (in Philosophy) , Professor
(Moscow, Russia)
Desyatov M. S., Doctor of Science (in Law), Associate-Professor
(Omsk, Russia)
A. M. Dzhorobekova, Doctor of Science (in Law), Professor
(Bishkek, Kyrgyz Republic)

- O. A. Diser**, Doctor of Science (in Law), Professor
(Belgorod, Russia)
E. A. Zhukova — *executive secretary* (Omsk, Russia)
M. A. Kozhevina, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)
V. I. Krasikov, Doctor of Science (in Philosophy), Professor
(Moscow, Russia)
V. I. Kudashov, Doctor of Science (in Philosophy), Professor
(Krasnoyarsk, Russia)
A. V. Litvinov, Candidate of Technical Sciences, Associate-Pro-
fessor — *editor-in-chief* (Omsk, Russia)
V. F. Lugovik, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)
N. I. Martishina, Doctor of Science (in Philosophy), Professor
(Novosibirsk, Russia)
T. S. Maslovskaya, Candidate of Science (in Law), Associate-
Professor (Minsk, Belarus)
M. A. Mikhaylov, Candidate of Science (in Law), Associate-Pro-
fessor (Sevastopol, Russia)
A. A. Nechepurenko, Doctor of Science (in Law), Professor —
deputy chief editor (Omsk, Russia)
D. V. Popov, Doctor of Science (in Philosophy), Associate-Profe-
sor (Omsk, Russia)
Yu. Ye. Pudovochkin, Doctor of Science (in Law), Professor
(Moscow, Russia)
L. A. Pupyshova, Doctor of Science (in Law), Associate-Professor
(Omsk, Russia)
D. S. Rudman, Candidate of Science (in Law), Associate-Profe-
sor — *deputy chief editor* (Omsk, Russia)
G. Ch. Sinchenko, Doctor of Science (in Philosophy), Professor
(Omsk, Russia)
A. A. Turyshev, Candidate of Science (in Law), Associate-Profe-
sor (Omsk, Russia)
A. A. Khamdamov, Doctor of Science (in Law), Professor
(Tashkent, the Republic of Uzbekistan)
V. V. Khilyuta, Doctor of Science (in Law), Associate-Professor
(Grodno, Belarus)
V. V. Cheshev, Doctor of Science (in Philosophy), Professor
(Tomsk, Russia)
F. R. Sharifzoda, Doctor of Science (in Law), Associate-Professor
(Moscow, Russia)

Founder — Federal State Public Institution of Higher Education

«Omsk Order of Honor Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation»

Editor-in-chief A. V. Litvinov

Editing E. A. Zhukova

Proofreading L. I. Zamullo

Desktop publishing P. V. Yaroslavtseva

Translation Yu. I. Alferova

Authors of the Emblems E. V. Syrvacheva, A.N. Razumova, A. E. Makagonova, O. V. Kuts

Address of the publisher, editorial office and department of graphic arts printing and small offset printing (printing house):

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 7 Komarov pr., Omsk, 644092, Russia

Free of charge.

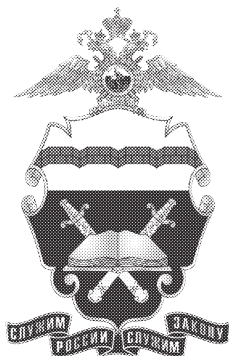
Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Registration entry PI No. FS77-74598 dated December 14, 2018.

Issued: 31.03.2026. Circulation 100 items. Published sheets 12,3. Printed sheets 13,5. Order No. 112.

When reprinted reference to the Journal is mandatory.

© Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 2026

№ 1 (100) НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

2026

Омской академии МВД России

научно-практический журнал

Издается с июня 1995 г. Выходит четыре раза в год

В НОМЕРЕ:

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	•	LEGAL SCIENCES
Противодействие правонарушающему поведению	•	Counteracting Delinquent Behaviour
Кальницкий В. В., Бондаренко А. А. Уточненный порядок реагирования на выявленное в ходе расследования новое преступление	5	Kalnitsky V. V., Bondarenko A. A. Updated Procedure for Responding to a New Crime Identified during the Investigation
Колбасин В. В. Кастрация в России: панацея или иллюзия в борьбе с педофилией?	12	Kolbasin V. V. Castration in Russia: a Panacea or Illusion in the Fight against Pedophilia?
Ларичев В. Д. Характеристика преступлений, совершаемых арбитражными управляющими	20	Larichev V. D. Description of Crimes Committed by Arbitration Managers
Николаев К. Д., Камолзода А. К. Сравнительный анализ регламентации уголовной ответственности за создание незаконного вооруженного формирования или участие в нем в Республике Таджикистан и Российской Федерации	27	Nikolaev K. D., Kamolzoda A. K. Comparative Analysis of the Regulation of Criminal Liability for the Creation of an Illegal Armed Group or Participation in it in the Republic of Tajikistan and the Russian Federation
Попов И. В. Дискуссионные вопросы квалификации жестокого обращения с животными	33	Popov I. V. Debatable Issues of Qualifying Animal Cruelty
Фельк А. А. Процессуальный порядок прекращения уголовного преследования по ст. 28 ² УПК РФ: проблемы и пути их решения	39	Felk A. A. Procedural Order of Termination of Criminal Prosecution according to Art. 28 ² of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation: Problems and Solutions
Шадрин В. С. Проблематика фактического задержания подозреваемого: истоки, состояние, перспективы	46	Shadrin V. S. Problems of Actual Detention of the Suspect: Origins, State, Prospects
Шеховцова Л. С. Криминалистическое образование как элемент криминалистического обеспечения расследования преступлений, совершаемых мигрантами	52	Shekhovtsova L. S. Criminalistics Education as a Part of Forensic Maintenance for Investigating Crimes Committed by Migrants
Право и государство	•	Law and State
Бабуринов В. В., Лыга А. П. Время как фактор правоприменения	58	Baburin V. V., Lyga A. P. Time as the Factor of Law Enforcement
Булатов Б. Б., Дежнев А. С. Развитие правового регулирования иных мер процессуального принуждения в контексте защиты конституционных прав личности	63	Bulatov B. B., Dezhnev A. S. Development of Legal Regulation of other Procedural Coercive Measures in the Context of Protection of Constitutional Rights of a Person
Кусакин А. А. Правовая природа поручения Президента Российской Федерации	69	Kusakin A. A. The Legal Nature of the Order of the President of the Russian Federation
Усольцев Е. Ю. Значение присяги при отправлении правосудия в Российской Федерации	74	Usoltsev E. Yu. The Meaning of the Oath in the Administration of Justice in the Russian Federation
Филонов В. Р. Принцип талиона: историко-правовые и философские аспекты	81	Filonov V. R. The Talion Law: Historical Legal and Philosophical Aspects
Шашин Д. Г. Судебные производства в сфере оперативно-розыскной деятельности: новый вид судопроизводства или новая форма уголовного судопроизводства	87	Shashin D. G. Judicial Proceedings in the Field of Operational Detective Activity: a New Type of Legal Proceedings or a New Form of Criminal Proceedings
Юридические ретроспективы	•	Juridical Retrospect
Набиева З. Р. Советская военная администрация в Германии (1945–1949) как инструмент правовой конвергенции	95	Nabieva Z. R. Soviet Military Administration in Germany (1945–1949) as an Instrument of Legal Convergence
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ	•	PHILOSOPHICAL SCIENCES
Философский инструментарий	•	Philosophical Toolkit
Балаклеец Н. А. Естественное состояние как неустранимый элемент политического	103	Balakleets N. A. Natural State as an Ineradicable Element of the Political
Васечко В. Ю. Возрождение биокриминологии в СССР (1970–1980 гг.): ученые против командно-административной системы	109	Vasechko V. Yu. Revival of Biocriminology in the USSR (1970–80s): Scientists against the Command and Administrative System
Информация для авторов	114	Information for Authors

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ

ПРАВОНАРУШАЮЩЕМУ ПОВЕДЕНИЮ COUNTERACTING DELINQUENT BEHAVIOUR

УДК 343.13

doi: 10.24412/1999-625X-2026-1100-5-11

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Уточненный порядок реагирования на выявленное в ходе расследования новое преступление

Владимир Васильевич Кальницкий

Заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса¹, ✉ kvv_omsk07@mail.ru

Антон Алексеевич Бондаренко

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса¹, ✉ baa_1304@mail.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

Анализируются предпосылки принятия и содержание Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 38-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», которым законодатель скорректировал порядок действий при выявлении в ходе расследования нового преступления. Одобрив в целом направленность законотворчества, авторы отмечают несистемность состоявшегося обновления нормативной базы. Законодатель отреагировал на запросы практики, не давая при этом должной оценки тому, что сама практика не в полной мере основывалась на положениях закона, создавая и организационно поддерживая избыточно усложненные алгоритмы деятельности. Образно говоря, иногда не нужно торопиться писать новый закон, достаточно внимательно прочитать старый.

Ключевые слова: выявленное новое преступление, выделение материалов, выделение уголовного дела, возбуждение уголовного дела, соединение уголовных дел

Для цитирования: Кальницкий В. В., Бондаренко А. А. Уточненный порядок реагирования на выявленное в ходе расследования новое преступление // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 32, № 1(100). С. 5–11.

Updated Procedure for Responding to a New Crime Identified during the Investigation

Vladimir V. Kalnitsky

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Candidate of Science (in Law), Professor, Professor at the chair of Criminal Procedure¹,

✉ kvv_omsk07@mail.ru

Anton A. Bondarenko

Candidate of Science (in Law), senior Lecturer at the chair of Criminal Procedure¹, ✉ baa_1304@mail.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

Under analysis are the prerequisites for the adoption and content of the Federal Law No. 38-FZ "On Amendments to the Criminal Procedural Code of the Russian Federation" of March 20, 2025, by which the legislator has adjusted the procedure when identifying a new crime during the investigation. Approving the general focus of lawmaking, the authors note the lack of system of the updated regulatory framework. The legislator responded to the requests of the practice, without giving a proper assessment of the fact that the practice itself was not fully based on the provisions of the law, creating and organizationally supporting excessively complicated algorithms of activity. Figuratively speaking, sometimes it is not necessary to rush to write a new law: it is sufficient to read the old one carefully.

Keywords: identified new crime, separating files, separating a criminal case, bringing a criminal case, consolidation of criminal cases

Citation: Kalnitsky V. V., Bondarenko A. A. Updated Procedure for Responding to a New Crime Identified during the Investigation. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2026. Vol. 32, No 1(100). Pp. 5–11 (In Russ.).

Отношения, порождаемые фактом обнаружения в процессе расследования признаков ранее не зарегистрированного преступления, не являются сугубо локальными, могущими быть понятыми на основе описанной в законе технологии действий, равно как и меняться они не могут исключительно путем нормативного добавления или устранения той или иной процедурной операции. Напротив, данные отношения производны от фундаментальных представлений об уголовном преследовании, его начале и отражающих актах, от интерпретации права на защиту и других общих положений уголовно-процессуального законодательства. Весьма важно синхронизировать глобальные тенденции развития теории уголовного процесса и соответствующего законодательства с отдельными процедурами, точнее, не допускать в частных сегментах уголовно-процессуальной деятельности ни отставания, ни забегания вперед. Соответственно, и критериями оптимальности фрагментов процессуального порядка выступает органическая включенность в контекст современного уголовного судопроизводства.

Нормативное регулирование и порядок действий следователя при выявлении в ходе расследования нового преступления по УПК РСФСР 1960 г.

Рассматриваемая проблемная ситуация полностью производна от содержания таких уголовно-процессуальных категорий, как «уголовное преследование», «начало уголовного преследования», «акты уголовного преследования». Как известно, термином «уголовное преследование» позднее советское уголовно-процессуальное законодательство не пользовалось. Говорили об обвинении, которое возникало в момент привлечения в качестве обвиняемого. Все, что предшествовало предъявлению обвинения, включая этап расследования с участием подозреваемого, считалось подготовкой к обвинению. М. С. Строгович писал, что «уголовное преследование начинается с момента привлечения лица к уголовной ответственности в качестве обвиняемого» [1, с. 87–88]¹. Следовательно, постановление о возбуждении уголовного дела рассматривалось в качестве акта, знаменующего возникновение уголовного дела, но не уголовного преследования (обвинения). Законодательство того периода не различало возбуждение уголовного дела по факту и в отношении конкретного лица, это решение никаким образом не свидетельствовало о начале обвинительной деятельности.

Даже процедура привлечения к ответственности отдельных категорий лиц, выражаясь современным языком, не касалась порядка возбуждения уголовного дела. Уголовное дело возбуждалось по обычным правилам, поскольку означало только лишь начало расследования, т. е. установление круга фактических обстоятельств. Дополнительные гарантии предусматривались с момента привлечения в качестве обвиняемого и некоторых других решений.

В таких условиях отношение к акту возбуждения уголовного дела было, так скажем, спокойным («рабочим»). Конечно же, данное постановление обязательно выносилось в «штатных» ситуациях выявления признаков преступления в рамках проверки информации о преступлении. В более сложных случаях, когда признаки преступления выявлялись в ходе расследования, допускалось как выделение материалов с последующим, также «штатным» возбуждением уголовного дела, так и закрепление новой доказательственной базы «внутри» основного уголовного дела. В последнем варианте вынесение акта возбуждения уголовного дела становилось неестественным, поскольку производство фактически (в силу произведенных следственных действий) вступало в фазу расследования. Обвинение корректировалось путем дополнения постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Если же оказывалось, что новое преступление совершено «иным лицом», то из базового уголовного дела выделялось уголовное дело по новому преступлению, которое считалось именно уголовным делом, а не материалом. В копии к нему приобщалось постановление о возбуждении основного уголовного дела, что подтверждало легитимность процессуальных действий по новому преступлению. Срок нового уголовного дела исчислялся с момента производства первого следственного действия, направленного на установление нового деяния.

Регламентация реагирования на новое преступление, выявленное в процессе расследования, в УПК РФ 2001 г., на наш взгляд, может быть оценена как осторожная. Не употребляем термин «взвешенная», поскольку полного механизма УПК РФ не предложил. Законодатель просто не стал описывать порядок реагирования на выявленное новое преступление, совершенное подозреваемым (обвиняемым). Регулирование выделения в отдельное производство материалов уголовного дела для автономной проверки и принятия решения ограничено случаем, «если

¹ Примерно в том же ключе, хотя и не столь категорично, автор высказывался и позднее, отождествляя обвинение как уголовно-процессуальную функцию и уголовное преследование [2, с. 190–196].

в ходе предварительного расследования становится известно о совершении *иными лицами* преступления, не связанного с расследуемым преступлением» (ч. 1 ст. 155 УПК РФ). Ситуация, в которой речь идет о ранее не зарегистрированном преступлении лица, уже преследуемого в уголовно-процессуальном порядке, попала в зону, не охваченную позитивным описанием. Хотелось бы надеяться, что это было сознательное, как выражаются, квалифицированное молчание законодателя, оставляющее правоприменителям простор для усмотрения. Более конкретно — возможно, это некий сигнал для понимания, что ранее практиковавшийся порядок действий при выявлении нового преступления «того же лица», не предполагавший обязательного вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, может быть сохранен. Как можно заключить из решения судов², то до 2006 г. прежняя практика перехода от односоставного к многосоставному уголовному делу в виде совокупности преступлений через дополнение обвинения частично сохранялась. Полагаем, этому могла способствовать и редакция ст. 155 УПК РФ, оставляющая простор для усмотрения. К сожалению, подход, вытекающий из рассматриваемой нормы, не был подкреплён другими положениями. Напротив, он был сознательно дезавуирован. Если в ст. 154 УПК РСФСР 1960 г. читаем, что новое обвинение выдвигалось для целей изменения предъявленного обвинения или для его дополнения, то в ст. 175 УПК РФ о дополнении обвинения, под которым подразумевается в том числе вменение еще одного преступления, ничего не говорится. При чем есть основания полагать, что такая корректировка нормы об изменении обвинения произошла сознательно.

Правоприменительная практика, сложившаяся в части выделения материалов о новом преступлении, признаки которого установлены в ходе расследования

В создавшихся условиях правоприменители стали распространять порядок выделения материалов для автономного разрешения, установленный для не связанных с основным преступлением новых преступлений иных лиц, также и на новые преступления подозреваемых (обвиняемых). В практической плоскости это приводило к ситуациям, когда конкретный следователь выделял материал сам для

себя: выносил постановление о выделении, технически копировал сведения, относящиеся к новому преступлению, составлял и регистрировал рапорт об обнаружении признаков преступления, принимал решение о возбуждении уголовного дела, которое нередко было predetermined без масштабной проверки, и через руководителя вновь возбужденное уголовное дело соединял с исходным уголовным делом. После соединения дел скопированные материалы просто оказывались ненужными и подлежали утилизации. На организационную затратность и очевидную неэкономичность использования времени и ресурсов обратили внимание руководители ряда правоохранительных органов, констатирующие: «сложившийся порядок действий при выявлении новых преступлений сопровождается непредусмотренным законодательством трудоемким процессом копирования и выделения материалов уголовного дела в значительном объеме (особенно в ходе производства по многоэпизодным делам), что неоправданно увеличивает срок предварительного расследования, требует дополнительных расходов материальных ресурсов, влечет нерациональное использование служебного времени следователей (дознавателей)»³.

Вопиющая неэкономичность ситуации дополнялась еще и тем, что всю эту малопонятную громоздкую процедуру приходилось осуществлять, например, следователю Следственного комитета РФ при выявлении признаков нового преступления, отнесенного к компетенции органов дознания. Выделенный материал передавался в орган дознания, затем после решения прокурора об изменении подследственности — следователю для соединения исходного и нового уголовных дел. В настоящее время нормой ч. 6¹ ст. 151 УПК РФ хотя бы эта межведомственная проблема разности компетенции снята.

Корректирующие изменения, внесенные в уголовно-процессуальное законодательство в целях оптимизации порядка выделения материалов и возбуждения уголовных дел по вновь выявленным преступлениям

Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 38-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 38-ФЗ), выступающий предметом нашего внимания, весьма лаконичен. Однако оценка

² В частности, указывалось, что закон не предусматривает обязанности органов следствия и дознания выносить каждый раз новое постановление о возбуждении уголовного дела в случаях, когда по делу будет установлено совершение других преступлений лицом, в отношении которого возбуждено уголовное дело (см., напр.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25 сентября 2006 г. по делу № 14-о06-29. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

³ О порядке возбуждения уголовных дел в случаях выявления в ходе производства предварительного расследования дополнительных эпизодов преступной деятельности, связанных с расследуемым преступлением: информационное письмо Генпрокуратуры России, МВД России, СК России, ФСБ России, МЧС России, ФССП, ФТС № 1/15407/36-22-22 ... от 29 декабря 2022 г.

регулирующего воздействия закона не столь проста и предполагает понимание обстановки его принятия. С учетом того, что в окончательном виде введенные нормы практически полностью совпадают с законопроектом, есть смысл обратиться к пояснительной записке, сопровождавшей проект закона⁴.

Разработчиками обозначены две проблемные ситуации, которые предполагалось разрешить. Во-первых, это высокие организационные и ресурсные затраты на начатие уголовного преследования в связи с выявлением следователем «дознательского» преступления. Применявшийся алгоритм, как отмечено, был громоздким: составление рапорта об обнаружении признаков преступления; составление постановления о выделении в отдельное производство материалов уголовного дела; фактическое копирование документов, подтверждающих наличие в деянии признаков преступления, и направление их органу дознания (в подразделение дознания); возбуждение органом дознания уголовного дела; передача вновь возбужденного уголовного дела прокурору для определения (изменения) подследственности; направление возбужденного уголовного дела в орган предварительного следствия; принятие решения о соединении нового дела с исходным уголовным делом.

В целях упрощения описанного порядка действий законопроект предложил, а законодатель согласился с тем, что преступления, подследственные органам дознания (за небольшим исключением), нормативно считаются отнесенными к подследственности следователей, при условии их выявления в ходе расследования и наличии оснований для соединения в одном производстве. Данное новшество составляет содержание ч. 6¹, которой дополнена ст. 151 УПК РФ. Иначе говоря, законодатель скорректировал содержание альтернативной подследственности. Традиционно подчеркивалось, что «альтернативная подследственность регулирует распределение компетенции исключительно между органами предварительного следствия и определяется по принципу „кто выявил преступление, тот его и расследует“» [3, с. 653–654]. С учетом состоявшегося дополнения закона рассматриваемый вид подследственности: 1) распространяется не только на строго перечисленные в ч. 5 ст. 151 УПК РФ составы преступлений, которые по предметному признаку отнесены к компетенции разных органов предварительного следствия, но и на составы преступлений, изначально «закрепленные» за орга-

нами дознания. Причем здесь очевидна односторонняя направленность перехода компетенции — от органа дознания к следователю, а не наоборот; 2) новый аспект альтернативной подследственности обусловлен двумя обязательными обстоятельствами: выявление преступления в ходе ведущегося следствия, наличие оснований для соединения производства по дополнительно выявленному преступлению с базовым уголовным делом.

Согласимся с тем, что состоявшаяся модернизация альтернативной подследственности способна упростить сложившийся порядок реагирования на вновь выявленное преступление, по крайней мере, за счет исключения замены субъекта принятия решения о возбуждении уголовного дела и, соответственно, ставшего ненужным привлечения прокурора для изменения подследственности. Возникает лишь вопрос о том, почему законодатель ограничил столь правильную, на наш взгляд, тенденцию к расширению «мягких» видов подследственности только по линии «следователь-дознатель», не предусмотрев полномочий следователей Следственного комитета РФ, нормативно и ментально обладающих универсальной компетенцией, на возбуждение на основании вновь выявленных сведений уголовного дела о преступлении, отнесенном к подследственности следователей органов внутренних дел⁵.

Во-вторых, (в поисках цели принятия Федерального закона № 38-ФЗ вновь возвращаемся к пояснительной записке правительственного законопроекта) разработчики имели в виду громоздкость механизма собственно выделения материалов уголовного дела, который, по сложившемуся обыкновению, предполагает, кроме составления уголовно-процессуальных документов, также оформление подлежащего регистрации рапорта об обнаружении признаков преступления и непосредственное техническое копирование материалов, содержащих сведения о новом преступлении. Полностью соглашаемся с инициаторами законодательного процесса, что такой порядок на практике применяется при установлении обстоятельств совершения ранее не зарегистрированного преступления как подозреваемыми (обвиняемыми), так и иными лицами. При этом правы они в том, что описанный порядок выделения материалов предусмотрен законом только для случаев, если в ходе расследования становится известно о совершении иным лицом преступления, не связанного с рассле-

⁴ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : проект Федерального закона № 782799-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/782799-8> (дата обращения: 06.05.2025).

⁵ Чтобы не отдаляться от непосредственного предмета статьи, не станем поднимать вопрос о том, почему бы не расширить альтернативную и другие, называемые нами «мягкими», виды подследственности не только на случаи последующего соединения уголовных дел, но и в принципе. Считаем, что имеется рациональное в суждении, отрицающем наличие высокой ценностной составляющей в нормах о подследственности, которые могут быть более универсальными с понижением уровня регламентации [4, с. 71–78].

дваемым уголовно наказуемым деянием. Вдумаемся: по закону, выделение материалов для автономной проверки и разрешения требовалось исключительно в ситуациях, когда новое преступление совершено новым же (т. е. иным) лицом, что указывает на несвязанность деяний, а значит, на отсутствие предпосылок для их расследования в одном уголовном деле. Исключение перспективы совместного производства по «старому» и «новому» событиям делает логичным разъединение этих производств в самом начале, когда второго дела фактически нет, оно пребывает в форме материалов. Здесь организационные и ресурсные издержки, обеспечивающие выделение материалов, неизбежны и оправданны. Оставалось только разъяснить правоприменителям, чтобы трудоемкая процедура выделения материалов о новом преступлении применялась в строго оговоренных случаях и не распространялась (по сути — избыточно) на другие отношения, например, когда новое преступление совершено подозреваемым (обвиняемым), на языке закона — «тем же лицом». Иначе говоря, потребности для корректировки закона в этой части не было: требовалось внимательно прочитать закон и строго ему следовать, не создавая искусственную процессуальность там, где она не предусмотрена.

Что же произошло в реальности? Правительственный законопроект, вслед за ним и законодатель, решили описать в тексте закона действия следователя при установлении признаков нового преступления, совершенного подозреваемым (обвиняемым), т. е. позитивно закрепить в норме упрощенный порядок действий по реагированию на новое преступление, совершенное тем же лицом. Вместо разъяснения не делать того, чего не требуется, предложен конкретный механизм, закрепленный в ст. 153¹ УПК РФ «Возбуждение и соединение уголовных дел при выявлении нового преступления в ходе предварительного расследования». Несмотря на то что в новелле ни разу не употреблены слова «тем же лицом», по сути, это подразумевается.

Анализ позволяет выделить в ст. 153¹ УПК РФ три ключевых словосочетания:

- новое преступление, выявленное в ходе расследования;
- преступление, отнесенное к подследственности того же органа предварительного расследования;
- при наличии оснований для соединения уголовных дел, предусмотренных частями первой и второй статьи 153 настоящего Кодекса.

С новым преступлением понятно. Речь идет о самостоятельном преступлении (не эпизоде продолжаемого преступления), по которому ранее уголовное дело не возбуждалось.

Под указанием на отнесение к подследственности того же органа предварительного расследования,

полагаем, надо понимать прямое предписание предметной подследственности, а также все виды «мягкой» подследственности, включая такую разновидность альтернативной подследственности, которая предусмотрена ч. 6¹ ст. 151 УПК РФ, в виде полномочия следователя расследовать «дознательские» преступления.

В частях 1 и 2 ст. 153 УПК РФ закреплены четыре основания для соединения уголовных дел. Характерной особенностью данных оснований является то, что практически во всех из них речь идет о совершении несколькими лицами или одним лицом нескольких преступлений либо о наличии оснований полагать, что несколько преступлений совершены одним лицом или группой лиц. Иными словами, в законе говорится о совершении преступлений «теми же лицами» или «тем же лицом». Определенное исключение составляет п. 3 ч. 1 ст. 153 УПК РФ, предусматривающий соединение с базовым уголовным делом также и преступления в виде заранее не обещанного укрывательства расследуемого преступления. Однако и здесь общность производств просматривается через связь деяний.

Зададим вопрос: о чем статья 153¹ УПК РФ? По своему содержанию она ближе к институту соединения уголовных дел или это разновидность порядка выделения материалов? На наш взгляд, и место статьи в Кодексе, и ее содержание указывают на специальный случай соединения уголовных дел, характеризующийся значительным упрощением. Упрощение касается отсутствия необходимости выделять материалы для автономного возбуждения нового уголовного дела, которое с очевидностью будет соединено с исходным уголовным делом. В той же части, в которой новая разновидность соединения уголовных дел не предусматривает выделения материалов, отражающих обстоятельства совершения другого преступления «тем же лицом» (что де-факто осуществляется повсеместно), новое регулирование взаимосвязано со сложившейся процедурой выделения материалов, уточняет ее. Повторим, жаль, что избыточное правоприменение не удалось скорректировать правильным толкованием закона, потребовалось позитивно описать процедуру, которая в части отсутствия необходимости выделения материалов подразумевалась и не требовалась и до изменений закона. Создалась видимость законодательной активности по разрешению проблемной ситуации, тем самым упущена возможность кардинального реформирования порядка реагирования на новое преступление, совершенное «тем же лицом», которое, как это было апробировано в течение нескольких десятилетий, не закикливалось на обязательном вынесении постановления о возбуждении уголовного дела.

Покажем схематично наше понимание предстории и современного состояния вопроса:

— в основе проблематики — возвышение акта возбуждения уголовного дела, поднятие на щит идеи, что осуждение и наказание без акта возбуждения конкретного уголовного преследования невозможно; недопустимо также собирание доказательств по обвинению, которое не возбуждалось;

— для создания условий появления данного акта стали выделять материалы и возбуждать по ним уголовное дело о новом преступлении в автономном производстве;

— оказалось, что создавшийся алгоритм возбуждения уголовного дела о новом преступлении «того же лица» слишком заформализованный и неэкономичный, что вызвало появление межведомственного информационного письма, направленного на его упрощение;

— Федеральный закон № 38-ФЗ упростил порядок возбуждения уголовного дела о новом преступлении, совершенном «тем же лицом». Предписано возбуждать новое уголовное дело «внутри» основного производства без выделения материалов и с последующим соединением уголовных дел;

— вместе с тем вынесение акта возбуждения уголовного дела «внутри» ведущегося расследования означает, что основания для этого будут получены в рамках производства, возбужденного по другому событию, причем в объеме, подтверждающем признаки нового события и причастность к нему определенного лица; сведения о лице и обстоятельствах совершения им преступления обязательно должны быть собраны, поскольку основанием для соединения уголовных дел (за исключением случая, предусмотренного ч. 2 ст. 153 УПК РФ) выступает совершение преступления «тем же лицом»⁶;

— здесь вступаем в конфликт с исходной современной идеей, что нельзя собирать сведения об обстоятельствах преступления без акта возбуждения уголовного дела; если это становится возможным, причем без ограничения средств собирания доказательств тем объемом, который предусмотрен для целей предварительной проверки сообщений по преступлениям, то возникает вопрос: за что боремся?

Поворот в правоприменении, согласно которому ранее одобрявшаяся практика начатия нового уголовного преследования того же лица в рамках основного уголовного дела перестала считаться при-

емлемой, актуализировал понятие «пределов производства по уголовному делу» [3, с. 94–97], которое ограничивало предмет расследования и судебного разбирательства событием, описанным в постановлении о возбуждении уголовного дела. Данное концептуальное понятие повлекло массу проблемных вопросов, в том числе и исследуемый механизм реагирования на выявленное в ходе расследования новое преступление. Повторимся, что фактическое усложнение порядка действий при выявлении в ходе производства по уголовному делу нового преступления, совершенного тем же лицом, произошло в результате потребности соответствовать концептуальной идее о пределах производства по уголовному делу. Если же оптимизация процедуры, осуществленная рассматриваемым Федеральным законом, предполагает снятие барьеров на исследование обстоятельств нового преступления «внутри» ведущегося расследования, то первопричина правового конфликта во многом исчезает. От концепции пределов производства по уголовному делу, по нашему мнению, остается только маловразумительное требование в системе актов уголовного преследования обязательно (во всех случаях безотносительно следственной ситуации) выделять акт возбуждения уголовного дела, как будто бы существенно влияющий на реализацию права на защиту. Вместе с тем, как было отмечено, на протяжении исторически длительного периода российский (советский) уголовный процесс исходил из другого понимания. Продолжающаяся абсолютизация акта возбуждения уголовного дела (исключение последнего «островка», где было возможным завершить фактически возникшее уголовное преследование без постановления о возбуждении уголовного дела) чрезмерно формализует практику. Так, рассматриваемое решение вопреки логике принимается в конце расследования для установления математического равенства возбужденных дел и вмененных составов преступлений, например, в случаях, когда конкретный эпизод первоначально исследован как часть продолжаемого преступления, но на завершающем этапе квалифицирован в качестве самостоятельного преступления.

Изложенное может быть подытожено следующими положениями.

1. Отказ от сложившейся за многие годы и получившей одобрение высших судов страны практики, когда в случае выявления в ходе расследования ранее

⁶ Напомним, что по УПК РСФСР 1960 г. в одном производстве могли быть соединены лишь дела по обвинению нескольких лиц в соучастии в совершении одного или нескольких преступлений или же дела по обвинению одного лица в совершении нескольких преступлений (ч. 1 ст. 26). Исходя из этого, расследование по делам рекомендовалось «доводить» до предъявления обвинения и лишь потом соединять. Действующий закон не акцентирует внимания на уровне доказанности совершения лицом преступлений, но, безусловно, он должен быть достаточным, поскольку лежит в основе самого факта соединения уголовных дел и влияет в настоящее время на порядок принятия решения.

не зарегистрированного преступления, совершенного подозреваемым (обвиняемым), было достаточно предъявить обвинение по совокупности преступлений, не был просчитан на уровне частных аспектов. Идеологической основой поворота в правоприменении стало утверждение, что каждое уголовное преследование и осуждение непременно должны начинаться с акта возбуждения уголовного дела, что оказалось сложно реализовать применительно к ситуациям, когда признаки нового преступления «того же лица» обнаруживаются в рамках расследования.

2. Принятие Федерального закона № 38-ФЗ — пример корректирующего законодательства, происшедшего от импульса «снизу», т. е. как отклик на организационные сложности правоприменения. Вместе с тем прикладная проблема выделения / невыделения материалов о новом преступлении «того же лица» не может быть решена без широкого взгляда «сверху», без осмысления места и роли акта возбуждения уголовного дела в механизме привлечения к уголовной ответственности за дополнительно выявленное преступление.

3. Рассматриваемый Федеральный закон нужно поддержать в части расширения «мягких» видов подследственности, позволяющих органу расследования с более полной компетенцией, выявившему дополнительное преступление, свободно исследовать его обстоятельства, не прибегая к формальной процедуре выделения материалов и «разового» изменения подследственности.

4. Действовавшая с момента принятия УПК РФ и сохраняющая свою силу ст. 155 УПК РФ содержит требование о выделении материалов в случае выявления в ходе расследования нового преступления, не связанного с расследуемым преступлением, совершенного «иными лицами». Это обстоятельство позволяет в остальных случаях, в частности при совершении нового преступления «тем же лицом», действовать в рамках расследования, что в настоящее время узаконено нормой ст. 153¹ УПК РФ.

Правоприменители не воспользовались возможностью реагирования на новое преступление, совер-

шенное «тем же лицом», в более свободном режиме, в том числе без вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, как можно предположить, по двум причинам: в силу идеологической установки в рамках концепции о пределах производства по уголовному делу на начатие каждого самостоятельного уголовного преследования с акта его возбуждения, а также ввиду изъятия из нормы, регламентирующей корректировку обвинения (ст. 154 УПК РСФСР 1960 г., ст. 175 УПК РФ), указания на его дополнение, которое ранее рассматривалось в качестве легитимной формы объективизации нового преследования.

В настоящее время возможность начатия нового уголовного преследования в рамках ведущегося расследования без вынесения постановления о возбуждении уголовного дела нормативно исключена предписаниями ст. 153¹ УПК РФ.

Принятие Федерального закона № 38-ФЗ можно рассматривать как тактическое достижение в плане рационализации сложившегося порядка действий органов расследования при выявлении нового преступления, совершенного подозреваемым (обвиняемым). Однако в более широком контексте, по нашему мнению, состоявшееся регулирование все же является стратегическим просчетом.

5. Концепция пределов производства по уголовному делу, предопределяющая необходимость возбуждения уголовного дела в случае начатия нового уголовного преследования, верная по существу, не должна абсолютизироваться, признавая необходимое исключение, в частности, для случая выявления в ходе расследования нового преступления, совершенного подозреваемым (обвиняемым) по делу.

Такое исключение не ослабит, а напротив, позволит сохранить концепцию в целом, поскольку иное (право собрать основания и вынести постановление о возбуждении уголовного дела о новом преступлении «внутри» ведущегося расследования, что отныне предусмотрено ст. 153¹ УПК РФ) существенно размывает основное начало концепции, ограничивающее исследование обстоятельств, не охваченных актом возбуждения уголовного дела.

Список источников

1. *Строгович М. С.* Уголовный процесс : учебник. М., 1940.
2. *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса : в 2 т. М., 1968. Т. 1.
3. *Курс уголовного процесса* / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л. В. Головки. М., 2016.
4. *Россинский С. Б.* Подследственность уголовного дела: общее условие предварительного расследования или совокупность организационно-управленческих правил? // Государство и право. 2023. №. 10.

УДК 343.969

doi: 10.24412/1999-625X-2026-1100-12-19

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Кастрация в России: панацея или иллюзия в борьбе с педофилией?

Владислав Владимирович Колбасин

кандидат юридических наук, заместитель начальника научно-исследовательского отдела,
доцент кафедры уголовного права и криминологии¹,

✉ Kolbasin_vlad@mail.ru

¹ Краснодарский университет МВД России (Краснодар, Россия)

Рассмотрена одна из наиболее острых социально-правовых проблем — противодействие насильственным сексуальным преступлениям в отношении несовершеннолетних. На основе данных официальной статистики МВД России демонстрируется устойчивая негативная динамика роста числа подобных противоправных деяний, что свидетельствует о недостаточной эффективности существующих механизмов защиты. В центре исследования находится дискуссионная мера превентивного воздействия — химическая и хирургическая кастрация. Автор проводит сравнительный анализ зарубежного опыта применения данной меры (на примере США, Чехии, Индонезии и др.), выявляя ее сильные и слабые стороны. Подчеркивается, что кастрация как автономная мера не гарантирует снижения рецидивов, поскольку воздействует лишь на физиологическую составляющую, не устраняя психопатологических основ расстройства. Особое внимание уделено правовому полю Российской Федерации. Опровергаются распространенные в научной и публицистической среде заблуждения о применении в России кастрации. На основании официального ответа Минздрава России утверждается, что подобная практика в стране документально не зафиксирована. Делается вывод о том, что максимальная эффективность может быть достигнута лишь при интеграции кастрации в комплексную систему мер, включающую длительную психотерапию, психиатрическое наблюдение, социальный контроль и мониторинг, по образцу успешных зарубежных программ профилактики.

Ключевые слова: кастрация, половая неприкосновенность несовершеннолетних, изнасилование, педофилия, сексуальное насилие

Для цитирования: Колбасин В. В. Кастрация в России: панацея или иллюзия в борьбе с педофилией? // Научный вестник Омской академии МВД России. 2026. Т. 32, № 1(100). С. 12–19.

Castration in Russia: a Panacea or Illusion in the Fight against Pedophilia?

Vladislav V. Kolbasin

Candidate of Science (in Law), deputy-chief of Science and Research Department, Associate-Professor at the chair
of Criminal Law and Criminology¹,

✉ Kolbasin_vlad@mail.ru

¹ the Krasnodar University of the Russian Ministry of Internal Affairs (Krasnodar, Russia)

The paper dwells on one of the most relevant socio-legal problems — tackling violent sexual crimes against juveniles. Based on the official statistics of the Russian Ministry of Internal Affairs, a steady negative dynamics of the growth in the number of such illegal acts is demonstrated, which indicates the lack of effectiveness of existing protection mechanisms. The focus is made on a debatable measure of preventive action, that is chemical and surgical castration. The author conducts a comparative analysis of foreign experience in the use of this measure (by the example of the USA, the Czech Republic, Indonesia, etc.), identifying its strengths and weaknesses. It is emphasized that castration as an autonomous measure does not guarantee a reduction of recidivism, since it affects only the physiological component without eliminating the psychopathological foundations of the disorder. Particular attention is paid to the legal field of the Russian Federation. The misconceptions widespread in the scientific and journalistic environment about the existence of the institution of “castration” in Russia are refuted. Based on the official response of the Russian Ministry of Health, it is argued that such a practice is not documented in the country. According to the conclusion made by the author, maximum effectiveness can be achieved only through integrating castration into a comprehensive system of measures, including long-term psychotherapy, psychiatric supervision, social control and monitoring, modeled on successful foreign prevention programs.

Keywords: castration, juveniles' sexual integrity, rape, pedophilia, sexual violation

Citation: Kolbasin V. V. Castration in Russia: a Panacea or Illusion in the Fight against Pedophilia? *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2026. Vol. 32, No 1(100). Pp. 12–19 (In Russ.).

На протяжении практически всех этапов развития общества проблема борьбы с насильственными сексуальными преступлениями, жертвами которых становятся несовершеннолетние, являлась универсальным вызовом для различных социокультурных и правовых систем. Восприятие степени ее серьезности и, как следствие, формирование стратегий противодействия (от законодательно-репрессивных мер до превентивных образовательных программ) демонстрируют значительный цивилизационный и исторический дискурс. Несмотря на эту вариативность, основной целью всех предпринимаемых усилий была и остается оптимизация существующих механизмов, обеспечивающих безопасность подрастающего поколения от преступных посягательств и, в случаях совершенного преступления, минимизация деструктивных последствий для несовершеннолетних жертв.

Повышенное внимание к вопросу предупреждения насильственной сексуальной преступности, жертвами которой становятся несовершеннолетние, обусловлено в первую очередь ее исключительной общественной опасностью. Сексуальное насилие грубо нарушает нормальное физическое и психоэмоциональное развитие несовершеннолетних, а также наносит тяжелый удар по духовно-нравственным основам формирующейся личности. Последствия пережитой травмы часто становятся причинами возникновения у жертв комплекса серьезных проблем, оказывающих негативное влияние на всю их дальнейшую жизнь. В соответствии с данными Всемирной организации здравоохранения, пережитое несовершеннолетними сексуальное насилие в 27 % случаев приводит к посттравматическим стрессам, в 12 % — к депрессивным расстройствам, алкоголизму и (или) наркомании, в 10 % — к паническим расстройствам, 8 % детей в будущем совершают попытки суицида. Особое внимание обращено на риск развития у несовершеннолетних жертв сексуального насилия бесплодия, заболевания ВИЧ, трудностей в построении отношений с лицами противоположного пола, формирования резко негативного, аморального понимания отношений между мужчиной и женщиной, а также расстройств сексуального предпочтения¹.

Актуальность исследуемой проблемы в России убедительно подтверждается данными официальной статистики. Согласно сведениям Главного информационно-аналитического центра МВД России,

количество зарегистрированных на территории Российской Федерации преступлений, посягающих на половую свободу и половую неприкосновенность несовершеннолетних, за 15 лет увеличилось на 58,5 % (с 9524 в 2010 г. до 15 100 в 2024 г.). Значительную часть таких противоправных деяний составляют преступления, сопровождающиеся применением насилия (более 50 %). Их число с 2010 г. по 2024 г. выросло на 189,2 % (с 2727 в 2010 г. до 7887 в 2024 г.). Количество изнасилований несовершеннолетних за анализируемый период увеличилось на 87,2 % (с 961 в 2010 г. до 1799 в 2024 г.), а рост числа насильственных действий сексуального характера и понуждений к действиям сексуального характера составил 255 % (с 1672 в 2010 г. до 5937 в 2024 г.) и 60 % (с 94 в 2010 г. до 151 в 2024 г.) соответственно [1, с. 4].

Тенденция увеличения количества насильственных посягательств на половую свободу и половую неприкосновенность несовершеннолетних подтверждается и ростом числа потерпевших от них. В период с 2010 г. по 2024 г. число несовершеннолетних жертв сексуального насилия увеличилось на 226 % (с 1621 человек в 2010 г. до 5285 в 2024 г.) [1, с. 41].

Анализ данных официальной статистики позволяет сделать вывод о том, что действующее законодательство в области защиты несовершеннолетних от посягательств на половую свободу и половую неприкосновенность не в состоянии обеспечить их безопасность. Аналогичная ситуация в контексте защиты детей от сексуальной эксплуатации отмечалась криминологами еще 10 лет назад, однако видимых улучшений на протяжении этого времени не наблюдалось [2, с. 142].

Существует насущная необходимость поиска и внедрения новых юридических решений, безусловно основанных на опыте применения действующего законодательства, но выходящих за рамки сложившихся стереотипов в подходах общества к решению проблем защиты подрастающего поколения от сексуального насилия.

Исследуя законодательство ряда зарубежных стран, относящихся к романо-германской, англосаксонской, религиозной и традиционной правовым семьям, а также изучая опыт их правоохранительной деятельности в сфере профилактики и противодействия насильственной сексуальной преступности, жертвами которой становятся несовершеннолетние, мы пришли к выводу, что одной из наиболее часто встречающихся мер воздействия (помимо ограниче-

¹ URL: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison/Child-Victims/Executive_Summary-Russian.pdf (дата обращения: 10.09.2025).

этиологии девиантного поведения, поскольку фармакологическое подавление либидо не нивелирует собственную психопатологические основы расстройства.

По мнению директора научно-исследовательского института урологии О. И. Апалихина, химическая кастрация может воздействовать лишь на лидерские качества человека, но не сможет изменить сущность самого педофила. «Я считаю, что это (химическая кастрация) прежде всего моральное подавление. Тестостерон, который в результате кастрации понижается, он уменьшает активность у мужчин. Такой мужчина более пассивен», — сказал он в интервью агентству РИА «Новости»¹⁶.

Что же такое химическая и хирургическая кастрация? Способны ли они оказать эффективное профилактическое воздействие на лиц, отбывших наказание за совершение посягательства на половую свободу и половую неприкосновенность несовершеннолетних? Возможно ли их применение на территории Российской Федерации и отразится ли это на показателях насильственной сексуальной преступности, жертвами которой становятся дети и подростки?

Суть хирургической кастрации (orchietomy) заключается в удалении одного или обоих тестикул в целях снижения у мужчин выработки тестостерона, чтобы уменьшить их половое влечение.

Химическая (медикаментозная) кастрация представляет собой применение антиандрогенных препаратов (например, cyproterone acetate, medroxyprogesterone acetate (MPA) или Depo-Provera, testosterone undecanoate, Benperidolum и др.¹⁷) для уменьшения или полного подавления полового влечения и (или) самой возможности сексуального возбуждения.

Рассуждая об эффективности анализируемой меры профилактического воздействия на лиц, страдающих расстройством сексуального предпочтения, выраженного в половом влечении к детям допубертатного и раннего пубертатного возраста, считаем необходимым проанализировать практику применения химической и хирургической кастрации на территории иностранных государств.

Во многих штатах США предусмотрено применение как химической, так и хирургической кастрации для лиц, осужденных за совершение преступления сексуального характера в отношении несовершеннолетних. В большинстве случаев данная профилактическая мера применяется в отношении

граждан, совершивших посягательство на половую неприкосновенность и половую свободу детей и подростков повторно (после отбытия наказания), а также в отношении лиц, желающих освободиться условно-досрочно¹⁸. Говоря об эффективности применения исследуемой нами меры предупредительного воздействия в США, стоит отметить, что как химическая, так и хирургическая кастрация не могут гарантировать защиту несовершеннолетних от сексуальных посягательств со стороны лиц, страдающих различными формами парафилии. В начале 90-х гг. XX в. серийный маньяк-педофил Джесси Тиммендас после прохождения процедуры химической кастрации смог снова «выйти на охоту». Используя медицинские препараты, в состав которых входил мужской гормон, он изнасиловал, а затем убил 7-летнюю Меган Канки, проживающую по соседству¹⁹. Данное происшествие послужило поводом к введению новых ограничительных мер к лицам, совершившим посягательства на половую неприкосновенность несовершеннолетних, известных как «Закон Меган».

Кастрация, как хирургическая, так и химическая, также применяется в Чешской Республике. После отбытия наказания или в случаях условно-досрочного освобождения преступника ставят перед выбором — длительное лечение в психиатрической клинике или операция (хирургическая кастрация). Отметим, что в период действия этой превентивной меры (более 30 лет) на территории Чешской Республики случаев повторного совершения изнасилований (§ 185 Znásilnění)²⁰ зарегистрировано не было. Однако число насильственных действий сексуального характера (§ 187 Pohlavní zneužití) и других противоправных деяний, посягающих на половую свободу и половую неприкосновенность несовершеннолетних, совершенных лицами, имеющими судимость за аналогичные противоправные деяния, остается на достаточно высоком уровне [7, с. 15–17].

В Индонезии химическая кастрация была введена в 2017 г. после ряда резонансных случаев сексуального насилия над детьми, однако положительного результата в борьбе с посягательствами на половую неприкосновенность несовершеннолетних это не дало. По данным National Commission on Violence, в 2021 г. в стране было зарегистрировано 338 496 случаев сексуального насилия, что на 50 % превысило аналогичный показатель предыдущего года²¹.

¹⁶ URL: <https://ria.ru/20110712/400684160.html> (дата обращения: 10.09.2025).

¹⁷ URL: <https://www.findlaw.com/criminal/criminal-charges/chemical-and-surgical-castration.html> (дата обращения: 10.09.2025).

¹⁸ Водопьянов В. А. Кастрация и контроль полиции. URL: <https://www.vodopiynov.ru/kastraciya-i-kontrol-policii> (дата обращения: 10.09.2025).

¹⁹ URL: <https://www.history.com/this-day-in-history/man-charged-in-murder-of-megan-kanka> (дата обращения: 10.09.2025).

²⁰ URL: <https://www.kurzy.cz/zakony/40-2009-trestni-zakonik/paragraf-185/> (дата обращения: 10.09.2025).

²¹ URL: <https://www.infobae.com/en/2022/04/19/chemical-castration-which-countries-have-applied-it-and-what-have-been-the-results/?outputType=amp-type> (дата обращения: 10.09.2025).

Таким образом, можно сделать вывод, что химическая и хирургическая кастрация как самостоятельные меры превентивного воздействия не отличаются значительной эффективностью, так как любая форма стерилизации в первую очередь оказывает влияние лишь на физиологическую возможность совершения полового преступления, но и никак не устраняют истинных причин, побуждающих педофилов совершать сексуальные преступления. Однако в зарубежной практике существует и ряд позитивных примеров применения к лицам, страдающим педофилией, кастрации в совокупности с иными профилактическими мерами, в том числе и на добровольной основе (до совершения лицом противоправного деяния, по собственной инициативе).

Например, на территории Федеративной Республики Германия функционирует проект Клауса Михаэля Байера, директора Института сексуальной медицины при берлинской университетской клинике «Charite», деятельность которого направлена на оказание анонимной помощи лицам, страдающим преступным влечением к телу ребенка. Пациентами лечебного заведения становятся не только лица, осужденные ранее за совершение подобного рода деяний и желающие избежать рецидива, но и те, кто не совершал преступления, однако опасается не удержать свои сексуальные порывы под контролем. Профессор помогает подросткам распознать у себя предпосылки к различным формам парафилии (в том числе педофилии) и побороть их на ранних стадиях. За время существования его программы «Kein Täter werden» («Не становись преступником») за помощью к специалистам обратилось более десяти тысяч человек, более трех тысяч прошли диагностику, около полутора тысяч человек — лечение, более тысячи человек проходят курс, продолжающийся полгода. По данным специализированного опроса, 98 % граждан, страдающих педофилией, после прохождения курса лечения, включающего в себя как прием медикаментозных препаратов (фармакотерапию), так и психологическую терапию, в той или иной мере смогли изменить свою жизнь²².

В США, помимо хирургической и химической кастрации, существует целый ряд иных мер, применяемых к лицам, осужденным за совершение посягательств на половую свободу и половую неприкосновенность несовершеннолетних:

— обязанность сообщать в правоохранительные органы о месте своего жительства, работы или службы;

— запрет на проживание в непосредственной близости от образовательных учреждений, остановок школьных автобусов, детских садов и иных мест массового скопления детей;

— оповещение граждан о нахождении в непосредственной близости от них потенциально опасных лиц, страдающих педофилией, путем объявления данных сведений по телевидению, расклеивания листовок или личного информирования;

— функционирование открытой базы данных о лицах, совершивших сексуальное насилие в отношении несовершеннолетних;

— осуществление контроля за передвижением обозначенных лиц при помощи браслета с встроенным GPS-датчиком.

Совокупность этих мер позволила сократить число рецидивов сексуального насилия в отношении несовершеннолетних на территории большинства штатов с 80–85 % до 10–15 %²³.

Таким образом, если оценивать применение кастрации как одной из составляющих комплекса мер по противодействию распространению педофилии, а не как единственное наказание, то ее эффективность в совокупности с другими превентивными мерами, на наш взгляд, значительно возрастает.

Вернемся к вопросу применения кастрации к лицам, совершившим насильственное сексуальное преступление в отношении несовершеннолетних, на территории Российской Федерации.

В настоящее время Уголовным кодексом Российской Федерации за совершение насильственного посягательства на половую неприкосновенность несовершеннолетних предусмотрено наказание в виде лишения свободы или пожизненного лишения свободы. Дополнительными наказаниями являются лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, а также ограничение свободы.

В 2012 г. и 2022 г. Государственная Дума РФ приняла законы, предусматривающие пожизненное заключение для педофилов-рецидивистов, а также лиц, совершивших насильственное сексуальное преступление, сопряженное с совершением другого тяжкого или особо тяжкого преступления против личности, за исключением случаев, предусмотренных п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, или в отношении двух или более несовершеннолетних; запрет на условное осуждение за насилие над ребенком младше 14 лет и принудительные меры медицинского характера (часто ошибочно называемые в СМИ химической кастрацией) [8, с. 131].

²² Жолквер Н. И. Как в Германии защищают детей от педофилии. URL: <https://www.dw.com/ru/как-в-германии-защищают-детей-от-педофилов/a-43589734> (дата обращения: 27.01.2025).

²³ URL: <https://m.youtube.com/watch?v=BdAgNVCiYpl&t=178s> (дата обращения: 10.09.2025).

Подобного рода ошибки неоднократно встречались и в трудах ряда ученых и политических деятелей. В частности, в научной статье «Права человека и перспективы применения химической кастрации в России» говорится о том, что принятые в 2012 г. изменения в УК РФ «впервые предусмотрели возможность применения принудительных мер медицинского характера к лицам, которые совершили преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Появилась возможность добровольной химической кастрации» [3, с. 315]. М. Э. Варданян и С. И. Ленева утверждают, что «химическая кастрация была введена в России как мера воздействия на педофилов в 2012 году» [9, с. 112]. Встречаются также научные труды с подобным противоречащим названием — «Химическая кастрация как вид принудительных мер медицинского характера» [10]. Даже в обзоре на Федеральный закон от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних», представленном интернет-платформой «Гарант», сказано, что «суд вправе назначать комплекс принудительных мер медицинского характера в отношении лиц в возрасте старше 18 лет, которые совершили посягательство на половую неприкосновенность несовершеннолетних и страдают расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости. По мнению законодателей, такой комплекс может включать возможность применения профилактических медикаментозных средств, в том числе химической кастрации»²⁴.

Однако ни в одном нормативно-правовом источнике нет упоминаний о кастрации, тем более о добровольной. В статье 99 УК РФ содержится исчерпывающий перечень принудительных мер медицинского характера, к которым относятся: принудительное наблюдение и лечение у врача-психиатра в амбулаторных условиях; принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях общего типа; принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях специализированного типа; принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь

в стационарных условиях специализированного типа с интенсивным наблюдением.

Помимо обозначенных случаев упоминания «существующей» в России добровольной кастрации педофилов, на просторах интернета сегодня можно встретить информацию, свидетельствующую о применении химической кастрации как принудительной меры медицинского характера. В частности, на основании опубликованного на информационном портале «Daily Storm» интервью с руководителем Управления организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, ФСИН России Е. А. Коробковой читатель может прийти к ошибочному мнению о том, что на территории Российской Федерации существует практика применения рассматриваемого вида воздействия на педофилов. «В России принудительное медицинское лечение, в том числе химическая кастрация, в отношении педофилов применяется в течение двух лет. В 2017 г. такому лечению подвергли одного человека, в 2018 г. — восемь преступников. Несмотря на то что закон о химической кастрации педофилов был принят в 2012 г., принудительное лечение стали применять только спустя пять лет, рассказала ТАСС представитель ФСИН Елена Коробкова»²⁵.

В целях поиска ответов на возникающие в связи с ознакомлением с перечисленными источниками информации вопросы о применении кастрации к лицам, осужденным за совершение посягательств на половую свободу и половую неприкосновенность несовершеннолетних, нами было составлено официальное обращение в Министерство юстиции Российской Федерации о предоставлении сведений о применении на территории России кастрации к лицам, осужденным за совершение противоправных деяний против половой неприкосновенности несовершеннолетних. В ответе главного внештатного специалиста — уролога Минздрава России Д. Ю. Пушкаря сказано, что случаев химической кастрации в учреждениях, находящихся в ведении Минздрава России, до 30 августа 2025 г. задокументировано не было.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что на сегодняшний день института кастрации не существует в современном российском законодательстве, предусматривающем ответственность за противоправные деяния, посягающие на половую неприкосновенность детей и подростков.

²⁴ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних : федеральный закон от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁵ URL: <https://dailystorm.ru/news/vo-fsin-rasskazali-o-praktike-prinuditelnoy-himicheskoy-kastracii-v-rossii?ysclid=m3blcgnqb7174912566> (дата обращения: 10.09.2025).

В отношении исследуемой категории лиц применение принудительных мер медицинского характера сводится преимущественно к амбулаторному принудительному наблюдению и лечению у врача-психиатра, которое на практике реализуется в форме консультативной психологической и психиатрической помощи. Принципиально важно, что российская правовая модель исключает применение медикаментозных средств в принудительном порядке. Таким образом, методы фармакологического воздействия, включая так называемую химическую кастрацию (гормональную терапию), не входят в законодательно установленный перечень принудительных мер медицинского характера.

Гипотетическое введение медикаментозной кастрации в качестве принудительных мер медицинского характера порождает существенную правовую коллизию. С одной стороны, принудительная природа меры, назначаемой судом, предполагает ее применение независимо от воли осужденного. С другой стороны, фундаментальный принцип охраны здоровья граждан, закрепленный в ст. 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»²⁶, требует получения информированного добровольного согласия на любое медицинское вмешательство. Применение же инвазивных медикаментозных методов без такого согласия противоречило бы основам правового статуса личности в России.

В отличие от российской модели, законодательство ряда иностранных государств (например, некоторых штатов США, Чехии, Польши) предусматривает возможность пожизненного назначения гормональных блокаторов. Такая мера часто применяется в качестве условия условно-досрочного освобождения или в рамках постпенитенциарного контроля, что направлено на снижение риска рецидива.

Ключевое различие, однако, заключается не только в нормативных предписаниях, но и в практической возможности реализации. В Российской Федерации системной проблемой является отсутствие необходимой инфраструктуры в системе здравоохранения. Штатные единицы медицинских

психологов, психиатров-сексологов в учреждениях первичного звена (поликлиниках) повсеместно отсутствуют, как и налаженная система обеспечения соответствующими лекарственными препаратами. Это делает саму дискуссию о расширении видов принудительных мер медицинского характера в значительной степени теоретической.

Кроме того, анализ опыта применения иностранными государствами кастрации (как медикаментозной, так и хирургической) к лицам, осужденным за совершение посягательств против половой неприкосновенности несовершеннолетних, позволяет нам утверждать, что внедрение аналогичной практики на территории Российской Федерации не будет существенно влиять на количественные показатели исследуемых нами противоправных деяний. Существует немало случаев рецидива сексуального насилия в отношении несовершеннолетних, совершенного индивидами, к которым применялась кастрация. Однако если оценивать применение стерилизации в качестве одной из составляющих комплекса мер по противодействию распространению сексуальной преступности, жертвами которой становятся несовершеннолетние, а не как единственное наказание, то ее эффективность в совокупности с квалифицированной психологической и психиатрической помощью, а также другими превентивными мерами, на наш взгляд, значительно возрастает.

Исходя из сказанного выше, для эффективной борьбы с сексуальным насилием в отношении несовершеннолетних в России необходимо обеспечить формирование системного подхода, основанного на интеграции правовых, медицинских и социальных мер. Это требует как совершенствования законодательства, так и создания междисциплинарных программ работы с лицами, страдающими расстройствами сексуального предпочтения. Только сочетание жесткой уголовной ответственности, своевременной психиатрической помощи и долгосрочных профилактических проектов позволит повысить результативность борьбы с преступлениями против половой неприкосновенности несовершеннолетних.

Список источников

1. Колбасин В. В. Предупреждение насильственных преступлений сексуального характера, совершаемых в отношении несовершеннолетних : монография. М., 2025.
2. Соловьев В. С. Предупреждение преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних в сферу коммерческих сексуальных услуг : монография. М., 2015.
3. Абромян С. К., Зайцев А. И., Дмитриев И. С. Права человека и перспективы применения химической кастрации в России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. Т. 6, № 6.

²⁶ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ.

4. Литвяк Л. Г., Мельник А. В. Кастрация лиц, совершивших половые преступления: опыт зарубежных стран // Аспирант и соискатель. 2014. № 2.
5. Кулишова А. С. Химическая кастрация как мера уголовного наказания за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних (на примере стран Европы и США) // Теория и практика общественного развития. 2011. № 5.
6. Маслов В. А. О зарубежной практике применения смертной казни и химической кастрации как мер уголовно-правового воздействия // Вестник Пермского университета. 2022. № 58.
7. Doc. MUDr. Jaroslav Zvěřina, CSc.1, prof. PhDr. Petr Weiss, Ph. D., DSc.1, MUDr. Martin Hollý. Výsledky terapeutické kastrace u parafilních sexuálních delikventů // Psychiatr. Praxis. 2016. № 17(1).
8. Мингес И. А. Химическая кастрация педофилов: за и против // Теория и практика общественного развития. 2014. № 21.
9. Варданян М. Э., Ленева С. И. Химическая кастрация как способ борьбы с педофилией // Вестник магистратуры. 2016. № 12-1(63).
10. Якоб Е. И. Химическая кастрация как вид принудительных мер медицинского характера // Современное право. 2017. № 7.

УДК 343.79

doi: 10.24412/1999-625X-2026-1100-20-26

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Характеристика преступлений, совершаемых арбитражными управляющими

Василий Дмитриевич Ларичев

Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник¹,

✉ larichev48@mail.ru

¹ ВНИИ МВД России (Москва, Россия)

Рассматриваются вопросы назначения арбитражных управляющих в ходе внешнего наблюдения и конкурсного производства по рекомендациям соответствующих лиц, процедуры банкротства, полномочия на доступ к имуществу должника внешнего и конкурсного управляющих, виды преступлений, совершаемые арбитражными управляющими, а также способы совершения хищений. Сделан вывод о том, что арбитражные управляющие совершают следующие виды преступлений: хищения путем присвоения или растраты либо мошенничества в свою пользу либо в пользу третьих лиц; коммерческий подкуп; взяточничество, дача взятки и другие преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Для совершения преступлений применяются следующие приемы: хищение средств граждан, признанных банкротами; хищение средств юридических лиц организованными преступными группами, состоящими из арбитражных управляющих и других категорий лиц. Для этого используются следующие приемы: завышение расходов на юридические услуги сторонних фирм, а также своих родственников и знакомых; хищение имущества предприятий и организаций путем занижения его стоимости; сдача имущества предприятий и организаций в аренду, при которой часть арендных платежей присваивается арбитражным управляющим или третьими лицами, и др.

Ключевые слова: арбитражный управляющий, виды преступлений, способы совершения хищений

Для цитирования: Ларичев В. Д. Характеристика преступлений, совершаемых арбитражными управляющими // Научный вестник Омской академии МВД России. 2026. Т. 32, № 1(100). С. 20–26.

Description of Crimes Committed by Arbitration Managers

Vasilii D. Larichev

Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Doctor of Science (in Law), Professor, Senior Researcher¹,

✉ larichev48@mail.ru

¹ All-Russian Research Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs (Moscow, Russia)

The issues of appointment of arbitration managers in the course of external monitoring and insolvency proceedings according to the recommendations of relevant entities, bankruptcy procedures, powers to access the property of the debtor of external and bankruptcy managers, types of crimes committed by arbitration managers, as well as methods of embezzlement are considered. It is concluded that arbitration managers commit the following types of crimes: embezzlement by misappropriation or embezzlement or fraud in their favor, or in favor of third parties; commercial bribery; bribery, giving bribe and other crimes against state power, the interests of public service and service in local government. The following methods are used to commit crimes: embezzlement of funds of citizens declared bankrupt; theft of funds of legal entities by organized criminal groups consisting of arbitration managers and other categories of entities. For this, the following techniques are used: overestimation of the costs of legal services of third-party firms, as well as their relatives and acquaintances; theft of property of enterprises and organizations by underestimating its value; lease of property of enterprises and organizations, in which part of the lease payments is misappropriated by arbitration managers or third parties, etc.

Keywords: arbitration manager, types of crimes, methods of committing embezzlement

---

Citation: Larichev V. D. Description of Crimes Committed by Arbitration Managers. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2026. Vol. 32, No 1(100). Pp. 20–26 (In Russ.).

Одним из результатов хозяйственной деятельности предприятий и организаций, связанных с некомпетентным ведением дел, может быть их убыточность и несостоятельность, в результате чего они не могут вернуть долги кредиторам, уплатить налоги и т. д. Чтобы вернуть хотя бы часть кредитов деловым партнерам, мировой практикой выработаны юридические процедуры решения взаимоотношений между кредиторами и несостоятельным должником, осуществляемые в рамках процедуры банкротства. Основным назначением этих процедур является особый порядок удовлетворения требований кредиторов должником.

Для проведения процедур банкротства арбитражным судом назначается арбитражный управляющий в порядке, установленном ст. 45 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве), по рекомендациям соответствующих лиц. Правом выдвижения кандидатуры арбитражного управляющего на утверждение наделены: конкурсный кредитор (кредиторы по денежным обязательствам), работник, бывший работник должника, уполномоченный орган (федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный Правительством РФ на представление в деле о банкротстве¹), собрание кредиторов, иные лица, участвующие в деле о банкротстве.

Когда банкротом выступает гражданин, то в заявлении в арбитражный суд о признании себя банкротом он обязан указать саморегулируемую организацию (далее — СРО), из числа членов которой должен быть назначен финансовый управляющий — арбитражный управляющий, утвержденный арбитражным судом для участия в деле о банкротстве гражданина.

Саморегулируемая организация арбитражных управляющих устанавливает определенные обязательные условия членства в этой организации.

А вот у должника — юридического лица, в отличие от банкротства граждан, отсутствует право предлагать суду кандидатуру своего арбитражного управляющего или СРО. Таким правом наделены только конкурсные кредиторы и уполномоченный орган (ФНС).

Арбитражные управляющие (временный, административный, внешний и конкурсный) являются основными распорядительными фигурами процесса банкротства.

При рассмотрении дела о банкротстве должника — юридического лица — применяются следующие процедуры:

- наблюдение;
- финансовое оздоровление;
- внешнее управление;
- конкурсное производство;
- мировое соглашение.

При таких процедурах банкротства, как наблюдение, финансовое оздоровление, арбитражный управляющий не имеет возможности самостоятельного доступа к имуществу должника. При внешнем управлении и конкурсном производстве прекращаются полномочия руководителя должника, управление делами должника возлагается на внешнего и конкурсного управляющих.

Наибольшими полномочиями доступа к имуществу должника обладают внешний и конкурсный управляющие, которые могут совершать различные неправомерные действия.

Таким образом, выбор арбитражного управляющего является одним из ключевых элементов процедуры банкротства. Именно он сопровождает дело с момента возбуждения производства до его завершения, отчитываясь перед судом, кредиторами и СРО. От уровня его компетенции, опыта и добросовестности напрямую зависит судьба имущества должника, результат процедуры и юридическая безопасность всех участников.

В российской практике наблюдаются многочисленные случаи, когда неудачный выбор управляющего приводит к затягиванию сроков, формальному проведению процедур, прямому нарушению прав должника или кредиторов, злоупотреблениям полномочиями и даже совершению преступлений.

При этом следует отметить, что общим вопросам борьбы с криминальным банкротством посвящено достаточно много исследований (труды по различным направлениям: уголовному праву [1; 2], расследованию [3; 4], криминалистике [5] и др. [6; 7; 8]).

В то же время проблеме борьбы с преступлениями, совершенными арбитражными управляющими, посвящены лишь единичные публикации [9; 10].

В связи с этим нами изучена практика совершения преступлений этими субъектами.

Наиболее распространенным способом совершения таких преступлений являются *прямые хищения, совершенные арбитражными управляющими путем присвоения или растраты либо мошенничества*.

¹ В соответствии с постановлением Правительства РФ от 29 мая 2004 г. № 257 «Об обеспечении интересов Российской Федерации как кредитора в деле о банкротстве и в процедурах, применяемых в деле о банкротстве» федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным на представление в деле о банкротстве и в процедурах, применяемых в деле о банкротстве, является Федеральная налоговая служба (далее — ФНС).

При этом следует отметить, что знание способов совершения преступлений позволяет:

- определить признаки преступления;
- прогнозировать развитие преступной деятельности;
- определить перспективы применения организационно-тактических и технических приемов раскрытия преступлений, исходя из конкретно складывающейся оперативной обстановки;
- предположить, где и какие следы нужно искать, какие предметы и документы подлежат выявлению и изучению;
- определить силы, средства, которые позволят выявить преступные действия разрабатываемых и тактику их применения.

Кроме того, рассмотрение способов совершения преступлений обанкротившихся предприятий позволяет:

- фиксировать внимание на криминогенных поведенческих факторах;
- выявлять способы преступления для профилактической деятельности;
- прогнозировать появление новых способов, чтобы вырабатывать адекватные методики предупреждения преступлений.

Способы хищений достаточно разнообразны. По результатам изучения материалов следственно-судебной практики, а также информации из сети Интернет способы совершения хищений нами распределены по следующим группам.

Наиболее распространены способы хищений денежных средств либо имущества предприятия-банкрота путем их отчуждения в свою пользу либо в пользу третьих лиц.

Одной из схем такого хищения является завышение расходов на юридические услуги сторонних фирм. Порой для осуществления таких услуг привлекаются родственники, знакомые арбитражного управляющего, не имеющие соответствующей квалификации, но получающие завышенные оплаты. Размер оплаты услуг лиц, привлеченных внешним управляющим или конкурсным управляющим для обеспечения исполнения возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве, который регламентируется п. 3 ст. 20.7 Закона о банкротстве, может быть признан арбитражным судом необоснованным по заявлению лиц, участвующих в деле о банкротстве.

Так, по одному арбитражному делу оценщику, выступающему экспертом, выплачено 1 370 000 рублей, хотя рыночная стоимость этой услуги составляет не более 150 тыс. рублей. Таким образом, арбитражный управляющий выплатил денежные средства незаконно.

Иногда такие лица привлекаются для решения юридических услуг при наличии штатного юриста.

Так, по одному делу апелляционный суд пришел к выводу о том, что с учетом объема и характера предстоящей работы, наличия штатного юриста конкурсный управляющий имеет возможность самостоятельно осуществлять указанные функции, так как они не требуют специальных познаний. Профессиональный статус арбитражного управляющего предполагает, что он участвует в процедурах, не нуждаясь в привлечении лиц по вопросам, непосредственно связанным с банкротством должника.

Например, суд выяснил, что отзывы, составленные привлеченными лицами, состоят из двух неполных страниц. Апелляционный суд заключил, что составить такие отзывы не представляет особой сложности.

Вместе с тем иногда данные выплаты являются фиктивными и служат лишь прикрытием для вывода денежных средств.

Достаточно часто похищаются средства гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, признанного арбитражным судом банкротом.

В качестве примера можно привести обвинительное заключение по уголовному делу № 12201140029000032, возбужденному СЧ СУ УМВД России по Белгородской области в отношении Ш., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 195 УК РФ. Ш. Так, являясь финансовым управляющим (арбитражный управляющий, утвержденный арбитражным судом для участия в деле о банкротстве гражданина) гражданина С., признанного судом банкротом, в целях отчуждения и последующего сокрытия имущества, сведений об имуществе путем снятия со специального счета должника С. наличных денежных средств в сумме свыше 4 млн рублей, являющихся имуществом конкурсной массы должника, осуществил фактическое отчуждение этого имущества, а также сокрытие данного имущества и сведений об имуществе: о его размере, местонахождении и иной информации об имуществе, чем причинил кредиторам крупный ущерб на указанную общую сумму.

В другом случае Л., являясь финансовым управляющим должника И., получила право распоряжаться имуществом должника — квартирой общей площадью 65,4 м², находящейся в залоге у ПАО «Сбербанк» по кредитному договору. Она разработала преступный план, направленный на противоправное, безвозмездное обращение денежных средств, полученных в результате реализации имущества должника И., которое вверено ей как финансовому управляющему, в свою пользу. Сознывая, что фактически на нее возложены обязанности по перечислению части денежных средств, вырученных от реализации предмета залога, на погашение требований кредитора по обязательствам, обеспеченным залогом имущества

должника, зная, что решением арбитражного суда ей утверждено фиксированное вознаграждение в размере 25 тыс. рублей, указала в качестве реквизитов зачисления задатков и расчета за реализуемое имущество свой личный расчетный счет, тем самым похитила 1 530 000 рублей, вместо того чтобы внести их на специальный банковский счет должника. В данном случае в отношении Л. возбуждено уголовное дело по ч. 4 ст. 160 УК РФ². Аналогичные дела возбуждены в Свердловской³, Волгоградской⁴ областях и других регионах Российской Федерации.

Участвуют в таких хищениях и другие лица. Так, помощник арбитражного управляющего, оказывающий содействие физическим лицам с оформлением банкротства, вводя в заблуждение бухгалтера, совершал хищение принадлежащих организации денежных средств — более 1 млн рублей. Согласно своим должностным обязанностям он должен был вносить полученные от бухгалтера деньги на депозитный счет суда. Однако вместо этого фигурант присваивал их себе и тратил на собственные нужды. В отношении него возбуждено уголовное дело по ч. 2 и ч. 4 ст. 160 УК РФ «Присвоение или растрата».

Конкурсные управляющие иногда реализуют имущество должника-банкрота и размещают эту сумму на счете в банке под проценты по депозиту.

Такие преступления совершаются не только по делам о банкротстве гражданина, но и в отношении предприятий и организаций, признанных банкротами. Так, в Волгоградской области сотрудниками УЭБиПК в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий установлено, что конкурсный управляющий А., злоупотребляя своим должностным положением, выполняя организационно-распорядительные функции в организации, присвоил вверенные ему денежные средства, предназначенные для расчета с кредиторами, в размере 12 168 682 рубля путем совершения 70 денежных переводов с расчетного счета одного ООО на свой расчетный счет⁵.

Достаточно часто такие преступления совершаются организованными преступными группами, состоящими из арбитражных управляющих и других категорий лиц. Например, на основании решения Арбитражного суда Алтайского края ЗАО «Павловская птицефабрика» признано несостоятельным (банкротом), в отношении птицефабрики открыто кон-

курсное производство, конкурсным управляющим общества утвержден арбитражный управляющий Г., который на постоянной основе выполнял весь спектр организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций в ЗАО, полностью контролируя всю деятельность общества.

У Г. из корыстных побуждений возник преступный умысел на хищение имущества ЗАО «Павловская птицефабрика» путем обмана и злоупотребления доверием, с использованием своего служебного положения, в особо крупном размере и отчуждение имущества должника в ходе процедуры конкурсного производства с причинением крупного ущерба кредиторам, сопряженный с незаконным образованием юридических лиц.

Для этого он привлек своего знакомого Л., который имеет опыт работы в сфере управления персоналом, склонен к наживе, готов подчиняться ему и выполнять его указания, посвятил его в свои преступные намерения и предложил войти в состав организованной преступной группы под своим руководством, на что последний дал согласие.

После этого Г. представил Л. исполнительному директору ЗАО как своего представителя, наделенного им полномочиями по управлению предприятием, поручив последнему издать приказ о назначении Л. на должность финансового директора общества.

Кроме того, он привлек Е., который, занимая должность коммерческого директора ЗАО на постоянной основе, осуществлял организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции.

Используя реквизиты зарегистрированных в установленном законом порядке лиц, не осуществлявших предпринимательской и иной финансово-хозяйственную деятельности, участники преступной группы отгрузили и реализовали продукцию общества на сумму свыше 311 млн рублей под видом ее поставки в фиктивные ООО по заниженной цене, совершив свыше 850 эпизодов преступной деятельности, похитили с использованием своего служебного положения имущество ЗАО «Павловская птицефабрика» на общую сумму около 40 млн рублей⁶.

Похищаются не только денежные средства, но и имущество предприятий-банкротов. Так,

² Обвинительное заключение по уголовному делу № 12301250018000114, возбужденному СЧ СУ МУ МВД России «Иркутское» 16 ноября 2022 г. в отношении Л. за совершение преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 160 УК РФ и ч. 4 ст. 160 УК РФ.

³ Обвинительное заключение по уголовному делу № 12401650020000771, возбужденному СО ОМВД России «Первоуральский» 20 июля 2024 г. в отношении Г. за совершение преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 160, ч. 3 ст. 160 УК РФ.

⁴ Письмо ГУ МВД России по Волгоградской области от 12 марта 2025 г. № 6/1938.

⁵ Там же.

⁶ Обвинительное заключение по уголовному делу № 11901010037000140, составленному 2 августа 2021 г. в СЧ ГСУ ГУ МВД России по Алтайскому краю в отношении Г., Л., Е., совершивших преступления, предусмотренные ч. 4 ст. 159 УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 173¹ УК РФ, ч. 1 ст. 195 УК РФ.

СРО арбитражных управляющих в лице М. и его подчиненной Ч. продавали уникальное нефтяное оборудование компании-банкрота. Деньги, полученные от реализации имущества банкротов, они не включали в конкурсную массу, а присваивали себе. Таким образом был причинен ущерб организации-банкроту и двум физическим лицам на сумму 8,5 млн рублей⁷.

В Мещанском суде г. Москвы вынесен приговор по делу президента Российской гильдии арбитражных управляющих и Сибирской гильдии антикризисных управляющих (СГАУ), нескольких его коллег и связанного с ними предпринимателя. Они обвинялись в том, что, используя поддельные документы, вывели из конкурсной массы обанкротившихся компаний и реализовали по заниженной стоимости несколько десятков квартир и другое имущество, в результате был причинен ущерб в размере более 250 млн рублей как правопреемнику обанкротившегося «Межтопэнергобанка», кредитовавшего фирмы «Межтопэнергобанка»⁸.

В ряде случаев арбитражные управляющие, для того чтобы продать имущество предприятия-банкрота по заниженной цене, при организации торгов в один лот включают практически все имущество. На такой лот не находится покупателей, поскольку сумма имущества огромна. В связи с этим организуются повторные торги по сниженной цене,

Арбитражные управляющие иногда завышают цену недвижимости предприятия-банкрота на торгах так, что покупка становится бессмысленной: никто из здравомыслящих людей не будет покупать что-то дороже рыночной стоимости. После того как торги признаются несостоявшимися по причине отсутствия желающих купить недвижимость потерпевших по заведомо завышенной цене, она продается аффилированным лицам⁹ уже по цене, существенно ниже рыночной.

Применяются и другие способы хищения денежных средств и имущества предприятия-банкрота. Для этого имущество предприятия в одних случаях сдается в аренду на невыгодных для него условиях. Так, конкурсный управляющий М., вместо того чтобы расплатиться с кредиторами, сдавал в аренду недвижимость компании за «откаты». Нежилые объекты были выставлены на торги в рамках конкурсного производства. Фиктивные до-

говоры на аренду зданий управляющий заключал со знакомыми индивидуальными предпринимателями. При этом 5 % платежей шло в официальную кассу, а 95 % — управляющему М. По подсчетам следствия, доходы управляющего только от одного объекта составляли более 50 млн рублей.

Кроме незаконных выплат, в рамках конкурсного производства возможны и другие мошеннические схемы, например, через заключение сделок с родственниками, знакомыми, подставными лицами либо с аффилированными компаниями, контролируемые арбитражными управляющими. В таких схемах часто участвуют бывшие арбитражные управляющие и вновь назначенный управляющий и победитель торгов, а также другие лица. Такие управляющие вместо спасения предприятия совершают масштабные махинации, направленные на вывод миллионов рублей через фиктивные должности своих ближайших родственников.

Наряду с мошенничеством или присвоением, или растратой в данной сфере имеет место совершение и других преступлений, в частности, коммерческого подкупа. Так, Д., будучи временным и конкурсным управляющим одного ООО «СК», получил от директора этой компании более 480 тыс. рублей в качестве коммерческого подкупа. Взамен он обещал не направлять в арбитражный суд требования о признании некоторых сделок недействительными, тем самым помогая руководству избежать субсидиарной ответственности перед кредиторами. Кроме того, в дальнейшем он предоставил директору ложную информацию, что тот может выкупить имущество своей организации на торгах в рамках конкурсного производства, за что получил еще 200 тыс. рублей. После этого он пообещал ускорить процедуру банкротства и минимизировать имущественные потери для руководителя предприятия. За эти услуги он получил еще 100 тыс. рублей.

В другом случае Н., являясь конкурсным управляющим, фактически получила от бывшего конкурсного управляющего Д., освобожденного от исполнения обязанностей арбитражным судом, бухгалтерскую и иную документацию должника и, воспользовавшись доверительными отношениями с последним, не подписала акт приема-передачи документов.

⁷ URL: t.me/s/sherlockbro (дата обращения: 20.04.2025).

⁸ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7282047?ysclid=mm0iul4775510914> (дата обращения: 20.04.2025).

⁹ Аффилированные лица — физические и юридические лица, способные оказывать влияние на деятельность юридических и (или) физических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность (Закон РСФСР от 22 марта 1991 г. № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках»). Взаимозависимыми лицами для целей налогообложения признаются физические лица и (или) организации, отношения между которыми могут оказывать влияние на условия или экономические результаты их деятельности или деятельности представляемых ими лиц (ч. 1 раздела 1 Налогового кодекса Российской Федерации).

В дальнейшем Н., действуя в рамках исполнения своих служебных полномочий, в целях получения от последнего имущества подала в арбитражный суд заявление об истребовании у арбитражного управляющего Д. бухгалтерской и иной документации должника-банкрота, полученной им в период исполнения обязанностей конкурсного управляющего, и взыскании с него судебной неустойки в размере 10 тыс. рублей за каждый день просрочки судебного акта.

Действуя из корыстных побуждений, Н. в ходе неоднократных телефонных переговоров предъявила последнему незаконные требования о передаче ей имущества, принадлежащего Д. и членам его семьи, на сумму свыше 16 млн рублей, на что последний согласился¹⁰.

В данной сфере имеет место совершение взяточничества. В качестве примера следует привести уголовное дело по обвинению бывшей судьи Арбитражного суда Мордовии М., которая получила 2,5 года условно за злоупотребление должностными полномочиями и вынесение заведомо неправосудного решения¹¹.

Начиналось все с банкротства одного ООО. Конкурсный управляющий К. и судья М. осуществили сделку, в ходе которой дебиторская задолженность фирмы на 23,4 млн рублей была продана аффилированным с конкурсным управляющим К. за 215 тыс. рублей. Это менее чем один процент от стоимости. Такой «продажей века» возмутилась одна из участниц торгов — предпринимательница Л., которую не допустили к торгам. Она обжаловала это решение, но судья М., тесно связанная с К., встала на его сторону и отклонила жалобу.

Спустя несколько месяцев арбитражный управляющий «отблагодарил» судью щедро: в декабре 2021 г. он выдал ей беспроцентный кредит на один миллион рублей.

Подводя итоги изложенному выше, следует отметить, что арбитражные управляющие используют

следующие виды и способы совершения преступлений:

— хищения путем присвоения или растраты либо мошенничества в свою пользу, либо в пользу третьих лиц;

— коммерческий подкуп;

— взяточничество, дача взятки и другие преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

Для совершения хищений применяются следующие приемы:

— хищение средств граждан, признанных банкротами;

— хищение средств юридических лиц организованными преступными группами, состоящими из арбитражных управляющих и других категорий лиц. Для этого используются следующие приемы:

— завышение расходов на юридические услуги сторонних фирм, а также своих родственников и знакомых;

— хищение имущества предприятий и организаций путем занижения его стоимости;

— сдача имущества предприятий и организаций в аренду, при которой часть арендных платежей присваивается арбитражным управляющим или третьими лицами.

Таким образом, в целом рынок банкротств стал аренной жестокой борьбой, где ключевыми игроками являются не только арбитражные управляющие и юристы, но и представители государственных структур, получающие долю от этих незаконных сделок. Системные манипуляции с активами, скрытые схемы и нелегальные сделки стали обычной практикой. Банкротство перестало быть всего лишь финансовым процессом, а превратилось в арену для рейдерских захватов. Но главная проблема не в отдельных банкротах, а в системе.

Список источников

1. Дерягина С. В. Преступные банкротства по уголовному законодательству Российской Федерации: ретроспективный и уголовно-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022.
2. Журавлева Е. Н. Криминальное банкротство: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006.
3. Резван П. А. Методика расследования криминальных банкротств : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004.
4. Сычев С. Н. Методика расследования криминальных банкротств: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
5. Акимов С. Р. Криминалистическое обеспечение расследования криминальных банкротств : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2006.

¹⁰ Обвинительное заключение № 12302580009000048 от 29 октября 2024 г., составленное СУ СК России по Псковской области в отношении Н. за совершение преступления, предусмотренного ч. 8 ст. 204 УК РФ.

¹¹ URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/9zZ3897UJQrw/?ysclid=mmDQt2mxsh12593396> (дата обращения: 20.04.2025).

6. Бугрова Е. Г. Особенности криминалистической характеристики криминальных банкротств и неправомерных действий при банкротстве // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики : мат-лы всерос. науч.-практ. конф. (17 марта 2017 г.). Краснодар, 2017.
7. Красненкова А. В. Инновационные способы получения оперативно значимой информации по делам о преступлениях, связанных с криминальными банкротствами // Юридическая техника. 2021. № 15.
8. Островский Ж. В., Серeda И. М. Понятие и виды криминальных банкротств по уголовному законодательству Российской Федерации // Российское правосудие. 2021. № 4.
9. Старцева Е. А. Логистический аспект криминалистического обеспечения доказывания по уголовным делам о преступлениях, совершаемых арбитражными управляющими в ходе конкурсного производства // Алтайский юридический вестник. 2021. № 4(36).
10. Старцева Е. А. Особенности выявления и расследования мошенничеств, совершенных арбитражными управляющими // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2021. № 2(55).

УДК 343.2/.7

doi: 10.24412/1999-625X-2026-1100-27-32

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Сравнительный анализ регламентации уголовной ответственности за создание незаконного вооруженного формирования или участие в нем в Республике Таджикистан и Российской Федерации

Константин Дмитриевич Николаев

кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного права¹, ✉ knik@mail.ru

Амриддин Камолзода

адъюнкт адъюнктуры¹, ✉ amrik220889@mail.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

Проводится сравнительный анализ регламентации уголовной ответственности за организацию незаконного вооруженного формирования или участие в нем в Республике Таджикистан и Российской Федерации. Отмечается, что нормы о незаконных вооруженных формированиях, содержащиеся в Уголовном кодексе Российской Федерации, имеют определенное сходство по объекту и объективной стороне состава преступления с аналогичной нормой Уголовного кодекса Республики Таджикистан. Делаются выводы о пробелах в ст. 185 Уголовного кодекса Республики Таджикистан. Обосновываются предложения о приведении названия ст. 185 Уголовного кодекса Республики Таджикистан в соответствие с ее содержанием; о дифференциации уголовной ответственности и наказания за создание незаконного вооруженного формирования, а равно руководство таким формированием или его финансирование либо участие в нем. Вносится предложение об изменении редакции примечания к названной уголовно-правовой норме, а также к ст. 208 УК РФ.

Ключевые слова: незаконное вооруженное формирование, организация, создание, руководство, финансирование, участие, освобождение от уголовной ответственности, гармонизация законодательства

Для цитирования: Николаев К. Д., Камолзода А. К. Сравнительный анализ регламентации уголовной ответственности за создание незаконного вооруженного формирования или участие в нем в Республике Таджикистан и Российской Федерации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2026. Т. 32, № 1(100). С. 27–32.

Comparative Analysis of the Regulation of Criminal Liability for the Creation of an Illegal Armed Group or Participation in it in the Republic of Tajikistan and the Russian Federation

Konstantin D. Nikolaev

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, deputy-chief of the chair of Criminal Law¹, ✉ knik@mail.ru

Amriddin K. Kamolzoda

post-graduate student of the post-graduate courses¹, ✉ amrik220889@mail.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

The authors carry out a comparative analysis of the regulation of criminal liability for the creation of an illegal armed group or participation in it in the Republic of Tajikistan and the Russian Federation. It is stated that the norms on illegal armed groups contained in the Criminal Code of the Russian Federation have a certain similarity in the object and objective side of the corpus delicti to a similar norm in the Criminal Code of the Republic of Tajikistan. Conclusions are drawn regarding the gaps in Art. 185 of the Criminal Code of the Republic of Tajikistan. The article substantiates proposals to bring the title of Art. 185 of the Criminal Code of the Republic of Tajikistan in line with its content; to differentiate criminal responsibility and punishment for the creation of an illegal armed formation, as well as the leadership of such a formation or its financing or participation in it. The paper contains a proposal to change the version of the note to the mentioned criminal law norm, as well as to Art. 208 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: illegal armed formation, organization, creation, leadership, financing, participation, exemption from criminal liability, harmonization of legislation

Citation: Nikolaev K. D., Kamolzoda A. K. Comparative Analysis of the Regulation of Criminal Liability for the Creation of an Illegal Armed Group or Participation in it in the Republic of Tajikistan and the Russian Federation. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2026. Vol. 32, No 1(100). Pp. 27–32 (In Russ.).

В настоящее время особую актуальность приобретает борьба с организацией и деятельностью незаконных вооруженных формирований на территории ряда государств, в том числе в Республике Таджикистан и Российской Федерации. Важнейшей угрозой безопасности может быть эскалация имеющихся и развитие новых вооруженных конфликтов, в особенности вблизи государственных границ, а следовательно, появление трансграничных незаконных вооруженных формирований. Например, усиление влияния течений исламского фундаментализма на территории таких стран, как Узбекистан, Таджикистан и Киргизия, террористическая деятельность некоторых организаций на территории Афганистана, могут стать основой для создания незаконных вооруженных формирований [1, с. 5].

Бесспорно, в результате деятельности незаконных вооруженных формирований могут совершаться тяжкие и особо тяжкие преступления, такие как террористический акт, захват заложника и др. В Республике Таджикистан последствием гражданской войны 1992–1997 гг. стало появление незаконных вооруженных формирований, которые крайне негативно влияют на различные общественные сферы.

Следует отметить, что впервые составы, касающиеся деятельности незаконных вооруженных формирований, были закреплены в ст. 185 Уголовного кодекса Республики Таджикистан 1998 г., действующего в настоящее время (далее — УК РТ). Представляется, что выделение законодателем этих составов было обусловлено насущной необходимостью, связанной с охраной общественного правопорядка и защитой государственности Республики Таджикистан.

Статья 185 УК РТ «Организация незаконного вооруженного формирования» находится в главе 21 «Преступления против общественной безопасности» раздела VIII «Преступления против общественной безопасности и здоровья населения». Основной состав анализируемого преступления представлен ч. 1 ст. 185 УК РТ, закрепляющей уголовную ответственность за «создание незаконного вооруженного формирования (объединения, отряда, дружины или иной группы), а равно руководство таким формированием или участие в нем». Эти деяния наказываются лишением свободы на срок от пяти до восьми лет.

Часть 2 ст. 185 УК РТ содержит квалифицированный состав преступления, предусматривающий совершение действий, определенных ч. 1 ст. 185 УК РТ, «лицом с использованием своего служебного положения». За квалифицированный состав преступления установлено наказание в виде лишения свободы на

срок от восьми до двенадцати лет с лишением права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет.

Таким образом, объективная сторона преступлений, предусмотренных ст. 185 УК РТ, включает различные действия.

1. Создание незаконного вооруженного формирования, состоящее в подборе субъектов преступления, приискании оружия и других средств преступления, преобразовании существующей организации в преступное формирование. Оконченным считается деяние в случае, когда организационные мероприятия по созданию незаконного вооруженного формирования были завершены. В данном случае не имеет значения для квалификации преступления, приступили участники незаконного формирования к каким-либо действиям или нет (ч. 1).

2. Руководство незаконным вооруженным формированием заключается в совокупности преступных действий, направленных на управление членами преступного формирования, принятие организационных решений, контроль за их исполнением (ч. 1).

3. Участие в незаконном вооруженном формировании образуется из разных преступных деяний, например, прохождения обучения военному делу, посещения тренировок, несения дежурств (ч. 1).

Субъект преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 185 УК РТ, является общим: физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности — 16 лет. Субъект преступления, предусмотренный ч. 2 ст. 185 УК РТ, является специальным, это лицо, использующее свое служебное положение для совершения соответствующих преступлений. Субъективная сторона преступления — вина в форме прямого умысла.

Следует отметить, что ст. 208 УК РФ не содержит подобногоотягчающего обстоятельства, характеризующего специальный субъект преступления. Однако в ряде случаев лицу «с использованием своего служебного положения» совершать рассматриваемые преступления значительно проще — авторитет должности и соответствующие властные полномочия. В целях усиления противодействия указанным преступным посягательствам уголовно-правовыми мерами предлагаем учитывать положительный опыт таджикского законодателя и рассмотреть вопрос о закреплении в ст. 208 УК РФ отягчающего обстоятельства, характеризующего совершение запрещенных данной нормой деяний «лицом с использованием своего служебного положения».

Большое значение для противодействия рассматриваемым посягательствам уголовно-правовы-

ми мерами имеет примечание к ст. 185 УК РТ, в котором установлено положение об освобождении от уголовной ответственности: «Лицо, добровольно прекратившее участие в незаконном вооруженном формировании и сдавшее оружие, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления».

Содержание примечания следует отнести к специальному виду освобождения от уголовной ответственности. Полагаем, что данная норма выступает в качестве компромисса и побуждает виновного к позитивному посткриминальному поведению при наличии совокупности установленных условий.

УК РФ содержит ст. 208 «Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем, а равно участие в вооруженном конфликте или военных действиях в целях, противоречащих интересам Российской Федерации», находящуюся в разделе IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» главы 24 «Преступления против общественной безопасности». Базовым основанием для данной уголовно-правовой нормы стала ст. 13 Конституции РФ, устанавливающая конституционные запреты. В ней указано на запрет деятельности общественных объединений, целью или действиями которых является насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований и разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни.

Объективная сторона составов преступлений, указанных в ст. 208 УК РФ, выражается в следующем.

1. Создание вооруженного формирования (объединения, отряда, дружины или иной группы), не предусмотренного федеральным законом (ч. 1).

2. Руководство таким формированием (ч. 1).

3. Финансирование вооруженного формирования, не предусмотренного федеральным законом (ч. 1).

4. Участие в вооруженном формировании, не предусмотренном федеральным законом, а также участие на территории иностранного государства в вооруженном формировании, не предусмотренном законодательством данного государства, в целях, противоречащих интересам Российской Федерации (ч. 2).

5. Участие гражданина Российской Федерации или постоянно проживающего в Российской Федерации лица без гражданства в вооруженном конфликте, военных действиях или иных действиях с применением вооружения и военной техники на территории иностранного государства в целях, противоречащих интересам Российской Федерации (ч. 3).

Обращает на себя внимание отсутствие в ст. 185 УК РТ указания на такую разновидность совершения рассматриваемого преступления, как финансирование незаконного вооруженного формирования. В то же время данное деяние закреплено в качестве преступного в ч. 1 ст. 208 УК РФ. Предлагаем рассмотреть вопрос об использовании положительного опыта российского законодателя в этой части и включить запрет на финансирование незаконного вооруженного формирования в ч. 1 ст. 185 УК РТ.

Субъект преступления по ч. 1 ст. 208 УК РФ — общий, возраст уголовной ответственности по ч. 1 наступает с 16 лет. По части 2 ст. 208 УК РФ также субъект общий, однако ответственность возникает с 14 лет. Действительно, общественная опасность участия в незаконном вооруженном формировании доступна пониманию лиц, достигших 14-летнего возраста. В связи с этим предлагаем на законодательном уровне рассмотреть вопрос о закреплении уголовной ответственности за участие в незаконном вооруженном формировании в УК РТ с 14 лет. По части 3 ст. 208 УК РФ субъект специальный, выделяется по признакам: 1) гражданин РФ; 2) постоянно проживающее в РФ лицо без гражданства. Ответственность в данном случае наступает с 16 лет.

Следует отметить, что ч. 3 ст. 208 УК РФ содержит самостоятельный состав преступления, который в ст. 185 УК РТ отсутствует. Данный состав введен Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в связи с проведением Специальной военной операции как ответ на сложившуюся внутри- и внешнеполитическую обстановку. Возникает вопрос о гармонизации уголовного законодательства РФ и РТ в этой части. В связи с требованиями, предъявляемыми к объему публикации, мы не будем подробно останавливаться на данной проблеме, так как она многогранна и нуждается в самостоятельном глубоком исследовании.

Субъективная сторона преступления по ст. 208 УК РФ обусловлена виной в форме прямого умысла.

Статья содержит следующее примечание: «Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное частями первой или второй настоящей статьи, добровольно прекратившее участие в незаконном вооруженном формировании и сдавшее оружие, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления».

В данном примечании, в отличие от анализируемой ст. 185 УК РТ, лицо освобождается от ответственности, если преступление совершено впервые. Кроме того, примечание к ст. 208 УК РФ не освобождает от

уголовной ответственности лиц, совершивших деяния, предусмотренные ч. 3 названной статьи.

В настоящее время ст. 185 УК РТ содержит примечание о том, что «лицо, добровольно прекратившее участие в незаконном вооруженном формировании и сдавшее оружие, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления», причем независимо от того, совершалось данное преступление ранее или нет.

Рассматривая указания данного поощрительно-го предписания ст. 185 УК РТ, следует отметить, что поощрение должно применяться только к лицам, участвовавшим в незаконном вооруженном формировании, а также осуществившим стимулируемое позитивное поведение в виде добровольной сдачи оружия при отсутствии другого преступного деяния. Исходя из текста примечания, полагаем, что оно не распространяется на лиц, организовавших незаконное вооруженное формирование или руководивших им.

Введение общего поощрительного предписания будет направлять все категории участников незаконных вооруженных формирований к прекращению своих преступных действий, добровольной сдаче оружия и отказу от совершения дальнейших преступлений.

С нашей точки зрения, поощрительная норма в этой статье должна распространяться только на лиц, к которым она ранее не применялась, т. е. которые впервые совершили преступление, как это реализовано в примечании к ст. 208 УК РФ.

Кроме того, предлагаем расширить содержание анализируемого примечания к ст. 185 УК РТ указанием на то, что «не может признаваться добровольным прекращение участия в незаконном вооруженном формировании в момент или после задержания лица либо в момент или после начала производства в отношении него и заведомо для него следственных либо иных процессуальных действий». Аналогичная формулировка содержится в примечании 1 к ст. 205⁴ УК РФ «Организация террористического сообщества и участие в нем».

Закрепление такого дополнения позволит на практике снять многие вопросы относительно возможности или невозможности освобождения соответствующих лиц от уголовной ответственности за данные преступления.

Содержание примечаний к ст. 185 УК РТ и ст. 208 УК РФ также следует дополнить формулировкой, позволяющей освободить от уголовной ответственности в случае, если преступные действия прекращены не только «добровольно», но и «по требованию властей», как это закреплено в примечании к ст. 206 УК РФ «Захват заложника». Такое дополнение позво-

лит шире подходить к стимулированию позитивного постпреступного поведения и, как результат, уменьшит число желающих продолжать такую преступную деятельность.

Данный правовой пробел подлежит устранению путем изменения редакции примечания к ст. 185 УК РТ. Предлагаем следующую авторскую редакцию данного примечания: «Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, добровольно или по требованию властей прекратившее действия по созданию незаконного вооруженного формирования, руководству таким формированием или его финансированию либо прекратившее участие в таком формировании и сдавшее оружие, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления».

Не может признаваться добровольным прекращение участия в незаконном вооруженном формировании в момент или после задержания лица либо в момент или после начала производства в отношении него и заведомо для него следственных либо иных процессуальных действий».

С учетом изложенного предлагаем следующую авторскую редакцию примечания к ст. 208 УК РФ: «Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное частями первой или второй настоящей статьи, добровольно или по требованию властей прекратившее действия по созданию незаконного вооруженного формирования, руководству таким формированием или его финансированию либо прекратившее участие в незаконном вооруженном формировании и сдавшее оружие, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления».

Не может признаваться добровольным прекращение участия в незаконном вооруженном формировании в момент или после задержания лица либо в момент или после начала производства в отношении него и заведомо для него следственных либо иных процессуальных действий».

Полагаем, что закрепление сходных по смысловому содержанию примечаний к ст. 185 УК РТ и ст. 208 УК РФ будет шагом по пути гармонизации уголовного законодательства двух государств.

Таким образом, имеются существенные различия, которые касаются формулировок рассматриваемых преступлений и структуры данных уголовно-правовых норм. Так, статья 208 УК РФ предусматривает большее разнообразие преступных деяний, но не содержит отягчающих обстоятельств. Статья 185 УК РТ отличается наличием отягчающего обстоятельства, характеризующего специальный субъект преступления.

Исследователи отмечают, что ст. 208 УК РФ и ст. 185 УК РТ являются частью уголовного зако-

нодательства своих стран и подвергаются толкованию судами и применению правоохранительными органами в соответствии с национальным законодательством и сложившейся судебной практикой [2, с. 161].

Тем не менее в целом следует констатировать, что нормы о незаконных вооруженных формированиях, содержащиеся в УК РФ, имеют определенное сходство с аналогичными нормами УК РТ. Анализируемые статьи относятся к разделам уголовного закона, регламентирующим ответственность за преступления против общественной безопасности, в нормах не закреплены мотивы или цели преступления. Данные нормы одинаково структурированы, в них разграничивается уголовная ответственность за создание, руководство незаконными вооруженными формированиями и участие в них. В нормах предусмотрены аналогичные виды наказаний и имеются примечания, устанавливающие правила освобождения лиц от уголовной ответственности [3, с. 110].

В заключение сделаем следующие выводы, направленные на совершенствование изложения ст. 185 УК РТ, основанные на исследовании регламентации ответственности за аналогичные преступления в рассмотренных странах. Так, предлагаем использовать положительный опыт российского законодателя в части совершенствования регламентации уголовной ответственности, установленной за действия, предусмотренные ст. 185 УК РТ, и внести в данную норму следующие изменения.

Во-первых, следует привести название ст. 185 УК РТ в соответствие с ее содержанием. В части 1 этой статьи закреплена ответственность за создание незаконного вооруженного формирования, руководство им или участие в нем. «Организация незаконного вооруженного формирования предполагает его создание, в то время как руководство выходит за рамки организации» [4, с. 55].

Во-вторых, «еще одной проблемой является использование составителями УК РТ устаревшей законодательной техники, содержащей казуистическое перечисление возможных вариантов наименования незаконного вооруженного формирования, причем этот перечень носит открытый характер... перечисление возможных вариантов названий незаконного вооруженного формирования (тем более в открытом перечне), наоборот, перегружает норму и не способствует эффективному правоприменению» [4, с. 56]. Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении диспозиции ч. 1 ст. 208 УК РФ.

В-третьих, необходимо по примеру российского законодателя дифференцировать уголовную ответственность за создание, руководство, финансирование незаконного вооруженного формирования, а также участие в нем.

В-четвертых, нужно увеличить сроки лишения свободы в качестве наказаний за совершенное преступление, так как закрепленные в настоящее время в санкциях ст. 185 УК РТ размеры наказания в виде лишения свободы не отражают в полной мере степень общественной опасности рассматриваемых посягательств.

В-пятых, следует рассмотреть вопрос о совершенствовании примечания к ст. 185 УК РТ в целях усиления стимулирования позитивного постпреступного поведения. Аналогичная ситуация наблюдается и применительно к ст. 208 УК РФ.

Учитывая изложенное, предлагаем следующую авторскую редакцию ст. 185 УК РТ:

«Статья 185. Создание незаконного вооруженного формирования, руководство таким формированием, его финансирование или участие в нем.

1. Создание незаконного вооруженного формирования, а равно руководство таким формированием или его финансирование, —

наказываются лишением свободы на срок от десяти до двадцати лет.

2. Участие в незаконном вооруженном формировании, —

наказывается лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет.

3. Те же деяния, совершенные лицом с использованием своего служебного положения, —

наказываются лишением свободы на срок от десяти до двадцати лет с лишением права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет.

Примечание. Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, добровольно или по требованию властей прекратившее действия по созданию незаконного вооруженного формирования, руководству таким формированием или его финансированию либо прекратившее участие в таком формировании и сдавшее оружие, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления.

Не может признаваться добровольным прекращение участия в незаконном вооруженном формировании в момент или после задержания лица либо в момент или после начала производства в отношении него и заведомо для него следственных либо иных процессуальных действий».

Полагаем, что в случае реализации данные предложения позволят гармонизировать уголовное законодательство обеих стран в данной сфере, более эффективно противодействовать рассматриваемым преступлениям уголовно-правовыми мерами, в том числе путем стимулирования позитивного постпреступного поведения.

Список источников

1. *Аджиев А. Д.* Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем: уголовно-правовые аспекты противодействия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009.
2. *Раджабов А. Г.* К вопросу о противодействии незаконным вооруженным формированиям // Военное право. 2018. № 2.
3. *Фартуков Д. Н., Чукин Д. С.* К вопросу об уголовной ответственности за организацию незаконного вооруженного формирования // Право в Вооруженных Силах: Военно-правовое обозрение. 2022. № 12.
4. *Камолзода А. К.* Некоторые особенности регламентации уголовной ответственности за организацию незаконного вооруженного формирования по Уголовному кодексу Республики Таджикистан // Преемственность и новации в юридической науке : мат-лы междунар. науч. конф. адъюнктов, аспирантов и соискателей. Омск, 2024.

УДК 343.58

doi: 10.24412/1999-625X-2026-1100-33-38

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Дискуссионные вопросы квалификации жестокого обращения с животными

Игорь Владимирович Попов

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права¹,

✉ magistr-igorpopov@rambler.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

Обосновываются следующие положения: жестоким обращением с животным считаются деяния, причиняющие ему смерть или увечье, однако уголовно наказуемыми они становятся только если совершены из хулиганских или корыстных побуждений, либо если виновный преследовал цель причинить животному боль и (или) страдания. При отсутствии таких признаков содеянное квалифицируется по ч. 2 ст. 8.52 КоАП РФ. Предметом преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ, являются дикие, домашние, сельскохозяйственные и иные животные, в том числе охотничьих видов, которые относятся к классу млекопитающих, птиц, пресмыкающихся, земноводных и рыб. Под увечьем животному следует понимать повреждения, повлекшие частичную или полную утрату способности к выполнению конкретной функции организма животного, которые аналогичны тяжкому вреду здоровью человека.

Ключевые слова: жестокое обращение с животными, квалификация преступлений, предмет преступления, увечье

Для цитирования: Попов И. В. Дискуссионные вопросы квалификации жестокого обращения с животными // Научный вестник Омской академии МВД России. 2026. Т. 32, № 1(100). С. 33–38.

Debatable Issues of Qualifying Animal Cruelty

Igor V. Popov

Doctor of Science (in Law), Associate-Professor, Professor at the chair of Criminal Law¹,

✉ magistr-igorpopov@rambler.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

The following provisions are substantiated: animal cruelty is considered to involve acts causing death or injury to it, but they become criminally punishable only if they are committed out of hooligan or lucrative motives, or if the perpetrator pursued the goal of causing pain and (or) suffering to the animal. Without such elements, the act is qualified under Part 2 of Art. 8.52 of the Administrative Law Code of the Russian Federation. The object of the crime under Art. 245 of the Criminal Code of the Russian Federation involves wild, domestic, agricultural and other animals, including hunting species, which belong to the class of mammals, birds, reptiles, amphibians and fish. Injury to an animal should be understood as damage that entailed a partial or complete loss of the ability to perform a specific function of the animal's body, which are similar to serious harm to human health.

Keywords: animal cruelty, qualification of crimes, object of the crime, injury

Citation: Popov I. V. Debatable Issues of Qualifying Animal Cruelty. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2026. Vol. 32, No 1(100). Pp. 33–38 (In Russ.).

Квалификация жестокого обращения с животными, несмотря на кажущуюся простоту диспозиции уголовной нормы, представляется весьма непростой задачей. При ознакомлении со ст. 245 УК РФ возникает множество вопросов, таких, как: является ли лишение жизни животного жестоким обращением с ним, какие животные выступают предметом преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ, что понимается под увечьем, причиненным животному, и т. п. Неудивительно, что на практике допускаются

квалификационные ошибки. Разберем некоторые из них [1, с. 60–68].

Мы выскажем свою точку зрения по обозначенным дискуссионным вопросам квалификации этого преступления, которые поднимались при обсуждении доклада во время проведения 21 января 2025 г. заседания криминологического клуба «De lege lata» научно-образовательного центра «Уголовно-правовая экспертиза» юридического факультета МГУ и редакции журнала «Уголовное право»¹.

¹ URL: <https://rutube.ru/video/private/76ffdee091a8e527c5649c54a2815eaf/?p=1w5o2aUTSkphtT6KfD7fOQ> (дата обращения: 21.02.2025).

1. В судебно-следственной практике наметилась тенденция, согласно которой любое лишение жизни животного квалифицируется как жестокое обращение с ним.

Так, приговором Тбилисского районного суда Краснодарского края от 20 января 2020 г. Р. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «д» ч. 2 ст. 245 УК РФ. Согласно материалам дела Р. находился по месту своего проживания, занимался домашним хозяйством и услышал крик сына, который был на огороде. Выглянув в сад, он увидел, что его ребенка свалили с ног две беспородные собаки, одна из них тащила его за рукав куртки. Увидев происходящее, он поднял камень и бросился в направлении ребенка. Собаки заметили его и стали убегать. Р., находясь в трезвом состоянии, взял из дома охотничье ружье и патроны, сел в автомобиль и поехал искать собак. За магазином он обнаружил лежавших на земле собак, напавших на его ребенка, и двумя выстрелами убил их².

Однако такой подход вызывает возражение. Само по себе лишение жизни животного не может быть квалифицировано по ст. 245 УК РФ. Дело в том, что в ст. 245 УК РФ прямо сказано, что жестокое обращение с животным должно быть связано с целью причинения ему боли и (или) страданий либо совершено из хулиганских или корыстных побуждений.

Поэтому правоохранительным органам и суду необходимо внимательно подходить к установлению этих признаков:

— жестокое обращение с животным в целях причинения ему боли и (или) страданий, повлекшее его гибель или увечье, совершается только с прямым умыслом, направленным именно на причинение животному боли (страданий), а его гибель (увечье) может охватываться и косвенным умыслом: лицо осознает общественную опасность жестокого обращения с животным путем причинения ему боли и (или) страданий, предвидит возможность или неизбежность причинения ему боли и (или) страданий и в результате этого гибель или увечье животного и желает причинения ему боли и (или) страданий и наступления в результате этого его гибели или увечья (прямой умысел и по отношению к причинению боли (страданий) и по отношению к гибели (увечью)), или не желает гибели (увечья) животного, но сознательно допускает либо относится к этим последствиям безразлично (прямой умысел по отношению к причине-

нию боли (страданий) и косвенный по отношению к гибели (увечью) [2, с. 145–154];

— хулиганский мотив присутствует тогда, когда виновный, жестоко обращаясь с животным, проявляет явное неуважение к обществу и общепринятым нормам морали, бросает открытый вызов общественному порядку, противопоставляет себя окружающим, демонстрирует пренебрежительное отношение (например, умышленно причиняет смерть или увечье животному без видимого повода или с использованием незначительного повода). Если побудительными мотивами лишения жизни животного являлись месть, защита от нападения, желание устранить угрозу своей семье, несовершеннолетним или пожилым людям и т. п., то хулиганский мотив отсутствует;

— корыстный мотив — когда преступник привлекает материальную выгоду именно из жестокого обращения с животным, в том числе когда избавляется от материальных затрат на его содержание.

Если названные признаки в деянии отсутствуют либо животное не погибло или не получило увечья, то жестокое обращение с ним подлежит наказанию по ч. 2 ст. 8.52 КоАП РФ.

При обсуждении доклада на заседании криминологического клуба «De lege lata» дискуссию вызвал вопрос: подпадает ли под признаки преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ, безболезненное лишение жизни животного из хулиганских или корыстных побуждений или уголовно наказуемым является лишь такое лишение жизни животного из хулиганских или корыстных побуждений, которое сопровождалось мучениями, истязаниями, иными подобными действиями, т. е. причинившими животному в процессе лишения жизни боль и страдание? В связи с этим ключевым выступает вопрос: что понимать под жестоким обращением с животным?

По мнению П. А. Филиппова, корыстный мотив приобретет уголовно-правовое значение только в том случае, если в отношении животного совершаются действия, причиняющие ему боль и страдание³.

Велик соблазн присоединиться к этому мнению, тем более, что, как сказано нами выше, объектом этого преступления являются общественные отношения в сфере нравственности, а не отношения по сохранению жизни и здоровья животного.

Однако легальное определение понятия жестокого обращения с животным, содержащееся

² Приговор Тбилисского районного суда Краснодарского края от 20 января 2020 г. по делу № 1-11/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/5TMAt8jKTW5x/?page=11&regular-court=&regular-date_from=01.01.2020&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=Статья+245.+Жестокое+обращение+с+животными%28УК+РФ%29&regular-workflow_stage=&regular-date_to=04.11.2023&regular-area=&regular-txt=жестокое+обращение+с+животными&_id=1699097071677&regular-judge=&snippet_pos=218#snippet (дата обращения: 09.07.2024).

³ URL: <https://rutube.ru/video/private/76ffdee091a8e527c5649c54a2815eaf/?p=1w5o2aUTSkpht6KfD7fOQ> (дата обращения: 21.02.2025).

в п. 5 ст. 3 Федерального закона от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон № 498-ФЗ), не дает нам этого сделать.

Так, согласно указанному закону под жестоким обращением с животным понимаются обращение с ним, которое привело или может привести к гибели, увечью или иному повреждению здоровья животного (включая истязание животного, в том числе голодом, жаждой, побоями, иными действиями), нарушение требований к содержанию животных, установленных указанным федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации (в том числе отказ владельца от содержания животного), причинившее вред здоровью животного, либо неоказание при наличии возможности владельцем помощи животному, находящемуся в опасном для жизни или здоровья состоянии.

Получается, что жестоким, согласно приведенному выше определению, может быть только обращение с животным.

Согласно п. 9 ст. 3 Закона № 498-ФЗ обращение с животным — содержание, использование (применение) животных, осуществление деятельности по обращению с животными без владельцев и осуществление иной деятельности, предусмотренной указанным законом, а также совершение других действий в отношении животных, которые оказывают влияние на их жизнь и здоровье. Тем самым лишение жизни животного, даже безболезненное, можно подвести под понятие «другие действия в отношении животного, оказавшие влияние на его жизнь».

Следовательно, любое лишение жизни животного является жестоким обращением с ним, но уголовно-правовое значение оно приобретет только тогда, когда такое деяние совершается в целях причинения ему боли и (или) страданий, либо из хулиганских или из корыстных побуждений.

Вместе с тем поддерживаем позицию П. А. Филиппова, согласно которой при хищении животного в целях его употребления в пищу такое деяние следует квалифицировать только как преступление против собственности [3, с. 96]. Однако обоснование названного подхода у нас несколько иное. Полагаем, что в обозначенной ситуации совокупность хищения и жестокого обращения с животным отсутствует не потому, что при лишении жизни животного ему не причинены боль и (или) страдание, а ввиду того, что, совершая хищение животного в качестве потенциального продукта питания, преступник уже реализует свою корыстную цель, сформированную под влиянием корыстного мотива. Последующее лишение жизни животного создает

условия для употребления его мяса в пищу, т. е. уже является распоряжением похищенным. Повторно корыстный мотив при жестоком обращении с животным в процессе лишения его жизни не возникает, так как никакой выгоды именно от жестокого обращения с ним виновный не извлекает. Поэтому если нет других альтернативных признаков, закрепленных в ч. 1 ст. 245 УК РФ, таких как жестокое обращение в целях причинения боли и (или) страдания или хулиганский мотив, то отсутствуют состав преступления, предусмотренный ст. 245 УК РФ, и следовательно, совокупность преступлений по ст. ст. 158 и 245 УК РФ.

Жестокое обращение с животным из корыстных побуждений может быть квалифицировано тогда, когда преступник извлекает материальную выгоду из этого. Например: за вознаграждение лишает жизни (увечит) животное, за деньги организует собачьи бои, иные зрелищные мероприятия, на которых животные умерщвляются (калечатся), распространяет за плату или иную имущественную выгоду записанные на видео сцены с жестоким обращением, лишает жизни животное, чтобы не нести расходы на его лечение, содержание и т. п.

2. Дискуссионным является также вопрос о предмете преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ.

2.1. Как сказано выше, понятие жестокого обращения с животными закреплено в п. 5 ст. 3 Закона № 498-ФЗ. Согласно п. 2 ст. 1 указанного закона его положения не применяются к отношениям в области охраны и использования животного мира, рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов, аквакультуры (рыбоводства), охоты и сохранения охотничьих ресурсов, содержания и использования сельскохозяйственных животных, содержания и использования лабораторных животных.

Как отмечают ведущие ученые-экологи, комментировавшие названный закон, он прямо применим лишь к обращению с домашними животными, в том числе безнадзорными (животными без владельца), служебными животными, а также домашними и дикими животными, используемыми в культурно-зрелищных мероприятиях. Все прочие сферы взаимодействия человека и животных из данного федерального закона, по существу, исключены [4, с. 22].

В связи с этим возникает вопрос: являются ли предметом преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ, животные, которые, в частности, относятся к сельскохозяйственным либо к объектам охоты?

Анализ судебной практики показывает, что данный вопрос решается положительно: жестокое обращение с сельскохозяйственными или охотничьими животными влечет уголовную ответственность по

ст. 245 УК РФ, если оно совершено в целях причинения боли и (или) страдания или из хулиганских либо корыстных побуждений.

Так, приговором Ордынского районного суда Новосибирской области от 7 сентября 2023 г. по п. «д» ч. 2 ст. 245 УК РФ осужден С., который, являясь управляющим производственным процессом сельскохозяйственного предприятия, допустил жестокое обращение с сельскохозяйственными животными. С., имея намерение избавиться от материальных затрат на содержание крупнорогатого скота, т. е. действуя из корыстных побуждений, не обеспечил заготовку на зиму корма для животных, не подготовил помещения для их содержания, держал на территории животноводческого комплекса коров в количестве 258 голов в антисанитарных условиях при отсутствии достаточного количества кормов и воды, что привело к гибели крупнорогатого скота в количестве 80 голов⁴.

2.2. Учитывая, что животный мир огромен и разнообразен, возникает другой, более сложный вопрос: о каких животных идет речь в ст. 245 УК РФ?

Термин «животное» не раскрывается в законодательстве Российской Федерации. Если обратиться к ст. 1 Федерального закона от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире», то там речь идет о животном мире — совокупности живых организмов всех видов диких животных, постоянно или временно населяющих территорию РФ и находящихся в состоянии естественной свободы, а также относящихся к природным ресурсам континентального шельфа и исключительной экономической зоны Российской Федерации. В законе также содержится понятие «объект животного мира» — организм животного происхождения (дикое животное). Из этих достаточно странных определений можно заключить, что домашние животные не входят в понятие «животный мир» и за пределами границы Российской Федерации, континентального шельфа, исключительной экономической зоны дикие животные перестают быть животными. Поэтому взять за основу указанные дефиниции не представляется возможным.

Согласно Большой российской энциклопедии, животные (animalia) — сложная совокупность форм жизни, объединяемых такими признаками, как гетеротрофность — неспособность к самостоятельному первичному синтезу органических веществ (фото- и хемосинтезу), голозойный тип питания (т. е. способность активно захватывать твердые частицы и затем перерабатывать их в пищеварительной си-

стеме), разнообразные способы движения, наличие специальных органов (органелл у одноклеточных), воспринимающих и проводящих внешние раздражения (звук, свет, запах и др.), формирование сложных функциональных систем (пищеварительной, дыхательной, кровеносной и др.), отсутствие твердой клеточной стенки⁵. Из этого определения, принятого в науке зоологии, вытекает, что животными считаются и одноклеточные организмы.

В уголовном праве по поводу животных, являющихся предметом преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ, существуют различные мнения.

Так, Р. Д. Шарапов полагает, что предметом этого преступления могут быть только высшие позвоночные — млекопитающие и птицы. Жестокое обращение с животными беспозвоночными (кольчатые черви, моллюски, насекомые и пр.), а также с земноводными, пресмыкающимися состава преступления по ст. 245 УК РФ не образует. Данный вывод следует из предусмотренных ст. 4 Закона № 498-ФЗ нравственных принципов и принципов гуманности при обращении с животными, в числе которых — отношение к животным как к существам, способным испытывать эмоции и физические страдания. Беспозвоночные, земноводные и пресмыкающиеся животные не способны испытывать эмоции [5, с. 53].

Аналогичную точку зрения высказывает Э. Н. Жевлаков, который пишет, что применительно к ст. 245 УК РФ под животными понимаются высшие позвоночные — млекопитающие и птицы, находящиеся в естественной природной среде либо содержащиеся человеком. Не относятся к животным, по смыслу данной статьи, рыбы, земноводные, пресмыкающиеся, беспозвоночные [6, с. 94].

Иного мнения придерживается Л. О. Павлова, критикующая названный подход, который обосновывается тем, что для состава посяательства на общественную нравственность боль и мучения животного должны быть очевидны при внешнем наблюдении, что возможно только при жестоком обращении с высшими животными. Автор пишет, что обозначенная точка зрения выглядит весьма спорной, поскольку, например, пресмыкающиеся (ящерицы, змеи и т. п.) также чувствуют боль и реагируют на нее аналогично млекопитающим и птицам [7, с. 139].

П. А. Филиппов полагает, что основаниями отнесения тех или иных живых существ к предмету анализируемого преступления должны являться следующие факторы: способность чувствовать боль и наличие сознания. Именно эти способности жи-

⁴ Приговор Ордынского районного суда Новосибирской области от 7 сентября 2023 г. по делу № 1-135/2023. URL: <https://www.судебныерешения.рф/77583369/extended> (дата обращения: 07.08.2025).

⁵ URL: <https://old.bigenc.ru/biology/text/2626351> (дата обращения: 07.08.2025).

вых организмов вызывают их физиологическую и поведенческую реакции, которые понятны для любого человека. К предметам анализируемого преступления необходимо относить такие классы хордовых животных, как пресмыкающиеся (крокодилы, черепахи, змеи, ящерицы), птицы и млекопитающие [3, с. 93].

Возьмем названный подход за основу дальнейших рассуждений: выясним, какие животные способны чувствовать боль и иметь сознание.

Аксиоматично выглядит утверждение, что животные, у которых имеется нервная система, способны испытывать боль, и, следовательно, страдания. Эмоция — психический процесс средней продолжительности, отражающий субъективное оценочное отношение к существующим или возможным ситуациям и объективному миру⁶. Сознание у животных или осознанность у животных — это качество или состояние самосознания у животных, либо осознание внешнего объекта или чего-то внутри себя⁷. В апреле 2024 г. в университете Нью-Йорка была оглашена Декларация о сознании животных. В документе говорится о существовании убедительных научных доказательств, подтверждающих наличие сознания не только у высших приматов, но и у млекопитающих, птиц, а также у некоторых насекомых и ракообразных⁸.

В науке животных выделяют в отдельное царство на основании ряда признаков. Царство животных делится на: тип, класс, отряд, семейство, род, вид. Существует несколько типов животных: простейшие / губки / черви / моллюски / членистоногие / хордовые. Науку о животных называют зоологией.

В зоологии отмечается, что такие животные, как олигохеты (дождевые черви), пиявки, насекомые, обладают нервной системой. Так, насекомые являются самыми многочисленными не только среди членистоногих, но и среди всех животных вообще. Их насчитывают не менее полутора миллионов видов, на долю которых приходится 70 % от общего числа видов животных. Их нервная система состоит из головного мозга и брюшной нервной цепочки [8, с. 179]. Высший тип животных — хордовые. К типу «хордовые» относится около 43 тыс. современных видов, распространенных по всему земному шару: они заселяют моря и океаны, реки и озера, континенты и острова. Внешний облик хордовых очень разнообразен — от аппендикулярий длиной в несколько миллиметров, мелких рыбок и лягушек до гигантов — китов. К хордовым относятся, помимо птиц и млекопитающих,

пресмыкающиеся (рептилии), земноводные, а также рыбы. Несмотря на огромное разнообразие, для всех представителей типа «хордовые» характерны общие черты организации, не встречающиеся у представителей других типов, в том числе: наличие центральной нервной системы, которая имеет форму трубки. Нервная трубка имеет эктодермальное происхождение и лежит над хордой. У позвоночных животных она отчетливо дифференцируется на два отдела — головной и спинной мозг [9, с. 11].

Получается, что к предмету преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ, могут быть отнесены и насекомые, и рептилии, и земноводные, и рыбы. Но тогда предмет этого преступления значительно расширяется.

Л. О. Павлова предлагает решить эту проблему путем внесения изменений в ст. 3 Закона № 498, взяв за основу определения, используемые в ст. 1 Модельного закона стран СНГ «Об обращении с животными». Животные определяются перечислением, в том числе указанием на диких животных, под которыми закон понимает млекопитающих, птиц, пресмыкающихся, земноводных и рыб, обитающих на земле (на поверхности, в почве, в подземных пустотах), в поверхностных водах и атмосфере в условиях естественной свободы [7, с. 139].

Считаем такое предложение не совсем удачным, поскольку Закон № 498-ФЗ имеет весьма узкую сферу применения, ограниченную п. 2 ст. 1.

Полагаем, этот вопрос следует разъяснить на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ, указав, что к предмету преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ, относятся дикие, домашние, сельскохозяйственные и иные животные, в том числе причисленные к охотничьим видам, которые входят в класс млекопитающих, птиц, пресмыкающихся, земноводных и рыб.

3. Еще один спорный вопрос, вызывающий научные споры: что понимать под «увечьем животного»?

В научной литературе указывается, что в судебной практике под увечьем, как правило, понимается тяжелое повреждение здоровья, угрожающее жизни. Наиболее часто в судебной практике встречаются именно увечья в виде телесных повреждений (проникающие, огнестрельные ранения, переломы, повреждения кожного покрова, утрата каких-либо органов, например, хвоста и др.) и нарушения психического состояния животного [3, с. 94].

С 1 января 2020 г. в Российской Федерации введен в действие Национальный стандарт «ГОСТ Р 58436-2019.

⁶ URL: <https://infopedia.su/8xde73.html> (дата обращения: 18.11.2024).

⁷ URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Animal_consciousness (дата обращения: 18.11.2024).

⁸ URL: https://dzen.ru/a/ZxdtDDWK8DKB_-zj (дата обращения: 18.11.2024).

Национальный стандарт Российской Федерации. Ветеринарная экспертиза механических повреждений у непродуктивных животных. Общие требования» (далее — ГОСТ Р 58436-2019), который устанавливает общие требования к ветеринарной экспертизе механических повреждений у непродуктивных животных (диких, домашних, экзотических, цирковых, содержащихся в зоопарках), включая производство ветеринарной экспертизы, классификацию, установление и описание механических повреждений⁹. Как отмечают Н. В. Щетинина и Г. Ш. Аюпова, в настоящее время эксперты при установлении последствий в виде увечья руководствуются этим нормативным актом [10, с. 38–44].

Согласно п. 3.6 указанного Национального стандарта под увечьем понимается случайное или целенаправленное телесное повреждение, сопровождающееся частичной или полной утратой способности к выполнению конкретной функции организма. Не считается увечьем телесное повреждение при выполнении обоснованного ветеринарного вмешательства, связанного с болезнью животного.

По мнению Р. Д. Шарапова, под увечьем следует понимать телесное повреждение животного любой степени тяжести [5, с. 54]. Эта точка зрения была высказана до принятия ГОСТ Р58436-2019. Поэтому более точным, по нашему мнению, является позиция Л. О. Павловой, которая предлагает к функциональному расстройству здоровья животного относить,

в частности, ожоги, травмы кожного покрова, деформацию черепа, отрубание конечностей, слепоту, т. е. такие повреждения, которые, по аналогии, являются тяжким вредом здоровью человека, описанному в ст. 111 УК РФ [7, с. 142].

В завершение сделаем следующие выводы:

— причинение смерти или увечья животному является жестоким обращением с ним. Однако такое деяние квалифицируется по ст. 245 УК РФ только в том случае, если оно совершалось из хулиганских или корыстных побуждений либо явилось следствием деяния виновного, преследовавшего цель причинения животному боли и (или) страдания. При отсутствии таких признаков содеянное наказывается по ч. 2 ст. 8.52 КоАП РФ;

— к предмету преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ, следует относить диких, домашних, сельскохозяйственных и иных животных, в том числе охотничьих видов, которые входят в класс млекопитающих, птиц, пресмыкающихся, земноводных и рыб. Поскольку такой вывод однозначно не вытекает из толкования уголовно-правовой нормы и достижений науки зоологии, это положение следует разъяснить на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ;

— под увечьем животному следует понимать повреждение, повлекшие частичную или полную утрату способности к выполнению конкретной функции организма животного, которые соответствуют тяжкому вреду здоровью человека.

Список источников

1. Попов И. В. Ошибки при квалификации жестокого обращения с животными // Уголовное право. 2025. № 2.
2. Попов И. В. Уголовная ответственность за жестокое обращение с животными с целью причинения ему боли и (или) страданий // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2024. № 2.
3. Филиппов П. А. Жестокое обращение с животными: практика применения ст. 245 Уголовного кодекса РФ // Юридическая наука. 2019. № 12.
4. Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : комментарий к Федеральному закону от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ (постатейный) / С. А. Боголюбов, Д. Б. Горохов, Н. В. Кичигин и др. ; отв. ред. Д. Б. Горохов. М., 2020.
5. Шарапов Р. Д. Уголовная ответственность за жестокое обращение с животными // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 1(47).
6. Жевлаков Э. Н. Уголовное природоохранительное право России : монография. М., 2020.
7. Павлова Л. О. Жестокое обращение с животными: вопросы трактовки и совершенствования состава преступления // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2024. № 2.
8. Зоология : учебник / А. И. Ятусевич, Н. И. Олехнович, А. М. Субботин, и др. Витебск, 2017.
9. Наумов Н. П., Карташев Н. Н. Зоология позвоночных : учебник : в 2 ч. М., 1979. Ч. 1.
10. Щетинина Н. В., Аюпова Г. Ш. Особенности толкования юридически значимых признаков основного состава жестокого обращения с животными (ч. 1 ст. 245 УК РФ) // Законность. 2024. № 9.

⁹ Об утверждении Национального стандарта Российской Федерации : приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 27 июня 2019 г. № 343-ст. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 343.135

doi: 10.24412/1999-625X-2026-1100-39-45

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Процессуальный порядок прекращения уголовного преследования по ст. 28² УПК РФ: проблемы и пути их решения

Алексей Александрович Фельк

преподаватель кафедры уголовного процесса¹,

✉ faa986@mail.ru

¹ Барнаульский юридический институт МВД России (Барнаул, Россия)

Актуальность темы обусловлена введением в 2024 г. статьи 28² УПК РФ, регулирующей прекращение уголовного преследования в связи с участием в специальной военной операции (СВО) в условиях мобилизации или военного времени. Новизна нормы и неустоявшаяся правоприменительная практика порождают проблемы, связанные с защитой прав потерпевших, возмещением вреда и применением нормы к тяжким преступлениям, таким как убийство. Проблема исследования заключается в дисбалансе между поощрением участия в СВО и обеспечением прав потерпевших, а также в недостаточной регламентации применения нормы к тяжким преступлениям. Методологическую основу составили общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция), а также специальные юридические методы (формально-юридический, сравнительно-правовой, толкование правовых норм). Установлены условия прекращения уголовного преследования по ст. 28² УПК РФ, включающие призыв на военную службу или заключение контракта в период мобилизации. Выявлены ключевые проблемы: недостаточная защита прав потерпевших из-за игнорирования их мнения при прекращении уголовного преследования, сложность возмещения вреда ввиду риска гибели обвиняемых на СВО, а также невключение убийства (ст. 105 УК РФ) в перечень исключений ст. 78¹ УПК РФ. Предложены изменения в ст. 28² УПК РФ, предусматривающие обязательный учет мнения потерпевшего, полное или частичное возмещение вреда как условие прекращения уголовного преследования. Рекомендуется включить преступление, предусмотренное ст. 105 УК РФ, в ч. 1 ст. 78¹ УПК РФ для отграничения освобождения от ответственности за тяжкие преступления. Сделан вывод о необходимости дальнейшей научной разработки и законодательного совершенствования ст. 28² УПК РФ.

Ключевые слова: прекращение уголовного преследования, ст. 28² УПК РФ, мобилизация, военное время, права потерпевших

Для цитирования: Фельк А. А. Процессуальный порядок прекращения уголовного преследования по ст. 28² УПК РФ: проблемы и пути их решения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2026. Т. 32, № 1(100). С. 39–45.

Procedural Order of Termination of Criminal Prosecution according to Art. 28² of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation: Problems and Solutions

Alexei A. Felk

lecturer at the chair of Criminal Procedure¹,

✉ faa986@mail.ru

¹ Barnaul Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs (Barnaul, Russia)

The relevance of the topic is determined by the introduction of Article 28² of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation in 2024, which regulates the termination of criminal prosecution due to participation in a special military operation in conditions of mobilization or wartime. The novelty of the norm and unsettled law enforcement practice give rise to problems related to the protection of the rights of victims, compensation for harm and the application of the norm to serious crimes such as murder. The problem of the study is the imbalance between encouraging participation in Special Military Operation and ensuring the rights of victims, as well as the insufficient regulation of the application of the norm to serious crimes. The methodological basis includes general scientific methods (analysis, synthesis, induction, deduction), as well as special legal methods (formal-legal, comparative-legal, interpretation of legal norms). The author establishes the conditions for termination of criminal prosecution under Art. 28² of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, including conscription or making a contract during the period of mobilization. The key problems were identified: insufficient protection of the rights of victims due to ignoring their opinion when terminating

criminal prosecution, the difficulty of compensation for harm due to the death risk of the accused in Special Military Operation, as well as the exclusion of murder (Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation) from the list of exceptions to Art. 78¹ of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation. The changes proposed to Art. 28² of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation concern providing for mandatory consideration of the opinion of the victim, full or partial compensation for harm as a condition for the termination of criminal prosecution. It is recommended to include Art. 105 of the Criminal Code of the Russian Federation in Art. 78¹ of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation in order to limit exemption from liability for serious crimes. It is concluded that further scientific development and legislative improvement of Art. 28² of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation are necessary.

Keywords: termination of criminal prosecution, Art. 28² of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, mobilization, wartime, victims' rights

Citation: Felk A. A. Procedural Order of Termination of Criminal Prosecution according to Art. 28² of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation: Problems and Solutions. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2026. Vol. 32, No 1(100). Pp. 39–45 (In Russ.).

Прекращение уголовного преследования выполняет важную функцию в уголовно-процессуальном праве, способствуя рациональному использованию ресурсов правоохранительной системы. Важная роль в прекращении уголовного преследования отводится основаниям, предусмотренным ст. 28² УПК РФ.

Актуальность изучения прекращения уголовного преследования по ст. 28² УПК РФ обусловлена введением данной нормы в институт прекращения уголовного преследования в 2024 г. посредством принятия Федерального закона от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Соответственно, прекращение уголовного преследования по ст. 28² УПК РФ является относительно новым явлением, практика применения которого продолжает формироваться.

Отметим, что ст. 28² УПК РФ устанавливает прекращение уголовного преследования в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время.

При этом, как отмечает Л. В. Головкин, в соответствии с положениями ст. 28² УПК РФ основание для прекращения уголовного преследования носит строго императивный характер, что не вызывает каких-либо сомнений в его обязательности. Сущность вопроса заключается не столько в буквальном толковании нормативной формулировки («прекращает уголовное преследование»), сколько в логике правового регулирования, предполагающей безусловное соблюдение государственных обязательств. В ситуации, когда уполномоченные органы публичной власти приостанавливают производство по уголовному делу и предоставляют подозреваемому или обвиняемому гарантию последующего освобождения

от уголовной ответственности при условии его согласия на участие в военных действиях, а указанное лицо надлежаще исполняет возложенные на него обязанности, государство как носитель суверенитета обязано исполнить данное обязательство в полном объеме. Любое отступление от этого принципа недопустимо не только с точки зрения формально-правовых норм, но и в контексте этических императивов, интегрированных в правовую систему [1, с. 9].

Примечательно, что прекращение предварительного расследования в данном случае происходит в условиях того, что лицо, совершившее преступление, является не только известным, но и установленным. Однако, учитывая исключительные обстоятельства, связанные с мобилизацией или военным временем, законодатель предусмотрел возможность освобождения такого лица от уголовной ответственности.

Процессуальный порядок прекращения уголовного преследования по ст. 28² УПК РФ имеет специфические особенности, что обусловлено условиями мобилизации или военного времени.

Исходя из смысла ч. 1 ст. 28² УПК РФ, российский законодатель предусмотрел возможность прекращения уголовного преследования в отношении военнослужащего, если его дело ранее было приостановлено на основании ходатайства командования воинской части. Данная норма учитывает особый правовой статус военнослужащих и специфику военной службы, предоставляя возможность завершения уголовного преследования в целях обеспечения интересов государства.

В соответствии с положениями ст. 28² УПК РФ необходимо акцентировать внимание на том, что прекращение уголовного преследования допустимо исключительно в отношении строго определенных категорий преступных деяний, а именно, преступлений, характеризующихся небольшой или средней степенью тяжести. Перечень исключений предусмотрен ст. 78¹ УК РФ. Законодатель ограничивает при-

менение рассматриваемого основания прекращения уголовного преследования целым рядом преступных деяний, представляющих повышенную общественную опасность в силу либо своего характера и направленности (преступления террористической и экстремистской направленности, против основ конституционного строя и безопасности государства и т. д.), либо категории (тяжкие и особо тяжкие преступления). Вместе с тем не во всех случаях совершение тяжкого преступления исключает возможность обращения к ст. 28² УПК РФ. Например, в списке исключений отсутствует убийство (ст. 105 УК РФ). Кроме того, не допускается освобождение от уголовной ответственности по рассматриваемой статье в случаях, когда имеются иные предусмотренные УПК РФ основания для прекращения уголовного преследования.

В. Ю. Стельмах пишет о том, что перечень составов преступлений, по которым уголовное преследование обязательно должно быть доведено до конца, является закрытым и не подлежит толкованию. Это означает, что для подозреваемых и обвиняемых во всех других преступлениях, даже если они относятся к тяжким или особо тяжким, уголовное преследование потенциально может быть прекращено [2, с. 75–83].

Следующий важный аспект содержится в ч. 3 ст. 28² УПК РФ. В данном положении определено, что прекращение уголовного преследования по анализируемому основанию будет недопустимым тогда, когда лицо, в отношении которого и предполагается прекратить преследование, высказывает против этого возражения. В такой ситуации уголовное преследование лица продолжается.

В условиях недавнего введения ст. 28² УПК РФ, характеризующегося неустоявшейся правоприменительной практикой и непродолжительным периодом применения, реализация данной нормы сопряжена с рядом проблемных вопросов и дискуссионных аспектов. Рассмотрим основные из них.

Д. В. Новокшенов подчеркивает дефекты правового регулирования, возникающей в результате применения положений ст. 28² УПК РФ. Так, автор указывает на «квалифицированное молчание законодателя» в части обеспечения и защиты прав и законных интересов потерпевших. Исходя из буквального толкования нормы закона, при вынесении процессуального решения о прекращении уголовного преследования или освобождении от уголовной ответственности и наказания мнение потерпевших не учитывается и не принимается во внимание, что противоречит принципам уголовного судопроизводства и нарушает конституционные права граждан. Данный пробел в законодательстве представляется существенным как с точки зрения морально-этических норм, так и с позиции действу-

ющего правового регулирования и требует внесения соответствующих изменений в уголовно-процессуальное законодательство в целях обеспечения баланса интересов всех участников уголовного процесса и недопущения ущемления прав потерпевших [3, с. 182].

А. С. Дежнев и А. В. Павлов подтверждают, что законодательные установления, регламентируемые ст. 28² УПК РФ, не предусматривают учета мнения потерпевшего в случае прекращения уголовного преследования обвиняемого, подозреваемого, что можно расценивать как нарушение права, закрепленного в ст. 52 Конституции РФ, суть которого сводится не только к всеобщему доступу к правосудию, но и компенсации причиненного ущерба [4, с. 131].

Полагаем, что приведенные позиции являются справедливыми, поскольку действительно положения ст. 28² УПК РФ в настоящее время не обеспечивают в должной мере защиту прав и законных интересов потерпевших.

Восстановление прав потерпевших, нарушенных преступлением, является одной из ключевых задач уголовного судопроизводства. Тем не менее анализ ст. 28² УПК РФ выявляет диспропорцию, при которой преимущественное внимание уделяется защите прав лиц, совершивших преступления, что ограничивает реализацию интересов потерпевших. Приведем пример из судебной практики.

Кызылским городским судом Республики Тыва было рассмотрено уголовное дело в отношении лица, обвиняемого в совершении серии краж с незаконным проникновением в помещения и хранилища, квалифицированных по различным частям ст. 158 УК РФ. Защитник обвиняемого заявил ходатайство о прекращении уголовного преследования на основании ст. 78¹ УК РФ, поскольку обвиняемый участвовал в СВО и был награжден медалью «За отвагу».

Суд первой инстанции удовлетворил ходатайство защиты, прекратив уголовное дело с освобождением обвиняемого от уголовной ответственности. При этом представитель потерпевшего обжаловал данное решение, указывая на невозмещенный материальный ущерб и тот факт, что похищенное имущество до настоящего времени не возвращено. В апелляционной жалобе также отмечалось, что права потерпевшего на компенсацию материального ущерба были нарушены.

Апелляционная инстанция, проверив материалы дела, пришла к выводу о законности принятого решения. Суд установил, что все условия для применения ст. 78¹ УК РФ были соблюдены: обвиняемый участвовал в специальной военной операции с декабря 2022 г. по июнь 2023 г. и был награжден государственной наградой. В соответствии с ч. 2 ст. 28²

УПК РФ суд разъяснил обвиняемому основания прекращения уголовного преследования и получил его согласие на такое прекращение, что полностью соответствовало процессуальным требованиям¹.

Представляется, что для исправления данной ситуации необходимо внесение в УПК РФ положений, обязывающих следователя и суд при прекращении уголовного дела учитывать мнение потерпевшего и оценивать полноту возмещения ему вреда, причиненного преступлением. Такой подход позволит обеспечить подлинную защиту прав и законных интересов потерпевших и восстановить нарушенный преступлением баланс в рамках уголовного процесса.

Для реализации обозначенного предложения по совершенствованию законодательства можно рекомендовать внести изменения в ч. 2 ст. 28² УПК РФ, дополнив ее определенными положениями. В частности, необходимо изменить первый абзац ч. 2 ст. 28² УПК РФ, а именно, после слов «лицу, указанному в части первой настоящей статьи», дополнить: «а также потерпевшему или его законному представителю ...».

Кроме того, ч. 2 ст. 28² УПК РФ целесообразно дополнить следующей формулировкой: «В случае если потерпевший возражает против прекращения уголовного преследования, следователь, дознаватель выясняют причины такого возражения и принимают меры по возмещению вреда, причиненного потерпевшему. Если после принятых мер потерпевший продолжает возражать против прекращения уголовного преследования, производство по уголовному делу продолжается в обычном порядке».

Данные дополнения к ст. 28² УПК РФ позволяют обеспечить полноценный учет мнения потерпевшего при решении вопроса о прекращении уголовного преследования в связи с призывом на военную службу, заключением контракта или прохождением службы в условиях мобилизации и военного времени. Следователь и дознаватель будут обязаны не только поставить потерпевшего в известность о планируемом прекращении уголовного преследования, но и предпринять меры для возмещения ему вреда. И только при отсутствии возражений со стороны потерпевшего после компенсации ущерба можно будет освобождать обвиняемого от уголовной ответственности по данному основанию.

Предлагаемые коррективы позволят обеспечить защиту интересов лиц, пострадавших от преступлений, не допуская ущемления их прав ради освобождения виновных от ответственности по формальным основаниям.

Таким образом, для решения выявленной проблемы необходимо внесение точечных дополнений в ст. 28² УПК РФ, закрепляющих обязательность учета мнения потерпевшего и возмещения ему вреда как условия прекращения уголовного преследования в связи с призывом на военную службу или прохождением службы в период мобилизации и военного времени, что позволит обеспечить реальную защиту прав потерпевших.

Следующий дискуссионный аспект в рассматриваемом основании прекращения уголовного преследования состоит в сложности возмещения ущерба потерпевшему.

В юридической литературе обращается внимание, что возмещение вреда потерпевшему лицом, освобожденным от уголовной ответственности в связи с привлечением к участию в специальных операциях, законодательно не урегулировано. Интересы потерпевшего игнорируются, вероятность возмещения вреда минимальна ввиду высокого риска для жизни подозреваемого (обвиняемого). Отсутствие требований о возмещении вреда оправданно, если потерпевшим является государство, но не частные лица. Потерпевший вправе взыскать вред в порядке гражданского судопроизводства, однако процесс осложнен необходимостью установления местонахождения ответчика, возможностью приостановления производства по делу и правопреемства [5, с. 69]. Так, Н. С. Костенко справедливо отмечает, что иск не может быть предъявлен умершему, потерпевший должен самостоятельно установить наследников, принявших наследство, либо обратиться к исполнителю завещания или наследственному имуществу [5, с. 70].

Эта проблема особенно актуальна в контексте прекращения уголовного преследования по ст. 28² УПК РФ, когда лицо, будучи подозреваемым или обвиняемым, мобилизовано или заключило контракт с Вооруженными Силами РФ в период военного времени. Некоторая вероятность гибели такого лица в ходе СВО усложняет возмещение вреда. Аналогичные трудности возникают и на стадии исполнения наказания, когда осужденный, ранее признанный виновным и обязанный возместить вред, направляется на СВО и погибает, не исполнив обязательств. В обоих случаях — на стадии преследования и исполнения наказания — отсутствие законодательных механизмов обеспечения компенсации ставит потерпевших в уязвимое положение. Защита их интересов требует усиления нормативного регулирования, в том числе с учетом исторического опыта разработки норм о правопреемстве. Так, по замечанию

¹ Апелляционное постановление № 22-141/2025 от 11 февраля 2025 г. по делу № 1-1239/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/BjrA4CpDO6VQ/> (дата обращения: 28.08.2025).

А. А. Патрушевой, авторы первой редакции проекта УПК РФ предлагали закрепить уголовно-процессуальное правопреемство в случае смерти потерпевшего или его неспособности выражать волю по состоянию здоровья или возрасту (ст. 27 проекта), что могло бы способствовать урегулированию вопросов возмещения вреда правопреемниками в подобных ситуациях [6, с. 142].

В соответствии с положениями п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 предъявление иска к умершему лицу не представляется возможным ввиду отсутствия у него гражданской правоспособности². В подобной ситуации потерпевший наделяется правом предъявить иск о возмещении причиненного вреда к лицам, принявшим наследство, установление которых является обязанностью самого потерпевшего. До момента принятия наследства надлежащими ответчиками по такому иску могут выступать исполнитель завещания или наследственное имущество (п. 3 ст. 1175 Гражданского кодекса РФ).

Полагаем, что для решения обозначенной проблемы, заключающейся в сложности возмещения вреда потерпевшему при прекращении уголовного преследования по ст. 28² УПК РФ, целесообразно установить в законе обязательное полное (частичное) возмещение обвиняемым (подозреваемым) причиненного преступлением вреда. При невозможности такого возмещения следует предусмотреть субсидиарную ответственность государства. В частности, ст. 28² УПК РФ можно дополнить частью 6 со следующей формулировкой: «Прекращение уголовного преследования по основаниям, предусмотренным настоящей статьей, допускается только при условии полного возмещения подозреваемым или обвиняемым вреда, причиненного преступлением. При невозможности возмещения вреда непосредственно виновным лицом ввиду его участия в боевых действиях обязанность по возмещению такого вреда возлагается на государство в порядке, установленном Правительством Российской Федерации».

Одновременно с этим следует принять соответствующее постановление Правительства РФ, детально регламентирующее порядок и условия возмещения государством вреда потерпевшим в случае прекращения уголовного дела по ст. 28² УПК РФ.

Полагаем, что в постановлении Правительства РФ нужно определить:

1) орган, уполномоченный принимать решение о выплате компенсации (например, Фонд социального страхования РФ);

2) перечень документов, необходимых для обращения за компенсацией (постановление о прекращении уголовного дела, документы, подтверждающие размер причиненного вреда, и т. д.);

3) сроки рассмотрения заявления потерпевшего и принятия решения о выплате;

4) порядок определения размера компенсации с учетом характера и объема причиненного вреда, имущественного положения потерпевшего и т. д.

Реализация предложенных изменений позволит создать эффективный компенсаторный механизм защиты прав и законных интересов потерпевших при прекращении уголовных дел в отношении лиц, привлекаемых к участию в боевых действиях. Обязательность возмещения вреда как условие освобождения от уголовной ответственности по ст. 28² УПК РФ в сочетании с субсидиарной ответственностью государства позволит обеспечить реальное восстановление нарушенных преступлением прав потерпевших.

Помимо обозначенных проблем, дискуссионным видится невключение в перечень преступлений в ст. 78¹ УПК РФ, исключающих прекращение уголовного преследования по ст. 28² УПК РФ, преступления, ответственность за которое предусмотрено ст. 105 УК РФ. Данная проблема приобретает особую актуальность в свете практики помилования лиц, совершивших тяжкие преступления, включая убийство, в связи с их участием в СВО. Как отмечают В. Н. Кохман и Д. В. Кохман, в 2023 г. отдельные лица, помилованные после участия в СВО, продолжили преступную деятельность, что подчеркивает недостатки правового регулирования и контроля за такими лицами [7, с. 54].

На указанную проблему обращают внимание и другие исследователи, акцентируя внимание на необходимости дифференцированного подхода к оценке поведения лиц, участвовавших в боевых действиях как на стадии уголовного преследования, так и на стадии исполнения наказания.

По мнению Н. А. Лопашенко, при решении вопроса о дальнейшей судьбе осужденного, участвовавшего в боевых действиях, суд должен учесть все характеристики его личности, а также проявленное им поведение в ходе военной службы. На основе комплексной оценки этих обстоятельств суду следует избрать одну из следующих мер:

1) полностью освободить лицо от дальнейшего отбывания наказания без каких-либо дополнительных условий;

2) освободить лицо от отбывания оставшейся части наказания, но при этом возложить на него

² О судебной практике по делам о наследовании : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

определенные требования, выполнение которых будет контролироваться после освобождения;

3) сократить неотбытую часть срока лишения свободы, т. е. фактически смягчить ранее назначенное наказание;

4) произвести замену неотбытой части лишения свободы другим, более мягким видом наказания, не связанным с изоляцией от общества;

5) отказать в освобождении или смягчении наказания и направить осужденного для дальнейшего отбывания наказания в соответствии с приговором суда [8, с. 55].

Таким образом, Н. А. Лопашенко предлагает дифференцированный подход к решению вопроса о судьбе осужденных, принимавших участие в военных действиях. Этот подход предполагает индивидуальную оценку всех значимых обстоятельств и выбор наиболее подходящей меры воздействия в отношении конкретного лица — от полного освобождения до сохранения ранее назначенного наказания.

В. Н. Кохман и Д. В. Кохман не разделяют точку зрения, согласно которой вопрос об освобождении осужденного от дальнейшего отбывания наказания после участия в боевых действиях должен решаться судом в каждом конкретном случае. Главными аргументами против такого подхода они считают неизбежность судебного разбирательства и отсутствие четких критериев принятия решения об окончательном освобождении. По их мнению, сама перспектива возвращения в исправительное учреждение после окончания военной службы может негативно повлиять на готовность осужденных заключать контракт и участвовать в боевых операциях. Многие считают такие условия неприемлемыми и откажутся от призыва. При этом автор настаивает на четком законодательном определении перечня деяний, совершение которых после освобождения позволит контролирующим органам ставить вопрос о возвращении лица в исправительное учреждение для дальнейшего отбывания наказания [7, с. 55].

Полагаем, что существующий подход, в рамках которого уголовное преследование может быть прекращено в соответствии со ст. 28² УПК РФ, за исключением случаев, когда лицо совершило преступление по ч. 1 ст. 78¹ УК РФ, в целом является логичным. Тем не менее, следует согласиться с необходимостью включения в ч. 1 ст. 78¹ УК РФ такого преступления, как убийство. Это позволит более эффективно обе-

спечить баланс между задачами исправления осужденных, их социализацией через участие в боевых действиях и охраной жизни как важнейшего объекта уголовно-правовой защиты. Лица, совершившие убийства, в силу повышенной общественной опасности содеянного не должны освобождаться от ответственности даже с учетом последующих заслуг в ходе СВО.

При этом целесообразно предусмотреть возможность смягчения наказания таким лицам, но не его полной отмены. По мнению Н. А. Лопашенко, гибкость в данном вопросе можно обеспечить путем внедрения механизма наделения суда полномочием по выбору конкретной меры на основе оценки личности осужденного и его роли в боевых действиях. Однако полный отказ от наказания за убийство видится недопустимым и способным подорвать превентивный потенциал уголовного закона [8, с. 55].

Можно сделать вывод, что ст. 28² УПК РФ представляет собой специализированный правовой механизм, направленный на разрешение уголовно-правовых конфликтов в условиях мобилизации и военного времени, обеспечивая как прекращение уголовного преследования на стадии предварительного расследования, так и возможность учета участия в боевых действиях на стадии исполнения наказания. Включение данной нормы в УПК РФ расширило варианты окончания предварительного расследования, способствуя процессуальной экономии и рациональному использованию ресурсов правоохранительной системы в кризисных ситуациях. Одновременно с этим норма предоставляет судам и иным органам уголовной юстиции инструменты для дифференцированного подхода к осужденным, участвовавшим в специальной военной операции, позволяя при определенных условиях смягчать или изменять меры наказания с учетом их личности и поведения в боевых действиях. Однако, учитывая новизну нормы и неустоявшуюся правоприменительную практику, реализация ст. 28² УПК РФ сопряжена с рядом проблем, включая недостаточную защиту прав потерпевших, сложность возмещения вреда и отсутствие в перечне исключений ст. 78¹ УПК РФ тяжких преступлений, таких как убийство. Данные аспекты требуют дальнейшей научной разработки и законодательного совершенствования для достижения баланса интересов общества, потерпевших, обвиняемых и осужденных.

Список источников

1. Головки Л. В. Дискуссионные вопросы приостановления и прекращения уголовного преследования в отношении участников специальной военной операции // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. № 1(96).

2. *Стельмах В. Ю.* Прекращение уголовного дела в отношении мобилизованного военнослужащего // Уголовное право. 2024. № 11(171).
3. *Новокионов Д. В.* Особенности уголовной ответственности военнослужащих за преступления, совершенные в период проведения специальной военной операции // Военное право. 2024. № 3(85).
4. *Дежнёв А. С., Павлов А. В.* Возмещение вреда, причиненного преступлением, в условиях прохождения подозреваемым либо обвиняемым военной службы // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 3(56).
5. *Костенко Н. С.* Прекращение уголовного преследования на основании статьи 28² Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: правовая регламентация и особенности принятия решения // Общество и право. 2024. № 4(90).
6. *Патрушева А. А.* Уголовно-процессуальное преемство прав умершего участника уголовного судопроизводства // Сибирское юридическое обозрение. 2020. № 1.
7. *Кохман В. Н., Кохман Д. В.* Оптимальный правовой механизм участия лиц, привлеченных к уголовной ответственности, в специальной военной операции // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2023. № 4(18).
8. *Лопашенко Н. А.* О некоторых правовых и криминологических проблемах участия осужденных в СВО: частный взгляд на известные события // Вестник Самарского юридического института. 2023. № 2(53).

УДК 343.1

doi: 10.24412/1999-625X-2026-1100-46-51

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Проблематика фактического задержания подозреваемого: истоки, состояние, перспективы

Виктор Сергеевич Шадрин

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры управления следственной деятельности (Высшие академические курсы)¹,

✉ kaf-pr-skspba@mail.ru

¹ Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Производится комплексный анализ проблем, связанных с определением понятия, правовой природы, предназначения и значения фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления, его места в правовом регулировании уголовного судопроизводства. Обращается внимание на исторические корни данной проблемы. Дается авторская оценка обозначенных в теории уголовного процесса подходов к решению затрагиваемых проблем в связи с существующей в настоящее время реальной практикой определения и документирования фактического задержания подозреваемого. Излагаются соображения относительно возможностей устранения проблем фактического задержания в будущем.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, право на свободу передвижения, момент фактического задержания, порядок задержания

Для цитирования: Шадрин В. С. Проблематика фактического задержания подозреваемого: истоки, состояние, перспективы // Научный вестник Омской академии МВД России. 2026. Т. 32, № 1(100). С. 46–51.

Problems of Actual Detention of the Suspect: Origins, State, Prospects

Viktor S. Shadrin

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Science (in Law), Professor, Professor at the chair of Criminal Investigation Management (Higher Academic Courses)¹,

✉ kaf-pr-skspba@mail.ru

¹ St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

The paper comprises a comprehensive analysis of the problems associated with the definition of the concept, legal nature, purpose and significance of the actual detention of a person on suspicion of committing a crime, its place in the legal regulation of criminal proceedings. Attention is drawn to the historical roots of this problem. An author's assessment of the approaches outlined in the theory of criminal procedure to solving the problems under study is given with regard to the current real practice of determining and documenting the actual detention of a suspect. Considerations are set out concerning the possibilities of eliminating the problems of actual detention in the future.

Keywords: criminal proceedings, right to freedom of movement, the moment of actual detention, detention procedure

Citation: Shadrin V. S. Problems of Actual Detention of the Suspect: Origins, State, Prospects. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2026. Vol. 32, No 1(100). Pp. 46–51 (In Russ.).

Фактическому задержанию подозреваемого в современной юридической литературе уделено внимание во множестве публикаций, включая докторские и кандидатские диссертации, монографии и научные статьи. Но интерес к данной теме не остывает, она оказалась поистине неисчерпаемой вследствие связанных с ней проблем, не находящихся до сих пор однозначного решения в теории, законодательном регулировании и практике уголовного судопроизводства.

Нельзя сказать, что понятие фактического задержания не было известно отечественной уголовно-

процессуальной науке ранее, в не столь еще отдаленные советские времена. Согласно ст. 122 УПК РСФСР орган дознания и следователь были вправе при наличии указанных в законе условий и оснований, в том числе когда лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения, произвести задержание подозреваемого в смысле заключения его под стражу на срок до 72 часов, о чем в обязательном порядке составить протокол с указанием оснований, мотивов, дня и часа, года и месяца, места задержания, объяснений задержанного, времени составления протокола. В подлежащем тогда

применению при производстве предварительного расследования Положении о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступлений¹, наряду с дословным воспроизведением приведенного выше фрагмента текста статьи УПК РСФСР одновременно разъяснялось, что срок задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, исчисляется с момента доставления этого лица в орган дознания или к следователю, «а если задержание указанного лица производится на основании постановления о задержании, вынесенного органом дознания или следователем, то с **момента фактического его задержания**», под которым понималось осуществление сотрудниками органов охраны общественного порядка «фактического ограничения свободы лица («поимка», «захват»)» [1, с. 29].

То, что таким образом в среде нормативного регулирования задержания был легализован дуализм понятия «задержание» — задержание фактическое и задержание юридическое (уголовно-процессуальное) — никого особенно не удивило и не насторожило. Хотя, как известно, признание существования двух сходных по характеру или существу явлений с общим для них названием не исключает путаницу в их использовании, возможное замещение одного другим или непроизвольное наложение их друг на друга при совпадении тех или иных общих для них обоих признаков. Казалось, что вопросы существования задержания фактического и задержания уголовно-процессуального вполне разрешимы и превращения их в проблемные можно избежать легко и спокойно, отведя каждому из них свое место, в том числе посредством четкого разведения их по времени действия с ясным и доступным каждому пониманием их роли в выявлении совершающих преступления лиц с последующим привлечением их к уголовной ответственности, что подлежало обязательному в уголовном судопроизводстве документированию. Как отмечал В. Н. Григорьев относительно обстоятельств документирования действий, в совокупности образующих алгоритм задержания, «в бланке протокола задержания говорится о времени: фактического задержания, доставления, составления протокола задержания. В последнем случае в отличие от фактического задержания имеется в виду акт уголовно-процессуальной деятельности. ...Время уголовно-процессуального задержания совпадает с фактическим, если последнее производится на основании постановления органа дознания или следователя. Однако такие случаи редки. Фактическое задержание обычно предпринимается на практике при отсутствии документально оформ-

ленного решения, после него следует разбирательство и только потом лицо задерживают в качестве подозреваемого. Моменты уголовно-процессуального и фактического задержания в подобных случаях не совпадают, поэтому их подмена недопустима» [2, с. 73]. Период времени фактического задержания при исчислении срока задержания в расчет не принимался. Изложенная позиция являлась общепринятой как в практике органов предварительного расследования, так и прокурорского надзора за их деятельностью [3, с. 14–15.].

Вместе с тем в теории уголовного процесса уже тогда «прозвенел звонок», сигнализирующий о возможных «превратностях судьбы» фактического задержания в связке с задержанием уголовно-процессуальным. И. Л. Петрухин, обращая внимание на то, что фактическое задержание происходит в «ничейной зоне», т. е. не регламентировано ни административным, ни уголовно-процессуальным правом, высказывал соображения о необходимости отнесения его к уголовно-процессуальной юрисдикции. «Это будет служить интересам граждан, поскольку основания и порядок задержания на месте (захвата) и доставления подозреваемых окажутся четко регламентированы уголовно-процессуальным законом ... и если «захват» и доставление станут составными частями, этапами уголовно-процессуального задержания, то срок его будет исчисляться с момента фактического лишения свободы» [4, с. 19–20]. Однако данная идея не получила широкой поддержки, в науке в большей степени «принималась к сведению», чем вызывала дискуссии, и законодательной властью всерьез не рассматривалась.

Вопросы фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления относительно его природы, предназначения и значения актуализировались и стали привлекать к себе повышенное внимание в связи с принятием в 1993 г. Конституции РФ, провозгласившей права и свободы человека высшей ценностью и тем самым предопределившей необходимость подхода к задержанию подозреваемого с точки зрения обязательности обеспечения затрагиваемых задержанием прав и свобод человека и гражданина. В статье 22 Конституции РФ наряду с провозглашением права каждого на свободу и личную неприкосновенность получило закрепление положение о том, что арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению, при этом до судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов. Значимость данного подхода в совокупности с проблемностью его реализации

¹ Утверждено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 июля 1976 г. № 4203-IX // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 29. Ст. 426.

существенно возросла с началом деятельности Конституционного Суда РФ, наделенного полномочиями определять по запросам государственных органов и обращениям граждан конституционность тех или иных правовых актов и в итоге формировать обязательные для всех в Российском государстве соответствующие правовые позиции. Особое значение приобрело постановление Конституционного Суда РФ по жалобе гражданина В. И. Маслова, в котором была сформулирована правовая позиция относительно обретения задержанным по подозрению в совершении преступления лицом права пользоваться помощью защитника, получившая, по существу, значение прецедента в определении обстоятельств признания лица фактически подозреваемым. Согласно указанной позиции понятие «задержанный» должно толковаться в конституционно-правовом, а не в придаваемом действующим уголовно-процессуальным законом более узком смысле, в связи с чем «необходимо учитывать не только формальное процессуальное, но и **фактическое** положение лица, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование. При этом факт уголовного преследования и, следовательно, направленная против конкретного лица обвинительная деятельность могут подтверждаться ... мерами, предпринимаемыми в целях его изобличения или свидетельствующими о наличии подозрений против него»².

Появление изложенной правовой позиции Конституционного Суда РФ совпало с активизацией деятельности рабочей группы по разработке Уголовно-процессуального кодекса РФ под руководством заместителя председателя Комитета Государственной Думы по законодательству и судебно-правовым реформам Е. Б. Мизулиной и, соответственно, было воспринято как подлежащее обязательному воплощению в положениях подготавливаемого текста нового уголовно-процессуального закона в силу того, что решения Конституционного Суда РФ и выработанные им правовые позиции обладают преимуществом перед федеральным законодательством, которое не должно им противоречить. Именно поэтому в принятом в 2001 г. новом уголовно-процессуальном законодательстве впервые за всю историю отечественного уголовного судопроизводства появилось словосочетание «фактическое задержание», что и повлекло впоследствии многолетние нескончаемые споры по поводу его понятия, природы, значения и места в правовом регулировании задержания лица по подозрению в совершении преступления.

Видимо, предвидя возможность таких споров и желая их упредить, законодатель счел должным разъяснить, что задержание подозреваемого — мера процессуального принуждения, применяемая органом дознания, дознавателем, следователем на срок не более 48 часов с момента фактического задержания (п. 11 ст. 5 УПК РФ), а момент фактического задержания, проводимого в порядке, установленном УПК РФ, — фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления (п. 15 ст. 5 УПК РФ). Уделяя повышенное внимание моменту фактического задержания, дополнительно специально разъяснено, что защитник допускается к участию в уголовном деле с момента фактического задержания лица, подозреваемого в совершенном преступлении, в заранее определенных случаях (п. 3 ч. 3 ст. 49 УПК РФ); при задержании лица срок исчисляется именно с момента фактического задержания (ч. 3 ст. 128 УПК РФ). Таким образом, определенная законодательная база для установления и реализации основанного в соответствии с ч. 1 ст. 1 УПК РФ на Конституции РФ порядка задержания лица по подозрению в совершении преступления была создана, что не исключает ее совершенствования с учетом дальнейшей конституционализации уголовного судопроизводства, предполагающей, что «в русле Конституции и конституционного права идут и законодательство, и практика его применения, выстраиваются, формируются и развиваются юридические воззрения, служащие теоретической основой разрешения прикладных задач» [5, с. 13].

Стоит заметить, что практически одновременно с введением УПК РФ в действие в июле 2002 г. был издан Комментарий к нему ученых и специалистов, непосредственно участвовавших в его подготовке, в связи с чем предлагалось (в предисловии) рассматривать его как неофициальное **аутентичное толкование нового уголовно-процессуального закона**. Прокомментировавший главу 12 УПК РФ «Задержание» Б. Я. Гаврилов вполне доходчиво разъяснил, что «согласно п. 2 ч. 1 ст. 46 УПК РФ с момента фактического задержания, т. е. еще до доставления в орган дознания, к следователю или прокурору, лицо считается подозреваемым ... сроки, связанные с задержанием (12-часовой — для уведомления прокурора; 24-часовой — для проведения допроса подозреваемого; 48-часовой — для доставления подозреваемого в суд) начинают исчисляться с момента фактического задержания лица» [6, с. 225, 229].

² По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова : постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Однако что-то пошло не так. В числе юридических воззрений, формирующих современную уголовно-процессуальную доктрину в части представлений о задержании подозреваемого, вопреки ожиданиям, обусловленным правовыми позициями Конституционного Суда РФ и логикой создателей нового уголовно-процессуального закона, появилась интерпретация приведенных выше новелл УПК РФ, касающихся фактического задержания, в несколько ином, практически дезавуирующем их значение смысле. Анализ действующего уголовно-процессуального закона позволил О. И. Цоколовой заключить, что фактическое лишение подозреваемого свободы передвижения по предусмотренным в ч. 1 ст. 91 УПК РФ основаниям начинается с момента, когда лицо доставлено к следователю и «именно с него следует исчислять срок задержания и указывать это время в протоколе задержания» [7, с. 26]. Данная позиция, дополнительно сопровождаемая предложением «внести соответствующие изменения в п. 15 ст. 5 УПК РФ, а также дополнить ст. 92 УПК РФ ч. 1¹ „Срок задержания исчисляется с момента доставления лица к следователю, дознавателю, в орган дознания после возбуждения уголовного дела“», годом позже была аргументирована указанным автором в успешно защищенной докторской диссертации [8, с. 13].

Практика применения задержания, как оказалось, также предпочла в основном идти своим путем, а именно, по «проторенной дорожке» времен действия УПК РСФСР. В графе протокола задержания, предназначенной для отражения времени задержания, следователи и дознаватели вместо момента фактического задержания (захвата) «в порядке вещей» фиксируют момент доставления заподозренного в орган предварительного следствия или дознания. При этом обращающиеся в прокуратуру с жалобой на подобные действия заинтересованные лица получают разъяснения: так и должно быть [9, с. 47].

В то же время результаты иных исследований, в том числе диссертационных, отражают предпочтение их авторов трактовать положения УПК РФ как обязывающие следователей, дознавателей и иных должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, подразумевать под фактическим задержанием любые первичные действия по ограничению свободы подозреваемого. Например: «фактическое задержание следует определять как начальный этап уголовно-процессуального задержания, заключающийся в физическом захвате лица, подозреваемого в совершении преступления, по основаниям, указанным в ст. 91 УПК РФ, производимое сотрудниками полиции и иных компетентных органов» [10, с. 8]; фактическое задержа-

ние и доставление «следует рассматривать в качестве начального этапа в общей процедуре задержания подозреваемого при наличии возбужденного уголовного дела, как следующий этап, может быть осуществлено применение меры процессуального принуждения — задержание подозреваемого» [11, с. 11].

Если попытаться воспроизвести все высказанные на сегодняшний день разнообразные, как совпадающие, так и конкурирующие между собой точки зрения относительно животрепещущих проблем определения, природы, содержания и значения фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления, то получится многотомное собрание сочинений. Поэтому ограничимся обозначением в целом данной проблематики, в основе существования которой, как представляется, лежат три основных фактора.

1. Не сбылись, увы, надежды И. Л. Петрухина на то, что порядок задержания на месте (захвата) и доставления подозреваемых станет относиться к уголовно-процессуальной юрисдикции и будет четко регламентирован уголовно-процессуальным законом [4, с. 10]. Здесь по-прежнему «ничейная зона». Регламентации захвата и доставления подозреваемого к следователю или дознавателю в ст. 92 УПК РФ нет, и рассчитывать на ее появление сложно, поскольку указанные действия реально находятся вне юрисдикции органов предварительного расследования, что и позволяет интерпретировать задержание как сугубо уголовно-процессуальный акт, означающий кратковременное досудебное заключение подозреваемого под стражу.

2. Объективно существующие условия работы дознавателя и следователя, часто вынужденных действовать в условиях цейтнота и связанных с ним стрессовых ситуаций (о чем не понаслышке знают ученые-процессуалисты с опытом следственной работы, в том числе и автор этих строк) обуславливают стремление (предпочтение) считать точкой отсчета времени задержания более удобный для них момент, а именно, момент составления протокола задержания или, по крайней мере, доставления задержанного в органы предварительного расследования. Тем более что, в сравнении с периодом действия УПК РСФСР, время пребывания задержанного в ИВС сокращено на треть — с 72 до 48 часов. Достаточно действенные меры, позволяющие искоренить подобную практику, в том числе со стороны работников прокуратуры и суда, склонных «входить в положение» осуществляющих досудебное производство должностных лиц, в настоящее время не предпринимаются или предпринимаются пока далеко не везде. Решению данной проблемы могло бы способствовать существенное увеличение штатов следо-

вателей и дознавателей для значительного снижения их профессиональной нагрузки, чего государство в силу экономических и иных причин пока не может себе позволить.

3. Свою роль в продолжающемся существовании неопределенностей в истолковании уголовно-процессуального закона относительно понятия фактического задержания и фиксации его момента, очевидно, играет и известный в теории «эффект колеи» [12], характеризующий проявление тенденции в реализации обновленного правового института по старому сценарию, «как прежде», в зависимости от исторического пути его развития (path dependence). В результате даже при изменении законов поведение субъектов права может сохраняться в рамках устоявшихся практик.

В теории уголовного судопроизводства с учетом отмеченных выше проблем выдвигаются заслуживающие внимания идеи по их преодолению. Так, С. И. Вершинина, руководствуясь необходимостью реально обеспечить защиту права лица на свободу передвижения с самого начала ее ограничения и полагая, что указанные в ст. 91 УПК РФ обстоятельства, предопределяющие фактическое задержание подозреваемого, в силу их непроцессуального характера в практической деятельности устанавливаются не органами предварительного расследования, а полицией, предлагает исключить их из уголовно-процессуального закона и перенести в Федеральный закон «О полиции» (далее — Закон о полиции)³. Одновременно предусмотреть в Законе о полиции подробный порядок полицейского задержания, включая разъяснение задержанному принадлежащих ему прав и их последующее осуществление, в том числе права на телефонный звонок, уведомление близких родственников задержанного, услуги адвоката, а также обязательное протоколирование задержания [13, с. 762–763]. Остается неясным, как полицейское задержание будет сопряжено с уголовно-процессуальным в смысле кратковременного заключения подозреваемого под стражу и насколько оправданно полное изъятие из УПК РФ оснований, которыми до этого на протяжении многих десятилетий, еще со времени действия Устава уголовного судопроизводства 1864 г., руководствовались российские следователи, применяя данную меру уголовно-процессуального принуждения.

Исходя из конституционно-межотраслевого характера фактического задержания и доставления лица в органы предварительного расследования и совершенно обоснованно полагая, что 48-часовой срок внесудебного ограничения права на свободу и личную неприкосновенность подлежит безуслов-

ному исчислению с момента физического захвата потенциального подозреваемого сотрудниками правоохранительных органов, С. Б. Россинский в результате вынужденного монографического исследования пришел к выводу о необходимости создания единого, унифицированного, межотраслевого механизма, позволяющего имплементировать конституционно-правовые стандарты вынужденного ограничения государством права на свободу и личную неприкосновенность в полномочия различных правоохранительных органов по фактическому задержанию и доставлению лица в органы дознания или предварительного следствия, который предлагается закрепить в межотраслевом нормативном акте — Федеральном законе «О задержании» [14, с. 175]. Идея весьма заманчивая, дело остается за малым — приступить к разработке такого закона и внимательно посмотреть, что из этого получится.

Пока такого закона не существует, появляются и иные, не столь грандиозные, но также заслуживающие внимания идеи. Как более простой и доступный вариант выхода из создавшегося положения с реализацией фактического задержания предлагается разработать и внедрить в практическую правоохранительную деятельность межведомственную Инструкцию, включающую в себя весь алгоритм действий следователя (дознателя), с момента фактического задержания лица, подозреваемого в преступлении, последующего доставления его в правоохранительный орган по территориальности, составления рапорта об обнаружении признаков преступления, принятия решения об уголовно-процессуальном задержании подозреваемого и направления необходимых материалов в орган прокуратуры для проверки законности принятого решения [15, с. 108].

При всем желании оценивать перспективы разрешения проблематики фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления не только в определении момента начала исчисления срока задержания, но и обеспечении задержанному с данного момента возможности использования всего комплекса гарантий права на свободу передвижения, включая извещение о задержании близких ему людей, услуги защитника и т. п., — оптимистически трудно рассчитывать на это в ближайшее время. Поскольку устранение «ничейной зоны» в межотраслевом правовом регулировании данной меры принуждения с момента «захвата» лица до принятия в отношении него судебного решения по поводу возможного применения меры пресечения в виде заключения под стражу сопряжено с теми же проблемами, которые характерны для других областей или участков «приграничья» уголовного судопроизвод-

³ О полиции : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ.

ства, где оно входит в соприкосновение (вплоть до взаимопроникновения) с другими близкими к нему сферами правового регулирования, что хорошо видно на примере стадии возбуждения уголовного дела, использования в доказывании по уголовному делу результатов оперативно-розыскной деятельности

или разрешения в порядке уголовного судопроизводства вопросов явно уголовно-исполнительного характера в соответствии с разделом XIV УПК РФ. Остается лишь надеяться, что дальнейшие исследования позволят рано или поздно справиться с этой непростой задачей.

Список источников

1. Гуляев А. П., Данилюк С. А., Забарин С. Н. Задержание лиц, подозреваемых в совершении преступлений : учеб. пособие / под общ. ред. А. П. Гуляева. М., 1988.
2. Григорьев В. Н. Задержание подозреваемого органами внутренних дел : учеб. пособие. Ташкент, 1989.
3. Чувилев А. А. Прокурорский надзор за исполнением законов при задержании подозреваемых : учеб. пособие. М., 1999.
4. Петрухин И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М., 1989.
5. Вагин О. А. Конституционализация уголовного судопроизводства в контексте позиций Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционализация уголовного судопроизводства (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации) : сб. мат-лов всерос. науч.-практ. конф. / под ред. К. Б. Калиновского. СПб., 2022.
6. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. Д. Н. Козак, Е. Б. Мизулина. М., 2002.
7. Цоколова О. И. Фактическое задержание // Законность. 2006. № 3.
8. Цоколова О. И. Теория и практика задержания, ареста и содержания под стражей в уголовном процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. 60 с.
9. Барабаш А. Начало исчисления срока задержания по подозрению в совершении преступления // Законность. 2011. № 1.
10. Исламов М. Э. Правовое регулирование задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2008.
11. Березина Е. С. Задержание подозреваемого как институт уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
12. Аузан А. А. «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития — эволюция гипотез // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2015. № 1.
13. Вершинина С. И. К вопросу о легализации фактического (полицейского) задержания лиц, застигнутых на месте совершения преступления // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9, № 4.
14. Россинский С. Б. Задержание подозреваемого: конституционно-межотраслевой подход : монография. М., 2019.
15. Куликов А. В., Шелег О. А. Коллизии понятий задержания лица, совершившего преступление, и подозреваемого (конституционные, уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты) // Вестник экономической безопасности. 2023. № 2.

УДК 343.98

doi: 10.24412/1999-625X-2026-1100-52-57

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Криминалистическое образование как элемент криминалистического обеспечения расследования преступлений, совершаемых мигрантами

Любовь Сергеевна Шеховцова

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики¹,

✉ l.sheh@mail.ru

¹ Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя (Москва, Россия)

Криминалистическое образование традиционно для научных исследований признается составной частью криминалистического обеспечения. В современных условиях реформирования системы высшего образования обращают на себя внимание изменения, происходящие в системе криминалистического обеспечения. Процесс передачи знаний, умений и навыков расследования преступлений, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства, обладает рядом отличительных черт, которые необходимо исследовать для совершенствования процесса обучения и повышения эффективности правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: криминалистическое обеспечение, криминалистическое образование, расследование преступлений, иностранные граждане, апатрид, мигрант

Для цитирования: Шеховцова Л. С. Криминалистическое образование как элемент криминалистического обеспечения расследования преступлений, совершаемых мигрантами // Научный вестник Омской академии МВД России. 2026. Т. 32, № 1(100). С. 52–57.

Criminalistics Education as a Part of Forensic Maintenance for Investigating Crimes Committed by Migrants

Lubov S. Shekhovtsova

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor at the chair of Criminalistics¹,

✉ l.sheh@mail.ru

¹ V. Ya. Kikot' Moscow University of the Russian Ministry of Internal Affairs (Moscow, Russia)

Criminalistics education is traditionally considered as an integral part of forensic maintenance for scientific research. In the current conditions of reforming the higher education system, the focus is made on the changes taking place in the forensic maintenance system. The process of transferring knowledge, skills and abilities to investigate crimes committed by foreign citizens and stateless persons has a number of distinctive features necessary to be studied for improvement of the learning process and increasing the effectiveness of law enforcement activities.

Keywords: forensic maintenance, criminalistics education, investigation of crimes, foreign citizens, stateless person, migrant

---

Citation: Shekhovtsova L. S. Criminalistics Education as a Part of Forensic Maintenance for Investigating Crimes Committed by Migrants. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2026. Vol. 32, No 1(100). Pp. 52–57 (In Russ.).

Криминалистическое образование традиционно относится к составной части криминалистического обеспечения расследования преступлений. Говоря о системе криминалистического обеспечения, родоначальник данной научной категории В. Г. Коломацкий ставил среди элементов на первое место именно криминалистическую науку как источник криминалистических знаний. Ученый делал акцент на значимости педагогической составляющей криминалистического обеспечения. Криминалистиче-

ское образование, писал он, является важным элементом системы криминалистического обеспечения деятельности органов внутренних дел по внедрению в практическую деятельность криминалистических знаний [1, с. 15–17].

Разделяя научную позицию А. Ф. Воынского, отметим, что криминалистическое знание — это совокупность сведений, основанных на них навыков и умений, сформированных в результате научных исследований, внедрения их результатов в учебный

процесс и в практику [2, с. 6; 3, с. 11]. Профессиональное образование предполагает преемственность при получении криминалистических знаний, т. е. последовательное решение взаимосвязанных учебных задач на всем протяжении обучения, создающих возможности для постоянного развития обучающегося как специалиста, конкретизации и детализации приобретенных им знаний на последующих этапах обучения [4, с. 150–156].

Криминалистическое образование служит связующим звеном между наукой и практикой борьбы с преступностью и должно стать фундаментальным, чтобы выработать способность к самообучению, осознанию и анализу собственного и обобщенного опыта, и в то же время прикладным, чтобы решать с помощью полученных знаний практические задания [1, с. 15–17].

Переосмысление основ криминалистического образования в современных условиях важно по ряду причин. Во-первых, в период проведения реформы высшего образования¹ в образовательных учреждениях реализуется пилотный проект, направленный на изменение уровней профессионального образования. В частности, вместо бакалавриата, специалитета и магистратуры планируется ввести базовое и специализированное высшее образование. На сайте Минобрнауки России отмечается, что с учетом данных о реализации пилотного проекта будут определены особенности формирования новой национальной системы высшего образования и возможности ее распространения на все вузы Российской Федерации². Соответственно, разработка стандартов новых уровней высшего образования предполагает переработку положений учебно-методического обеспечения в сфере расследования преступлений, совершаемых мигрантами.

Во-вторых, цифровизация взаимосвязанных процессов совершения и расследования преступлений влечет за собой модернизацию привычных способов совершения преступлений иностранными гражданами и лицами без гражданства, а также организации и тактики их расследования. Эти тенденции учитываются в учебном процессе и косвенно влияют на переработку планов учебных занятий, акцентирование внимания обучающихся на современных технико- и тактико-криминалистических средствах выявления, раскрытия и расследования преступлений.

В-третьих, в течение последних пяти лет число преступлений, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства, остается стабильно высоким. Так, за 2020 г. было зарегистрировано 34,4 тыс. преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства; за 2021 г. — 36,4 тыс. преступлений; за 2022 г. — 40,2 тыс. преступлений; за 2024 г. — 38,6 тыс. преступлений; за период с января по сентябрь 2025 г. их количество составило 34,1 тыс. преступлений, что на 12,7 % больше, чем за аналогичный период предыдущего года³.

Качественный состав преступлений, совершаемых рассматриваемой группой лиц, определяется преступлениями против личности и собственности, которые относятся к категории тяжких и особо тяжких, представляющих высокую степень общественной опасности (убийства, причинения тяжкого вреда здоровью, кражи, грабежи, разбои, вымогательства). Как показывают результаты исследования практики расследования уголовных дел данной категории⁴, механизм совершения данных преступлений обусловлен спецификой личности преступника, особенностями национальных традиций, менталитетом, а также условиями и правилами пребывания на территории РФ.

Столь стремительный рост количества преступлений, совершаемых данной категорией лиц, позволяет сделать вывод о формировании отдельной группы преступлений, совершаемых мигрантами, требующих адаптации имеющихся средств собирания доказательств в связи с особенностями личности преступника, определяющими применение соответствующего процессуального порядка производства следственных и процессуальных действий. Например, необходимость привлечения для участия при производстве следственных действий переводчика; обеспечение перевода на язык, которым владеет подозреваемый (обвиняемый), процессуальных документов; адаптация тактико-криминалистических рекомендаций производства отдельных следственных действий.

Так, в ходе расследования разбойного нападения были проведены три предъявления для опознания обвиняемых, при этом статисты, равно как и опознаваемые, не в полной мере владели языком уголовного судопроизводства, в связи с чем пере-

¹ О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования : указ Президента РФ от 12 мая 2023 г. № 343. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/69686/> (дата обращения: 03.10.2025).

³ URL: <http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/> (дата обращения: 07.11.2025).

⁴ Эмпирической базой исследования выступили результаты анализа 112 приговоров, вынесенных в отношении иностранных граждан судами общей юрисдикции в Российской Федерации в период с 2015 г. по 2025 г. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 07.09.2025).

водчик вынужден был разяснять слова следователя также и этим гражданам⁵. УПК РФ не содержит запрета на оказание услуг переводчика сразу нескольким участникам уголовного судопроизводства, однако, оказавшись в подобной ситуации, полагаем, следователю нужно более детально фиксировать процедуру производства следственного действия, подробно разяснять иностранным гражданам порядок производства следственного действия, их права и обязанности.

Кроме того, важно принимать во внимание особенности информирования о возбуждении уголовного дела, избрании меры пресечения представительства, консульства государства, гражданином которого является мигрант.

Все сказанное красноречиво свидетельствует о формировании частной групповой криминалистической методики расследования преступлений, совершаемых мигрантами, и существовании потребности правоприменительной практики в подготовке соответствующих специалистов.

Изменение динамики совершаемых преступлений повлияло на смену концепции национальной миграционной политики: осуществление мер, направленных на обеспечение безопасности граждан и государства; пересмотр требований к миграционному учету, компетенции органов и ведомств, вовлеченных в миграционные процессы; образование службы по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан МВД России.

В связи с имеющимися потребностями правоохранительных органов нашего государства в системе профессионального образования МВД России произошел ряд преобразований, обусловленных подготовкой обучающихся по направлению 40.03.02 Обеспечение законности и правопорядка, направленность образовательной программы — оперативно-розыскная деятельность (противодействие незаконной миграции).

В частности, существенная переработка коснулась содержания рабочих программ учебной дисциплины «Криминалистика» с учетом направленности образовательной программы.

Одним из определений термина «образование» является его понимание как процесса получения систематизированных знаний и навыков, обучение, просвещение, а также совокупность знаний, полученных в результате обучения [5, с. 624].

Необходимо отметить, что в ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273 «Об образовании в Российской Федерации» (далее — Закон об образовании) законодатель сформулировал

исследуемое понятие как «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов».

В части 2 указанной правовой нормы определено содержание термина «воспитание» как «деятельность, направленная на развитие личности, формирование у обучающихся трудолюбия, ответственного отношения к труду и его результатам, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, традиционных российских духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде». Таким образом, очевидно, что законодательное определение образования согласовывается с его лексическим значением.

Как следует из положения ч. 1 ст. 12 Закона об образовании, содержание образования определяют основные образовательные программы, которые самостоятельно разрабатываются и утверждаются организацией, осуществляющей образовательную деятельность.

Таким образом, криминалистическое образование по смыслу, вкладываемому федеральным законодательством, должно рассматриваться как деятельность, осуществляемая в установленном законом порядке образовательными организациями и состоящая в целенаправленном процессе воспитания и обучения, совокупности знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции обучающихся для осуществления деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, применению современных технико-криминалистических средств, приемов и методов.

⁵ Приговор Дзержинского районного суда г. Новосибирска от 26 ноября 2017 г. № 1-279/2017 по делу № 1-279/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1eC1Wx4REGNI/> (дата обращения: 07.09.2025).

Криминалистическое образование в рамках образовательных стандартов имеет место на всех уровнях. Уровень образования при этом тесно связан с понятием «квалификация», которая характеризует количество и качество получаемых специалистом знаний, умений, навыков и компетенций, необходимых для решения профессиональных задач, и отличается профессиональными стандартами деятельности.

Криминалистическое образование необходимо при подготовке судей, прокуроров, следователей, оперативных работников, судебных экспертов, адвокатов. Получение криминалистического образования является обязательной частью основных профессиональных образовательных программ, реализуемых как в специализированных ведомственных учебных заведениях Министерства внутренних дел, Следственного комитета, Прокуратуры, Министерства юстиции, Федеральной службы безопасности, Федеральной таможенной службы, так и в гражданских учебных заведениях.

Применительно к криминалистическому образованию как составной части криминалистического обеспечения расследования преступлений, совершаемых мигрантами, следует руководствоваться нормами федеральных государственных образовательных стандартов. Эти требования определяют обязательные нормы к образованию определенного уровня, направлению и направленности подготовки, в том числе условия обучения, структуру программы, срок обучения и пр.

Дифференциация объема и характера криминалистического образования зависит от особенностей раскрытия и расследования преступлений. Видовая методика расследования преступлений, совершаемых мигрантами, оказывает влияние не только на организационные основы, но и на тактические рекомендации производства отдельных процессуальных действий [6, с. 123–130].

Причины, которые определяют специфику криминалистического образования как элемента криминалистического обеспечения расследования преступлений, совершаемых мигрантами, в общем виде можно определить следующим образом.

1. *Правовое положение иностранных граждан в российском уголовном процессе, предусмотренное федеральным законодательством и международными правовыми актами, ратифицированными Российской Федерацией.* Вместе с тем многие процессуальные и организационно-тактические вопросы

участия иностранных граждан и лиц без гражданства в уголовном судопроизводстве остаются незакрепленными в отечественных нормативно-правовых актах. В ряде случаев разрешение практических задач участия мигрантов в уголовном судопроизводстве решается на основе правоприменительной практики и судебных прецедентов, а также исходя из положений уголовно-процессуальной и криминалистической теории.

2. *Срочность пребывания иностранца, лица без гражданства на территории Российской Федерации.* Чтобы своевременно установить обстоятельства совершенного преступления, следователи стараются в максимально короткий срок возбудить уголовное дело в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, на что, в частности, указывают А. И. Бастрюкин и О. И. Александрова [7, с. 31]. По уголовным делам с участием мигрантов также увеличивается темп предварительного расследования. Следователь вынужден проводить не свойственные первоначальному этапу расследования преступлений следственные действия, такие как проверка приказаний на месте, предъявление для опознания, очная ставка и др. Такая спешка может иметь негативные последствия, связанные с недостаточной подготовкой следственных действий, и как результат, упущение доказательственной информации. Однако если не форсировать процессуальную деятельность, то подозреваемый (обвиняемый) может скрыться от следствия.

Так, иностранный гражданин Р., находясь на территории Российской Федерации, участвовал в совершении группового вымогательства. В период проведения предварительного расследования следователь не успел предъявить ему обвинение, и он скрылся от следствия в Киргизии. Гражданин Р. был заочно привлечен в качестве обвиняемого и объявлен в международный розыск, однако в его выдаче было отказано, поскольку он является гражданином Киргизской Республики. Следствие по уголовному делу длилось еще семь лет и включало в себя действия по оказанию взаимной правовой помощи на территории иностранного государства в соответствии со ст. 6 Конвенции о правовой помощи⁶: процессуальные и иные действия, предусмотренные УПК РФ, в частности, составление, пересылка, вручение адресату документов, производство следственных действий. В результате уголовное дело было направлено в суд, который вернул его прокурору для устранения препятствий его рассмотрения, нарушений в оформлении процессуальных документов⁷.

⁶ Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена в г. Минск 22 января 1993 г.).

⁷ Постановление Светлогорского городского суда Калининградской области № 1-17/2025 от 19 февраля 2025 г. по делу № 1-17/2025. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ByE5wKZFJ6mp/> (дата обращения: 03.10.2025).

3. *Языковой барьер.* Для введения в уголовный процесс, а также для получения от такого гражданина показаний и перевода процессуальных документов следователю необходимо решить ряд вопросов организационного характера, связанных с привлечением переводчика, который позволяет обеспечить соблюдение основных требований уголовно-процессуального закона. В соответствии со ст. 18 УПК РФ язык уголовного судопроизводства отнесен к категории принципа, закрепляющего совокупность прав, обеспечивающих языковое равноправие участников уголовного процесса [8, с. 48], в том числе право на участие переводчика. Однако участие в следственном действии переводчика в ряде случаев затрудняет установление психологического контакта с подозреваемым (обвиняемым), а также применение иных тактических приемов.

4. *Психологический барьер, связанный с незнанием законодательства Российской Федерации, а также с иными обстоятельствами* [9, с. 84]. Специалисты в области психологии отмечают, что иностранные граждане и лица без гражданства сталкиваются с непригодностью привычных ценностных ориентиров, стереотипов бытового и делового поведения в новых условиях страны пребывания, что вызывает необходимость психологической переориентации и порождает страхи и неуверенность в себе при взаимодействии с различными службами и учреждениями [10, с. 184].

5. *Преступный опыт.* В юридической литературе отмечается, что среди мигрантов, совершающих преступления на территории Российской Федерации, высокий удельный вес занимают лица, которые ранее привлекались к уголовной ответственности на территории иностранного государства [11, с. 34; 12, с. 20]. Чаще других ранее судимые лица из числа мигрантов совершают групповые преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, хищениями, корыстно-насильственными преступлениями, подделкой документов, а также преступления экстремистской и террористической направленности и пр.

6. *Латентный характер преступлений.* Мигранты чаще, чем граждане Российской Федерации,

совершают преступления в отношении иностранных граждан, в частности, это характерно для корыстно-насильственных преступлений. Данная категория преступлений традиционно не относится к латентным, однако анализ судебной практики свидетельствует, что мигранты значительно реже, чем граждане Российской Федерации, сообщают в правоохранительные органы о совершенном преступлении, даже если им самим причинен имущественный или физический вред.

Наглядным является следующий пример: гражданин З. в целях обнаружения сбежавшей из дома сестры Л. с двумя соотечественниками путем взлома двери проникли в дом гражданина К., где напали на хозяина, его отца и Л., причинив телесные повреждения различной степени тяжести, похитили у них денежные средства, личные вещи и паспорта. После чего связали их и оставили в беспомощном состоянии. Пострадавшие были доставлены в больницу, но заявление с просьбой привлечь к уголовной ответственности нападавших написал только гражданин К. Все участвующие в преступлении лица были гражданами Республики Узбекистан. Примечательно, что на суде К., которому был причинен средней тяжести вред здоровью, в своих показаниях отмечает, что один из нападавших ножом несколько раз ткнул его несильно в левый бок. Это был кухонный нож длиной около 30 см. Все потерпевшие заявили, что нападавших прощают, претензий не имеют и просят строго их не наказывать⁸.

Таким образом, криминалистическое образование — неотъемлемая, динамично развивающаяся часть криминалистического обеспечения. Оно осуществляется в образовательных организациях и строго регламентируется нормативно-правовыми актами Российской Федерации. Особенности криминалистического образования как элемента криминалистического обеспечения расследования преступлений, совершенных мигрантами, определяются, главным образом, наличием специфики правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства, срочностью их пребывания на территории нашей страны, наличием языкового и психологического барьеров в общении следователя с такими лицами.

Список источников

1. Коломацкий В. Г. Система криминалистического обеспечения деятельности органов внутренних дел // Актуальные проблемы криминалистического обеспечения расследования преступлений. М., 1996.
2. Волынский А. Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений : учеб. пособие. М., 2016.

⁸ Приговор Волоколамского городского суда Московской области № 1-84/2017 от 22 августа 2017 г. по делу № 1-84/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/3LNoMGMcsd1j/> (дата обращения: 03.10.2025).

3. Тишутина И. В., Кононов П. А. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений, связанных с нарушением правил безопасности движения. М., 2025.
4. Елагина Е. В. Обеспечение «преемственности» приобретения и совершенствования криминалистических знаний: высшее образование — практическая деятельность — повышение квалификации // Криминалистъ. 2022. № 1(38).
5. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова. 4-е изд., доп. М., 2007.
6. Чиненов Е. В., Щукин В. И., Малыхина Е. А. Криминалистическое образование как элемент криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте // Право: история и современность. 2020. № 1.
7. Бастрыкин А. И., Александрова О. И. Расследование уголовных дел с участием иностранных граждан : монография. СПб., 2002.
8. Шаталов А. С. Принципы уголовного судопроизводства : учеб.-метод. пособие. М., 2016.
9. Макогон И. В. Особенности расследования преступлений, совершаемых иностранными гражданами : учеб. пособие. Волгоград, 2017.
10. Ситковская О. Д. Психологические проблемы борьбы с преступлениями против иностранных граждан. М., 1995.
11. Богомолова К. И. Преступность, связанная с иностранцами : монография. М., 2013.
12. Сизов А. А. Методика расследования преступлений, совершаемых иностранными гражданами : учеб.-метод. пособие. Курск, 2007.

УДК 340

doi: 10.24412/1999-625X-2026-1100-58-62

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Время как фактор правоприменения

Василий Васильевич Бабурин

Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии и профилактики преступлений¹, ✉ vvbaburin@mail.ru

Алексей Петрович Лыга

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства¹, ✉ lygaaleksei@rambler.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

Исследованы особенности проявления в правоприменении феномена «время» как условия, обеспечивающего функционирование механизма правового регулирования в правоприменительных процедурах. Рассмотрены теоретические положения о сущности, природе и особенностях проявления фактора времени в правоприменении. Определены характерные свойства времени, воздействующие на правоотношения. Аргументирован вывод о том, что формально определенное время является существенным условием, обеспечивающим решение задач и достижение целей правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: правовое время, правоприменение, правоприменительный акт, пределы правового регулирования, условие действия нормы права

Для цитирования: Бабурин В. В., Лыга А. П. Время как фактор правоприменения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2026. Т. 32, № 1(100). С. 58–62.

Time as the Factor of Law Enforcement

Vasily V. Baburin

Honoured Worker of Higher School of the Russian Federation, Doctor of Science (in Law), Professor, Professor at the chair of Criminology and Prevention of Crime¹, ✉ vvbaburin@mail.ru

Alexei P. Lyga

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor at the chair of State and Law Theory and History¹, ✉ lygaaleksei@rambler.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

The peculiarities of manifestation of “time” phenomenon as the condition which provides the functioning of the mechanism of legal regulation in law enforcement procedures are under study. The authors consider theoretical provisions on essence, nature and peculiarities of manifestation of time factor in law enforcement. The paper establishes properties of time influencing legal relations. The argued conclusion states that the formally established time is an essential condition ensuring solution of tasks and achievement of goals in law enforcement.

Keywords: legal time, law enforcement, law enforcement act, limits of legal regulation, condition for operation of the legal norm

Citation: Baburin V. V., Lyga A. P. Time as the Factor of Law Enforcement. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2026. Vol. 32, No 1(100). Pp. 58–62 (In Russ.).

Ни одна сфера жизнедеятельности не обходится без взаимодействия с реальностью времени. Все, что движется, изменяется, живет, действует и мыслит, все это в той или иной форме связано с ним [1, с. 5]. Поскольку практика реализации права отображает реальность и определяет перспективы общественного развития, вопрос о взаимосвязи права и времени для юриспруденции обладает существенным теоретическим и прикладным значением.

Теория права и отраслевые юридические науки сосредоточены на исследовании особенностей

механизма правового регулирования или порядка институционального действия законодательных предписаний. При этом, постулируя сформированность теории правоприменения, следует отметить, что реализация права в данной форме остается без должного внимания. В связи с чем исследование времени как фактора правоприменения представляется оправданным.

Прежде чем определить степень значимости фактора времени для указанной формы реализации права следует обратиться к этимологии слова «фак-

тор». Согласно толковым словарям «фактор» — это существенное условие (аспект, обстоятельство, требование), обеспечивающее развитие или движение какого-либо явления или процесса [2, с. 927; 3, с. 479; 4, с. 20, 279, 502, 526].

Исследовав содержание правоотношения как феномена юридической действительности, Г. Ф. Шершеневич пишет, что его начальной точкой выступает юридический факт, возникший в определенный момент времени, разграничивающий события прошлого и определяющий содержание будущего [5, с. 317]. По нашему мнению, указанная позиция содержит мысль о том, что время является фактором, неотделимым от бытия субъектов правоотношений с момента их возникновения до прекращения. Поэтому отметим, что события, формирующие юридический факт в прошлом, выступают основой правоотношений в настоящем, а также являются поводом для развития правоотношений в будущем, т. е. обеспечивают перспективное действие норм права [6, р. 41; 7, с. 242–243].

В отраслевом правовом регулировании законодатель, как правило, сосредоточен на нюансах, связанных с фактором времени. В зависимости от сферы правоприменения или от вида фактически разрешаемого вопроса время определяется по-разному, в частности, устанавливается его формально определенное значение: календарный срок, общий срок или срок, порядок течения или исчисления которого обуславливается особенностями правового регулирования.

Анализ отраслевого законодательства показывает, что фактор времени воздействует на множество позиций, позволяющих правоотношениям возникать и развиваться. Следовательно, одним из свойств времени в правоприменении является его датирование. Кроме того, наряду с юридическими фактами время является условием, которое при определенных обстоятельствах влечет прекращение правоотношений. По мнению Е. Ю. Догадайло, в подобных случаях речь идет о способе реализации механизма правового регулирования, состоящего в присвоении юридическому факту в календарной временной шкале нормативно исчисляемых темпоральных параметров, фиксирующих временной момент [8, с. 15].

Нормативное управление временем (законодательное закрепление его определенных параметров)

служит для удобства регулирования и упорядочения общественных отношений. Данный подход имеет отраслевое значение, сложившееся в результате доктринальных исследований и в связи с воздействием социальных факторов, влияющих на правообразование [9, с. 15–32]. Кроме того, перечисленные аспекты выступают средством дифференциации количественного проявления категории «время» в юридическом факте и правоотношениях, связанных с юридическим управлением временем.

Спецификой проявления фактора времени в правоприменении следует считать его юридическую ретроактивность. Особенности времени, отраженные в норме права, влияют на динамическую составляющую правоприменения в той части, в которой они нивелируют негативные последствия юридического факта, состоявшегося в прошлом, и являются условием, нормативно не позволяющим перспективно развиваться отраслевым правоотношениям [10, с. 97]. На это обращает внимание Конституционный Суд РФ и нижестоящие суды, отмечающие распространение новых норм на факты и порожденные ими правовые последствия, возникшие до введения соответствующих норм в действие только в специально предусмотренных законом случаях¹.

Условия отдельных нормативных предписаний позволяют заключить, что фактор времени в правоприменении обладает свойствами абсолютной и относительной определенности. Абсолютно (точно) законодатель подходит к его регламентации в случаях, когда в ходе деятельности властвующих субъектов решаются частные задачи, сопряженные с существенным ограничением прав и свобод участников правоотношений, а также когда устанавливаются конкретные сроки выполнения публичных обязательств (ст. 108 УПК РФ — срок содержания под стражей, ст. 163 Налогового кодекса РФ — налоговый период для определения налогооблагаемой базы по НДС и др.). Относительно определенные сроки связаны с обеспечением процедурных вопросов, касающихся достижения общих целей правоприменения (ст. 162 УПК РФ — срок предварительного следствия; ст. 36 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» — срок совершения исполнительных действий), и зависят от субъективных факторов, относимых к свойствам или характеристике деятельности властвующих субъектов.

¹ По делу о проверке конституционности пунктов 2–6 статьи 13 Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» в связи с жалобой граждан В. Л. Герасименко и Л. Н. Герасименко : постановление Конституционного Суда РФ от 22 апреля 2014 г. № 12-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2014. № 4 ; постановление Арбитражного суда Уральского округа от 11 сентября 2015 г. № Ф09-512/15 по делу А47-986/2014 ; определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 20 мая 2015 г. № 44-АПГ15-4. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Сказанное указывает на то, что в случаях, специально предусмотренных законом, время в правоприменении не всегда фиксируется и исчисляется в прямой взаимосвязи с течением физического времени.

Правоприменение как особая форма реализации права связано с формализованной деятельностью специально уполномоченных субъектов (производство по административному, гражданскому или уголовному делу). При отсутствии оснований для прерывания производства оно должно быть окончено или в установленный законом срок, или после выполнения всех необходимых процедур, осуществляемых в период течения всего процессуального срока. Такие сроки абсолютно или относительно нормативно определены. Это позволяет утверждать, что свойством времени в правоприменении следует считать его нормативно определенный характер.

На наш взгляд, наиболее объективно раскрыто соотношение категорий «время» и «правоприменение» в научном исследовании Т. Л. Тениловой, посвященном взаимодействию времени и права. Автор определила «правовое время» как особую функциональную категорию правоприменительной практики, выражающую возникновение, продолжительность и завершение как нормативных предписаний, так и правоотношений, а также последовательность смены их состояний и обязательность их соблюдения всеми субъектами права [11, с. 5]. К похожим выводам пришли М. Г. Мельников и И. В. Волк, связывающие правовое время с возможностью его изменения в пределах нормативно заданных параметров, отражающих непрерывный процесс юридической жизни [12, с. 19; 13, с. 7].

Обращение к отраслевому законодательству позволяет отметить, что категория «время» единообразно определяется только в контексте действия закона во времени. Некоторое сходство категориального аппарата проявляется также в таких понятиях, как «период», «начало», «окончание», «продолжительность (длительность)» и др., фиксирующих время в рамках правоприменительных процедур, в ходе которых сроки «устанавливаются», «исчисляются», «определяются», «приостанавливаются», «возобновляются», «восстанавливаются». Указанные категории обеспечивают «измеримость» процедуры реализации процессуальной формы с использованием метрик правового и физического времени. Однако правовое время имеет существенные отличительные особенности в части, касающейся его измерения и активности воли правопримени-

теля, влияющие на процесс его течения. При этом физическое, в отличие от правового времени, обладает еще и свойством непрерывности. Иначе говоря, в правовом времени присутствует как объективное, так и субъективное начало. Кроме того, внутриотраслевое содержание перечисленных категорий показывает, что оно «адаптировано» законодателем под потребности, задачи и цели отраслевого правового регулирования, по этой причине подходы к определению их количественной и сущностной составляющей, а также оснований для исчисления в разных отраслях правового регулирования часто не совпадают.

Порядок исчисления времени в правоприменении определяется пределами отраслевого правового регулирования, т. е. оно обладает свойством отраслевой дифференциации [14, с. 47–51]. Обозначенный подход проявляется в процессуальных порядках, обеспечивающих возмещение вреда, причиненного преступлением, и восстановление нарушенного права в гражданско-правовом порядке [15, с. 124–127; 16, с. 11–13; 17, с. 79–93], а также в порядке досудебного урегулирования споров², которые могут реализовываться одновременно, независимо друг от друга, в сроки, установленные отраслевым законодательством и специальными нормативными правовыми актами³.

В теоретико-прикладных трудах категории, касающиеся течения времени в правоприменительных процедурах, рассматриваются производными от родовой категории «срок». Однако это не означает наличие доктринального единообразного толкования существа исследуемого явления. Толковый словарь С. И. Ожегова определяет значение слова «срок» как определенный промежуток времени, момент наступления какого-либо события; событие, имеющее протяженность во времени; срочное время; срочное число [2, с. 389]. Вероятно, именно этимологией указанного слова руководствуются исследователи, определяющие значение категории «срок» в тождестве с событием (юридическим фактом), обосновывающие свои взгляды тем, что возникновение и истечение «срока» не зависят от желания сторон [18, с. 24; 19, с. 254; 20, с. 145]. Очевидно, что авторы стремятся подчеркнуть значимость юридического факта, определяемого основанием для действия времени в правоприменении. При этом они не учитывают властный и интеллектуально-волевой аспекты, без которых правоприменение невозможно.

² Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) : федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ.

³ О практике рассмотрения судами гражданского иска в уголовном процессе : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 23.

Аналогичны позиции И. И. Поляковой, связывающей содержание рассматриваемой категории с внешним выражением и юридическим закреплением нормативно временного периода, способного иметь любую продолжительность и объективно текущего независимо от сознания человека [21, с. 333–338]. Исследователь смещает акцент в направлении физического измерения времени. Кроме того, автор фактически обращается к содержанию диспозиции нормы права, для которой «время» не всегда выступает обязательным условием. Позиция автора представляется небесспорной и в силу того, что она не ограничивает продолжительность правоприменительной процедуры, а также не учитывает связь с сознанием и, следовательно, волей субъектов правоприменения.

Весьма неоднозначными видятся подходы мыслителей, рассматривающих нормативно установленные сроки в качестве особых юридических фактов, юридических событий, юридических действий или связующих звеньев между данными категориями [22, с. 15–19; 23, с. 251; 24, с. 27]. Считаем, что определение времени как самостоятельного юридического факта является некорректным. Время и юридический факт соотносятся как часть и целое. Время в данном случае является обстоятельством, характеризующим юридический факт, позволяющим рассмотреть вопрос о наличии оснований для правоприменения.

Под влиянием международной судебной практики⁴ и позиций Конституционного Суда РФ⁵ к особенностям проявления фактора времени в правоприменении необходимо причислить его нормативное отнесение к принципам правоприменения, а именно, сформулированному законодателем как разумный срок судопроизводства (ст. 6.1 Арбитражного процессуального кодекса РФ, ст. 6¹ УПК РФ, ст. 10 Кодекса административного судопроизводства РФ). Содержание рассматриваемой категории фактически сводится к тому, что она является правовой гарантией своевременности доступа к легальному восстановлению нарушенных прав и интересов в срок, объективно достаточный для установления всех обстоятельств юридического дела и принятия законного, обоснованного и мотивированного решения. Несмотря на значимость указанного аспекта, законодательство не содержит определения данного правового феномена и не позволяет определить конкретные условия действия нормы права. Сказанное позволяет сделать вывод о том, что характерными

свойствами времени в правоприменении следует считать ситуативное отсутствие его нормативного закрепления и зависимость от формально не определенного усмотрения властвующих субъектов.

Подводя итог, отметим, что в зависимости от характера правовых предписаний фактор времени в правоприменении участвует в реализации регулятивной (устанавливает конкретные пределы правомерного поведения во времени), охранительной (запрещает несоблюдение формально определенных сроков), ограничительной (устанавливает продолжительность правоприменительных процедур), компенсационной (является частью механизма восстановления права в определенный срок), гарантирующей (выступает гарантией, обеспечивающей действие механизма применения права) и других специально-юридических функций.

Свойствами «правового времени», проявляющимися в правоприменении, являются: 1) нормативный характер (законодательно устанавливается протяженность во времени правоприменительных процедур); 2) стимулирующий характер (способствует возникновению, развитию и прекращению правоприменительной деятельности); 3) аддитивный характер (зависит и управляется интеллектуально-волевым поведением властвующих субъектов); 4) свойство адаптогенности (во взаимосвязи с буквальным содержанием правовых норм терминологически адаптирует содержание категории «время» под задачи и цели отраслевого правоприменения); 5) абсолютная и относительная формальная определенность (обеспечивает своевременность и эффективность реализации правоприменительных процедур); 6) ретроактивность (в специально предусмотренных законом случаях обеспечивает применение норм права, актуальных в момент возникновения юридического факта); 7) отраслевая дифференциация (регулирует особенности отраслевых правоприменительных процедур); 8) упорядоченность и датированность (обеспечивает последовательную смену этапов правоприменения); 9) гарантирующий характер (обеспечивает доступ заинтересованных участников правоприменения к итоговым решениям).

Таким образом, фактор времени является существенным условием, формирующим юридические основания и определяющим порядок реализации правоприменительных процедур, устанавливающим пределы полномочий властвующих субъектов, а также обеспечивающим решение задач и достижение целей правоприменения.

⁴ Дело Бурдов против Российской Федерации : постановление Европейского суда по правам человека от 15 января 2009 г.

⁵ По жалобе гражданки В. на нарушение ее конституционных прав статьей 151 Гражданского кодекса РФ : определение Конституционного Суда РФ от 3 июля 2008 г. № 734-ОП.

Список источников

1. Гайденко П. П. Время. Длительность. Вечность: проблема времени в европейской философии и науке. М., 2006.
2. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Л. И. Скворцова. 27-е изд., испр., М., 2023.
3. Горкин А. П. Большой энциклопедический словарь. М., 1998.
4. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка : практический справочник : ок. 11 000 синоним. рядов. 6 изд., перераб. и доп. М., 1989.
5. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1910. Вып. 1.
6. Fuller L. L. The Morality of Law. New Haven, Connecticut: Yale University Press, 1964.
7. Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. М., 1982. Т. 2.
8. Догадайло Е. Ю. Время и право: теоретико-правовое исследование : автореф. ... д-ра юрид. наук. М., 2013.
9. Корнев А. В. Трансформация права во времени и пространстве // Правосудие / Justice. 2023. Т. 5, № 3.
10. Тилле Д. О. Время, пространство, закон. М., 1956.
11. Тенилова Т. Л. Время в праве : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999.
12. Мельников М. Г. Действие уголовного закона во времени и пространстве. Рязань, 1999.
13. Волк И. В. Право, время и пространство: теоретический аспект : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
14. Милинчук Д. С. Система права в условиях отраслевой дифференциации // Правовая парадигма. 2020. № 3.
15. Самойлова Ж. В. Возмещение имущественного вреда потерпевшим от преступлений в российском уголовном судопроизводстве // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 3(122).
16. Бадалян Г. Л. Преимущества рассмотрения гражданского иска в уголовном процессе // Уголовное судопроизводство. 2006. № 1.
17. Францифоров Ю. В., Лебедев М. Ю. Конфликт как следствие разногласий и меры по его разрешению в гражданском и уголовном процессе // Публичное и частное право. 2018. № 3(39).
18. Жгунова А. В. Сроки в гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1971.
19. Иванов Д. В. Административное право. М., 2019.
20. Весекина Э. М. Юридические сроки: теоретико-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
21. Полякова И. И. Процессуальные сроки в структуре процессуального производства: общетеоретический аспект // Юриспруденция как интегративный феномен современного российского общества и государства : мат-лы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 25-летию Юридического института НИУ «БелГУ». Белгород, 2018.
22. Петрухина Т. Г. Сроки в гражданском праве // Право и экономика. 2006. № 5.
23. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд., стереотип. М., 2020.
24. Комков С. А. Сроки в трудовом праве Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2004.

УДК 343.1:342.7

doi: 10.24412/1999-625X-2026-1100-63-68

5.1.4. Уголовно-правовые науки

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Развитие правового регулирования иных мер процессуального принуждения в контексте защиты конституционных прав личности

Борис Борисович Булатов

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса¹, ✉ bulatov_oma@mail.ru

Александр Сергеевич Дежнев

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса¹, ✉ omsk-das@mail.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

В статье анализируются ключевые направления развития законодательного регулирования иных мер процессуального принуждения, закрепленных в главе 14 УПК РФ. Рассматривается влияние решений Конституционного Суда РФ на оптимизацию отдельных положений, регламентирующих соответствующую сферу правоприменения. Дается оценка проблемам реализации некоторых форм принудительного воздействия на личность с учетом защиты ее конституционных прав. Предложены подходы к решению проблемы определения оснований применения иных мер процессуального принуждения. Исследуются имеющиеся в этой части научные теории и судебная практика.

Ключевые слова: иные меры процессуального принуждения, обязательство о явке, привод, временное отстранение от должности, наложение ареста на имущество, приостановление операций с денежными средствами, электронными денежными средствами, денежное взыскание

Для цитирования: Булатов Б. Б., Дежнев А. С. Развитие правового регулирования иных мер процессуального принуждения в контексте защиты конституционных прав личности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2026. Т. 32, № 1(100). С. 63–68.

Development of Legal Regulation of other Procedural Coercive Measures in the Context of Protection of Constitutional Rights of a Person

Boris B. Bulatov

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Science (in Law), Professor, Professor at the chair of Criminal Procedure¹,

✉ bulatov_oma@mail.ru

Alexandr S. Dezhnev

Doctor of Science (in Law), Professor, Professor at the chair of Criminal Procedure¹, ✉ omsk-das@mail.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

The article examines key areas of development of legal regulation of other procedural coercive measures consolidated in Chapter 14 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation. The authors consider the influence of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation on optimization of individual provisions regulating the corresponding sphere of law enforcement. The assessment of problems of implementation of some forms of coercive impact on a person with regard to protection of his constitutional rights is given. The approaches to solving the problem of defining the grounds for application of other procedural coercive measures are suggested. Under study are scientific theories and judicial practice in this sphere.

Keywords: other procedural coercive measures, obligation to appear, detention, suspension from office, imposing seizure of property, suspension of operations with money, electronic cash, monetary recovery

Citation: Bulatov B. B., Dezhnev A. S. Development of Legal Regulation of other Procedural Coercive Measures in the Context of Protection of Constitutional Rights of a Person. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2026. Vol. 32, No 1(100). Pp. 63–68 (In Russ.).

Понятие «иные меры процессуального принуждения» было введено в научный оборот после принятия УПК РСФСР 1960 г. Преимущественно к ним

относили не включенные в систему мер пресечения принудительные формы воздействия на личность. Какого-либо их исчерпывающего перечня сфор-

мулировано не было. Предусмотренные в главе 14 УПК РФ нормы представляют собой первую попытку обобщения мер процессуального принуждения, которые не отнесены законодателем к задержанию и мерам пресечения. Важно признать, что закрепленная в указанной главе система иных мер процессуального принуждения, как и название самой главы, является в определенной степени условным, поскольку в рамках указанной категории допускается учет многих способов воздействия на участников уголовного процесса.

Примененный более двадцати лет назад подход со временем потребовал некоторой оптимизации. В главу 14 УПК РФ неоднократно вносились изменения. Некоторые из них имели косметический, редакционный характер, не затрагивая общей сути, заложенной разработчиками УПК РФ. Например, в 2017 г. ч. 3 ст. 118 УПК РФ была дополнена положением о том, что к протоколу о нарушении, который направляется в районный суд, прилагается информация, необходимая в соответствии с правилами заполнения расчетных документов на перечисление суммы денежного взыскания, предусмотренного законодательством РФ о национальной платежной системе¹. В 2018 г. был введен новый участник уголовного судопроизводства — лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве. Оно отнесено к числу лиц, которые могут быть подвергнуты приводу². В 2021 г. вместо судебных приставов появились сотрудники органов принудительного исполнения Российской Федерации³. В 2022 г. и 2024 г. были внесены редакционные изменения соответственно в чч. 3⁴ и 6⁵ ст. 115 УПК РФ.

Значительное влияние на развитие системы иных мер процессуального принуждения оказали

федеральные законы от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ⁶ и от 29 июня 2015 г. № 190-ФЗ⁷. Их принятие повлекло существенные изменения полномочий прокурора по применению мер процессуального принуждения, введена ст. 115¹ УПК РФ, появилась новая редакция ст. 115 УПК РФ. Необходимость этих изменений была обусловлена возросшими требованиями к реализации конституционных прав участников уголовного процесса, особенно остро стоял вопрос защиты имущественных интересов граждан.

С 1 сентября 2025 г. вступил в силу Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 278-ФЗ, которым внесены изменения в ч. 1 ст. 111 УПК РФ и введена новая статья 115² УПК РФ. Впервые в главе 14 УПК РФ появилась мера процессуального принуждения «приостановление операций с денежными средствами, электронными денежными средствами, денежными средствами, внесенными в качестве аванса за услуги связи»⁸. Она напрямую направлена на защиту граждан от криминальных угроз в условиях развития телекоммуникационных технологий. Данная мера принуждения может применяться в досудебном производстве по уголовному делу. Для этого необходимы достаточные основания полагать, что банковские счета (депозиты, вклады), электронные денежные средства, денежные средства, внесенные в качестве аванса за услуги связи, были использованы при совершении преступления путем проведения операций по зачислению денежных средств, увеличению остатка электронных денежных средств или денежных средств, внесенных в качестве аванса за услуги связи.

В соответствии со ст. 115² УПК РФ следовательно с согласия руководителя следственного органа или дознавателя с согласия прокурора вправе вынести постановление о приостановлении операций с денежными средствами, электронными денежными

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам, связанным с зачислением денежных взысканий (штрафов) в соответствующие бюджеты бюджетной системы Российской Федерации : федеральный закон от 31 декабря 2017 г. № 500-ФЗ. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 30 октября 2018 г. № 376-ФЗ.

³ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» : федеральный закон от 24 марта 2021 г. № 49-ФЗ.

⁴ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 609-ФЗ.

⁵ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 14 февраля 2024 г. № 11-ФЗ.

⁶ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» : федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ.

⁷ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 190-ФЗ.

⁸ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 278-ФЗ.

средствами и с денежными средствами, внесенными в качестве аванса за услуги связи.

Новая иная мера принуждения не предполагает изъятия и передачи на хранение указанных видов денежных средств. Ее целью является решение вопроса о последующем, в срок не более 10 суток, решении вопроса о наложении на них ареста.

Руководителю следственного органа, следователю, начальнику органа дознания, дознавателю предоставлено право направлять операторам по переводу денежных средств, операторам электронных денежных средств, операторам подвижной радиотелефонной связи запросы в целях реализации полномочий по приостановлению соответствующих операций. Запросы должны исполняться в срок не позднее трех рабочих дней с момента их поступления или в указанные в запросах сроки.

Отдельные аспекты правового регулирования развиваются благодаря активной позиции Конституционного Суда РФ. Большое значение в контексте исследуемых отношений имеют несколько его решений⁹. Их принятие вызвало необходимость корректировки нормативного регулирования наложения ареста на имущество. К сожалению, законодатель не всегда своевременно реагирует на выявленные органом конституционного контроля пробелы. Еще не разработан правовой механизм, направленный на защиту имущественных интересов лиц, не являющихся обвиняемым или лицом, несущим по закону материальную ответственность за его действия, при сохранении ареста на имущество после вступления приговора в законную силу в целях обеспечения гражданского иска¹⁰.

Перечисленные обстоятельства определенным образом подогревают интерес ученых к рассматриваемой сфере правового регулирования [1]. По мере развития законодательства и судебной практики свой вклад в это направление научного поиска внесли такие ученые, как С. И. Вершинина [2, с. 284–299, 314–347], К. В. Муравьев [3, с. 80–85, 110–120], И. Б. Тутынин [4, с. 159–192, 261–275]. Решение ряда проблем предложено и в других работах [5–8].

Исследования показывают, что иные меры процессуального принуждения обладают особенностями, существенно отличающими их от задержания и мер пресечения. Большая их часть применяется не только к подозреваемым и обвиняемым, но и к иным участникам уголовного судопроизводства. Кроме того, иные меры предусматривают различные основания применения: обязательство о явке, временное отстранение от должности, наложение ареста на имущество, приостановление операций с денежными средствами, электронными денежными средствами, денежными средствами, внесенными в качестве аванса за услуги связи, являются превентивными мерами процессуального принуждения. Привод относится к мерам защиты, а наложение денежного взыскания — к видам уголовно-процессуальной ответственности. Сочетание указанных черт отражает разносторонний путь развития соответствующих отношений.

Несмотря на это, система иных мер процессуального принуждения достаточно стабильна, хотя по ее трансформации выдвигается немало различных, порой прямо противоположных предложений [9, с. 10–11]. Некоторые авторы считают, что обязательство о явке должно быть исключено из существующей системы, поскольку данная мера не несет в себе принуждения [10, с. 10–11; 11, с. 9]. Высказана и спорная, по нашему мнению, точка зрения, согласно которой данная мера принуждения, обладая самым небольшим объемом принудительного воздействия на личность, может быть закреплена «в качестве обязательного правила в отношении любого участника уголовного судопроизводства, указанного в ч. 2 ст. 111 УПК РФ» [12, с. 266–267].

В научных трудах можно встретить и другие предложения о необходимости внесения изменений в перечень иных мер процессуального принуждения. Речь идет о включении в главу 14 УПК РФ помещения в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, или медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, для производства судебной экспертизы (это по-

⁹ По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами ЗАО «Недвижимость-М», ООО «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л. И. Костаревой : постановление Конституционного Суда РФ от 31 января 2011 г. № 1-П ; по делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами ООО «Аврора малозэтажное строительство» и граждан В. А. Шевченко и М. П. Эйслена : постановление Конституционного Суда РФ от 21 октября 2014 г. № 25-П ; по делу о проверке конституционности частей шестой и седьмой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой ЗАО «Глория» : постановление Конституционного Суда РФ от 10 декабря 2014 г. № 31-П.

¹⁰ По делу о проверке конституционности части первой статьи 73, части первой статьи 299 и статьи 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И. В. Янмаевой : постановление Конституционного Суда РФ от 17 апреля 2019 г. № 18-П.

зволит оптимизировать положения ст. ст. 203 и 435 УПК РФ). Обосновывается целесообразность регламентации применения физического принуждения при производстве следственных действий, а также иных процессуальных действий [13, с. 4; 14, с. 8, 14].

С предложением об оптимизации ст. ст. 203 и 435 УПК РФ, предполагающей их внесение в перечень иных мер процессуального принуждения, вряд ли можно согласиться. Во-первых, если рассматривать суть помещения подозреваемого или обвиняемого в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, или медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, для производства судебной экспертизы, то фактически данное ограничение ближе к мере пресечения «заключение под стражу» (ст. 108 УПК РФ). Процесс перевода в соответствующий стационар происходит по судебному решению (ч. 2 ст. 203 УПК РФ). Что же касается сути принуждения, то вполне очевидно, что его содержание (в отличие от процессуальной формы) имеет собственно медицинскую природу и регламентируется ведомственными актами. Поэтому, учитывая специфику субъекта правоприменительного воздействия, данная мера полностью вписывается в главу 51 УПК РФ «Производство о применении принудительных мер медицинского характера».

Имеются предпосылки для рассмотрения изъятия предметов, документов, имущества, подлежащих признанию вещественными доказательствами, как иной меры процессуального принуждения. Действующее правовое регулирование обеспечивает принудительное воздействие по преодолению нежелания участников уголовного судопроизводства выполнять требования о передаче предметов, документов, имущества, подлежащих признанию в качестве вещественных доказательств. Изъятие носит уголовно-процессуальный характер, предусмотрено в УПК РФ и находит применение в процессе производства расследования по уголовному делу. Решение об изъятии отражается в уголовно-процессуальных актах [15, с. 11–16].

К числу актуальных направлений совершенствования положений главы 14 УПК РФ относится законодательная конструкция ст. 111 УПК РФ «Основания применения иных мер процессуального принуждения». Ее анализ позволяет выявить некоторые противоречия. Несмотря на характерное название, акцент в указанной статье сделан исключительно на целях применения соответствующих мер, в то время как ожидаемые основания их реализации в тексте отсутствуют, формируя определенный законодательный пробел. Обусловлено это, по всей видимости, сложностью разработки универсального основания

применения иных мер принуждения ввиду неоднородности положений, входящих в главу 14 УПК РФ. Определение для них единого критерия систематизации является важной проблемой.

Если наименование ст. 111 УПК РФ привести в соответствие с фактическим нормативным содержанием, то ее необходимо назвать следующим образом: «Цели и виды иных мер процессуального принуждения». При этом формулировки оснований применения указанных мер фактически содержатся в других статьях главы 14 УПК РФ, посвященных порядку их применения. Они сформулированы посредством использования таких оценочных категорий, как «при необходимости», «в случае неявки по вызову без уважительных причин», «конкретные, фактические обстоятельства», «достаточные основания полагать», «в случае неисполнения участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей, а также нарушения ими порядка в судебном заседании». Такого рода законодательный подход способствует широкому использованию усмотрения должностных лиц, принимающих соответствующее процессуальное решение.

В рамках данной проблемы Т. Б. Гараевой было проведено самостоятельное исследование. Она справедливо замечает, что отсутствие в ст. 111 УПК РФ указания на основания применения иных мер процессуального принуждения представляется правомерным по следующим причинам. Во-первых, в главе 14 УПК РФ определены самые разные меры принуждения по видам обеспечения государственного принуждения (меры ответственности, меры защиты, превентивные принудительные меры), способам обеспечения последнего (физическое, психическое, психологическое, имущественное, иное воздействие). Во-вторых, цели их применения характеризуются самым широким спектром уголовно-процессуальной деятельности — от обеспеченности установленного УПК РФ порядка уголовного судопроизводства до надлежащего исполнения приговора. В-третьих, они могут применяться к разным участникам уголовного процесса, в том числе не подвергаемым уголовному преследованию. Указанные обстоятельства способствуют, по ее мнению, решению вопроса об основаниях применения иных мер процессуального принуждения не в обобщенном виде, а применительно к каждой мере [16, с. 162].

Помимо сказанного, к числу актуальных направлений развития законодательного регулирования положений главы 14 УПК РФ следует отнести вопросы, касающиеся совершенствования правового положения лиц, не указанных в разделе 2 УПК РФ, но к которым могут быть применены иные меры процессуального принуждения. В частности, речь идет о «других лицах» (ч. 3 ст. 115 УПК РФ);

«любых лицах, незаконно подвергнутых мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу» (ч. 3 ст. 133 УПК РФ); «иных лицах, присутствующих в зале судебного разбирательства» (ч. 3 ст. 257 УПК РФ); «лицах, присутствующих в зале судебного заседания» (ч. 1 ст. 258 УПК РФ), и др.

Т. Б. Гараева справедливо ставит проблему, связанную с одновременным учетом субъектов, к которым применяются иные меры процессуального принуждения, в общих положениях (ст. 111 УПК РФ) и специальных статьях закона (ст. ст. 112, 113, 114, 115 УПК РФ). Возникающие на этой основе противоречия формируют спорную практику. Она предлагает подход, в рамках которого закрепление соответствующих субъектов должно осуществляться не в общих (ст. 111 УПК РФ), а в специальных нормах закона (ст. ст. 112, 113, 114, 115, 117 УПК РФ). Реализация данной идеи позволит не только избежать путаницы при определении субъектов, в отношении которых применяются иные меры процессуального принуждения, но и оптимизировать оценку обоснованности принятия соответствующего решения [16, с. 30]. Это определенно приведет к сокращению случаев необоснованного ограничения конституционных прав личности при применении мер процессуального принуждения.

В контексте исследуемой проблематики отмечается недостаточная научная разработанность вопросов, связанных с исполнением приговора. Так, при

решении вопроса о замене наказания в случае злостного уклонения от его отбывания может быть применена такая мера принуждения, как привод (ст. 399 УПК РФ). Кроме того, исполнение приговора в части гражданского иска может быть сопряжено с реализацией такой меры, как наложение ареста на имущество, сохранение которого не всегда возможно (ч. 2 ст. 309 УПК РФ).

Настоящее исследование не претендует на исчерпывающий анализ всего спектра проблем, возникающих при реализации положений главы 14 УПК РФ. Перспективными направлениями для дальнейшей научной разработки представляются вопросы, касающиеся допустимости применения физического принуждения должностным лицом, осуществляющим расследование как в рамках производства следственных действий, так и при выполнении иных процессуальных действий. Самостоятельного анализа требует система субъектов, к которым могут применяться иные меры процессуального принуждения. Требуют научного осмысления вопросы разграничения таких понятий, как «избрание», «применение» и «исполнение» иных мер уголовно-процессуального принуждения. Данное направление научного поиска в той или иной степени ориентировано на сферу защиты конституционных прав личности, которые при применении мер процессуального принуждения могут подвергаться существенным ограничениям.

Список источников

1. Булатов Б. Б., Николюк В. В. Меры уголовно-процессуального принуждения (по главе 14 УПК России). М., 2003.
2. Вершинина С. И. Нормативно-правовая сущность уголовно-процессуального принуждения : монография. М., 2017.
3. Муравьев К. В. Меры уголовно-процессуального принуждения — особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация : монография. Омск, 2017.
4. Тutyнин И. Б. Теоретические основы уголовно-процессуального принуждения имущественного характера : монография. М., 2017.
5. Манджиева Е. В. Иные меры процессуального принуждения в системе средств принудительного характера в уголовном судопроизводстве России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.
6. Соколова М. В. Деятельность следователя по наложению ареста на имущество : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.
7. Гапонова В. Н. Применение временного отстранения от должности в уголовном судопроизводстве: теоретический и организационно-правовой аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2016.
8. Гараева Т. Б., Дежнев А. С. Основания применения иных мер уголовно-процессуального принуждения : монография. М., 2023.
9. Булатов Б. Б. Двадцать лет институту иных мер процессуального принуждения // Совершенствование уголовно-процессуальных и криминалистических мер противодействия преступности : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. / пред. редкол. М. М. Горшков. Омск, 2022.
10. Грідюшко П. В. Теория и практика применения иных мер уголовно-процессуального принуждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2004.
11. Задерако К. В. Иные меры процессуального принуждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д, 2005.

12. *Логунов О. В., Травников А. В., Кутуев Э. К., Латыпов В. С.* Меры уголовно-процессуального принуждения на досудебных стадиях: вопросы теории и нормативного регулирования : монография. М., 2019.
13. *Воробей С. Н.* Меры уголовно-процессуального принуждения: сущность, назначение, критерии обоснованности применения в стадии предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
14. *Михайлова О. Е.* Иные меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2009.
15. *Булатов Б. Б., Павлов А. В., Сидорова И. В.* Изъятие предметов, документов, имущества, подлежащих признанию вещественными доказательствами, как мера процессуального принуждения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 1(96).
16. *Гараева Т. Б.* Основания применения иных мер уголовно-процессуального принуждения : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2022.

УДК 340.1

doi: 10.24412/1999-625X-2026-1100-69-73

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Правовая природа поручения Президента Российской Федерации

Александр Андреевич Кусакин

аспирант кафедры теории и истории государства и права¹,

✉ mr.kusakin@mail.ru

¹ Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия)

В статье рассматривается вопрос о правовой природе поручения Президента Российской Федерации как формы взаимодействия главы государства с должностными лицами и иными участниками значимых социальных, политических и правовых процессов России. В настоящее время правовая природа поручения главы государства в России зависит от ряда факторов, представляя собой сложное, многоаспектное правовое явление. В отечественной правовой системе поручение Президента Российской Федерации является уникальным юридическим феноменом, требующим в силу масштабности его применения всестороннего теоретического осмысления и описания.

Ключевые слова: Президент РФ, поручение Президента РФ, глава государства, правовая природа, скрытые полномочия, Конституция РФ, правовой акт, акты Президента РФ

Для цитирования: Кусакин А. А. Правовая природа поручения Президента Российской Федерации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2026. Т. 32, № 1(100). С. 69–73.

The Legal Nature of the Order of the President of the Russian Federation

Alexandr A. Kusakin

post-graduate student of the chair of State and Law Theory and History¹,

✉ mr.kusakin@mail.ru

¹ Lobachevsky Nizhny Novgorod State University (Nizhny Novgorod, Russia)

The paper focuses on the issue of the legal nature of the assignment of the President of the Russian Federation as a form of communication of the head of the state with public officials and other participants of significant social, political and legal processes in Russia. Currently the legal nature of the assignment of the head of the state in Russia depends on a number of factors and constitutes a complex, multifaceted legal phenomenon. In the national legal system the assignment of the President of the Russian Federation is a unique legal phenomenon that requires comprehensive theoretical analysis and description due to its extensive application.

Keywords: the President of the Russian Federation, order of the President of the Russian Federation, head of the state, legal nature, latent powers, the Constitution of the Russian Federation, legal act, acts of the President of the Russian Federation

Citation: Kusakin A. A. The Legal Nature of the Order of the President of the Russian Federation. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2026. Vol. 32, No 1(100). Pp. 69–73 (In Russ.).

Феномен поручений Президента Российской Федерации (далее — поручение, поручение Президента РФ) рассматривается в отечественной юридической науке достаточно давно, фактически с момента его появления в системе российского права. Однако до настоящего времени правовая доктрина не выработала однозначной позиции о том, что представляют собой поручения, поскольку в законодательстве или в интерпретационных актах до сих пор нет надлежащего закрепления и осмысления того, чем по своей природе являются поручения. Вместе с тем нельзя не отметить развитие правового регулирования указанного явления. Поручение получило конституционное закрепление в рамках поправок в Конституцию Россий-

ской Федерации 2020 г., и глава государства регулярно издает широкий спектр поручений по различным вопросам, в отношении лиц, занимающих государственные должности, а также руководителей крупнейших коммерческих и некоммерческих организаций.

Актуальность данной темы представляется в достаточной степени высокой из-за совокупности следующих факторов.

1. Огромное количество поручений Президента РФ. Так, за 2024 г., по данным официального сайта Президента России, главой государства издано более 1200 поручений по самым разным вопросам. При этом стоит учитывать, что за тот же период Президентом РФ издано определенное количество поруче-

ний, не подлежащих публикации, что, несомненно, на порядок увеличивает их число.

2. Востребованность поручения как формы взаимодействия Президента РФ с представителями государственной власти и гражданского общества.

3. Отсутствие конкретизации правовой природы поручения, что не позволяет имплементировать его в российскую правовую систему с максимальной эффективностью: так, в настоящее время не в полной мере определена возможность использования поручения в юрисдикционных процессах в качестве объекта обжалования, средства доказывания, нового или вновь открывшегося обстоятельства, в качестве юридических гарантий тех или иных правовых процедур, в качестве основания для вынесения правоприменительного решения и объекта конституционного судебного контроля, а также в иных качествах, так или иначе связанных с реализацией права.

В настоящее время существуют разнонаправленные позиции относительно юридической природы поручения. Стоит выделить позицию о нормативности поручений Президента РФ. Отдельные авторы разделяют ее, обозначая характер поручений Президента РФ как подзаконный, сходный по своей природе с характером указов и распоряжений главы государства [1, с. 37–38]. При этом особенностью поручений называются их оперативность, сходность с указаниями как формой правотворчества, подзаконный характер и нахождение в системе подзаконных нормативных правовых актов главы государства.

В противовес этой позиции некоторые авторы отмечают целесообразность отнесения поручения к категории индивидуальных правовых актов, указывают на признаки, характеризующие поручение в качестве такового: адресность, срочный характер (поручение, как правило, предлагается к исполнению до определенного срока), однократность действия и односторонне обязывающий властный характер, предполагающий конкретность требований и субъекта-исполнителя в качестве адресата поручения [2, с. 152–153; 3, с. 4; 4, с. 17]. Указанная позиция в настоящее время является преобладающей у исследователей, занимающихся осмыслением этого феномена.

Некоторые авторы предлагают комплексный подход. По их мнению, характер поручения зависит от формы, в которой поручение было издано. В случае если поручение было издано в рамках нормативного указа или распоряжения, оно является нормативным правовым актом, а если вне его — распорядительным документом. При этом такие поручения называются не правовыми актами, а «основанной на праве формой властного волеизъявления главы государства», что, по сути, не отрицает его правоприменительного характера, касающегося в частности распоряди-

тельных действий главы государства в отношении подконтрольных ему должностных лиц (например, Председателя или членов Правительства РФ) [5, с. 157–158]. Указанная позиция представляется заслуживающей внимания, так как затрагивает достаточно противоречивый подход к изданию поручений в рамках традиционных актов главы государства и отдельно как своеобразный акт-документ без нормативного основания.

Стоит также отметить позицию, согласно которой поручение является способом «неформального», прямо не предусмотренного законом руководства и взаимодействия с рядом должностных лиц и представителей различных организаций. Это заключается в особой природе поручения как акта, соответствующего харизматическому стилю управления [6, с. 131], когда глава государства в отсутствие прямо предписанных законодательством способов воздействия на общественные отношения разрешает ряд вопросов и противоречий напрямую, без дополнительного создания источника права. Такая позиция также представляется интересной и требующей дополнительного осмысления.

Вызывает интерес точка зрения, согласно которой поручению отказывается в имплементации в правовую систему России. Придерживающиеся данного положения авторы указывают на неизвестность поручения отечественному праву: по их мнению, следует просто принять факт существования поручения как правового феномена и не стоит пытаться теоретически его осмыслить [7, с. 139]. На наш взгляд, данная позиция имеет право на существование, но все же не может быть рассматриваема в силу своей непродуктивности и отсутствия попытки дать оценку такому правовому явлению, как поручение Президента РФ.

Все описанные выше авторские подходы к правовой природе поручения, безусловно, заслуживают внимания и системного осмысления, поскольку, на наш взгляд, они не в полной мере отражают сущность поручения Президента РФ в рамках нынешней политико-правовой парадигмы и состояния юридической доктрины. Поручение выступает гораздо более многоаспектным явлением, чем может показаться на первый взгляд, так как оно охватывает не только правовой, но и политический аспект деятельности главы государства, нуждающийся в осмыслении.

При этом просматривается интерес правовой науки к традиционным для национальной правовой системы России актам Президента РФ. Ясность правовой природы указа либо распоряжения Президента РФ обусловлена его изначальным конституционно-правовым закреплением не только в Конституции РФ, но и в ряде законов, регулирующих наиваж-

нейшие сферы построения государственной власти. Указы и распоряжения, например, имеют понятную систему возникновения, изменения и прекращения их действия, они подлежат судебному либо конституционному судебному контролю, они могут использоваться как основание для вынесения правоприменительных решений, чего нельзя сказать о поручениях, чья роль в механизме правового регулирования ясна не в полной мере, но их значимость несколько не ниже, чем у иных президентских актов.

Анализируя особенности правовой природы поручения Президента РФ, стоит отметить специфику формы закрепления поручений. Так, текстуально поручения могут располагаться в указах, распоряжениях Президента РФ как часть их нормативной и правореализационной информации, а также в посланиях, обращениях, заявлениях Президента РФ, чей правовой статус и статус содержащейся в них информации также являются предметом дискуссий. В связи с этим актуализируется вопрос о зависимости юридической силы и правового статуса поручения от места их формального закрепления, что, по сути, предопределяет их правовую природу, исходя из формы издания поручений.

Так, еще при формировании института поручений указывалось на существование поручений в указах, распоряжениях, а также прямых поручений [8, с. 3; 9, с. 3], которые утверждаются без легализации их в иных актах Президента РФ. При этом возможность прямого утверждения иных актов, обладающих общегосударственным значением, без опосредования их конституционно дозволенными указами и распоряжениями, у Президента РФ имеется (например, Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан¹). Такое оформление в виде прямого утверждения документа характерно для служебной и делопроизводственной документации, которая может иметь распорядительное значение для конкретных политико-правовых процессов.

Представляется значимой правовая позиция Конституционного Суда РФ (далее — КС РФ), заключающаяся в том, что глава государства не имеет права издавать никаких иных нормативных правовых актов, кроме тех, что прямо предписаны действующей Конституцией (указы и распоряжения)².

В настоящее время ч. 1 ст. 90 Конституции РФ закрепляет возможность издания Президентом РФ также указов и распоряжений, при этом ч. 1 ст. 113 и ч. 1 ст. 115 Конституции РФ устанавливают воз-

можность издания Президентом РФ поручений наравне с указами и распоряжениями. Исходя из этого в 1997 г. начальник Управления организации контроля и информации Главного контрольного управления Президента РФ Л. Савин в комментарии к Указу Президента РФ, посвященному мерам по совершенствованию организации контроля и проверки исполнения поручений Президента, высказал мнение о том, что поручение Президента РФ не является нормативным правовым актом [10, с. 6].

С другой стороны, поручение Президента РФ сложно однозначно признать актом правоприменения в силу следующих причин. Во-первых, любой акт правоприменения должен основываться на предшествующем юридическом процессе, предполагающем выявление необходимости вынесения правоприменительного акта, наличие применяемых норм, а также соответствующей юридической процедуры возбуждения и рассмотрения юридического дела. Во-вторых, любой правоприменительный акт независимо от его материально- и процессуально-правовой природы должен содержать в себе основания для его вынесения: даже без указания на соответствующие нормы в самом правовом акте они должны существовать в праве.

Что касается круга материальных норм, которые применяются в данной ситуации, стоит также обратить внимание на правовую позицию КС РФ относительно полномочий главы государства: по сути, Президент РФ, чей правовой статус регулируется исключительно Конституцией РФ, имеет право осуществлять правовое регулирование в отношении даже тех сфер общественной жизни, которые прямо не отнесены к полномочиям главы государства (постановление КС РФ от 31 июля 1995 г. № 10-П). Важно отметить, что здесь должны быть соблюдены следующие принципы: невмешательство в сферу компетенции иных ветвей власти, что обеспечивает реализацию принципа разделения властей, временный характер указов и распоряжений, если данные общественные отношения должны быть урегулированы федеральным законом, поскольку сам факт отнесения какой-либо сферы общественных отношений к компетенции РФ означает возможность урегулирования их актами главы государства. При этом должен быть соблюден принцип непротиворечивости президентских актов Конституции РФ и федеральному законодательству в целом (постановление КС РФ от 27 января 1999 г. № 2-П).

Соответственно, фактически к компетенции Президента РФ относится любая сфера обществен-

¹ Утверждены Президентом РФ 28 апреля 2011 г. № Пр-1168. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Постановление Конституционного Суда РФ от 2 апреля 1993 г. № 6-П.

ных отношений, находящаяся в ведении РФ либо совместном ведении РФ и субъектов РФ и не урегулированная федеральным законом, что делает компетенцию главы государства сходной некоторым образом с компетенцией федерального законодателя. С точки зрения процедуры издания поручений ситуация становится еще более сложной: Конституция РФ дает возможность Президенту РФ издавать поручения только в отношении Правительства РФ и Председателя Правительства РФ.

При этом само по себе издание Президентом РФ актов правоприменительного характера возможно: глава государства может издавать как в чистом виде правоприменительные акты, так и акты смешанного характера, содержащие как нормативные, так и правоприменительные элементы. Однако их издание опять же ограничено указанными правовыми позициями КС РФ как по форме, так и по содержанию.

Таким образом, если признать поручение исключительно правоприменительным актом, то его издание Президентом РФ, исходя из совокупности приведенных правовых позиций, возможно исключительно в отношении Правительства РФ и Председателя Правительства РФ, и все иные поручения являются противоречащими Конституции РФ. Однако глава государства издает поручения в отношении не только Правительства РФ и Председателя Правительства РФ, но и иных государственных органов и членов общественных и коммерческих организаций. Таким образом, поручение Президента РФ не относится исключительно к актам применения права.

Исходя из проведенного анализа, правовая природа поручений в их нынешнем выражении, рассматриваемая через призму государственно-властной деятельности главы государства и сложившейся практики их издания, не зависит от формы того акта, которым поручение было закреплено. Нельзя однозначно утверждать, что расположение поручения в нормативном правовом акте главы государства автоматически делает его нормой права. Иное означало бы, что в правовой системе России содержатся два дифференцированных вида поручений Президента РФ: поручения нормативного характера вследствие их закрепления в нормативных правовых актах и прямые поручения, которые нормативностью ни по форме, ни по содержанию не обладают.

Подобная ситуация создаст дополнительные противоречия в сфере деятельности Президента РФ, поскольку в таком случае поручения, содержащиеся в указах и распоряжениях главы государства, будут иметь свойства, имманентные для нормативных актов, а прямые поручения — нет, что создаст фактически неравные условия для реализации поручений

их адресатами. Указы и распоряжения Президента РФ можно оспорить на соответствие федеральному закону или Конституции РФ, их можно использовать в суде как основу для вынесения решений, их срок действия, изменение и отмена будут выглядеть иначе, чем у прямых поручений, что не позволит эффективно применять данный инструмент в деятельности Президента РФ и адекватно оценивать поручение как целостное и не вступающее в существенные противоречия с правовой системой России в целом.

На наш взгляд, стоит обратить внимание на позицию тех авторов, которые относят поручение Президента РФ к «неформальному» инструменту управления. Данный подход влечет формирование ощущения поручения как феномена пограничного, маргинального, не соответствующего отечественной правовой системе, базирующейся на принципах правового государства.

Действующая Конституция РФ закрепляет статус главы государства в качестве лица, одновременно однозначно не принадлежащего к какой-либо ветви власти, но вместе с тем имеющего средства коммуникации с каждой из ветвей власти. Не стоит также забывать о постановлении КС РФ от 31 июля 1995 г. № 10-П, которое в доктрине трактуется распространительно: полномочия главы государства могут подразумеваться и фактически ограничены лишь общими конституционными границами устройства публичной власти, приоритетом прав и свобод человека и принципом разделении властей [11; 12].

Соответственно, на основании указанного правового положения у Президента РФ могут возникать фактически любые полномочия, не нарушающие конституционный принцип разделения властей, а также приоритет федеральных законов над актами главы государства. Если указанные рамки деятельности Президента РФ соблюдаются, то глава государства уполномочен избирать для своей деятельности любые технико-юридические инструменты для реализации возложенных на него задач и функций, в том числе издание поручений.

Поручения Президента РФ, с нашей точки зрения, выступают в качестве исторически сложившегося инструмента управления, родственного устному указанию или приказу от вышестоящего руководителя его подчиненным. Важно отметить, что Президент РФ в данном контексте выступает не как прямой руководитель субъектов поручения, а как лицо, которое в силу своего конституционного статуса обладает сверхмасштабным политическим и управленческим значением. Президент РФ через поручение реализует подразумеваемые Конституцией РФ в силу его статуса полномочия, а также воплощает в жизнь поставленные перед ним цели и задачи.

Таким образом, поручение Президента РФ представляет собой сложное правовое явление, обладающее комплексным характером. В зависимости от обстоятельств, поручение главы государства может рассматриваться как акт правоприменения, как акт, содержащий распоряжение в отношении разнообразных субъектов-адресатов поручения, однако оно не является в чистом виде ни одним из имеющихся в правовой системе России разновидностей правовых актов, что повышает актуальность его дальнейшего изучения и осмысления.

Список источников

1. Зорькин В. Е. Ежегодные послания Федеральному Собранию Российской Федерации — как акт Президента Российской Федерации // Юридическая мысль. 2011. № 2(64).
2. Артамонов А. Н. Поручение президента как правовой акт // Вестник Брянского государственного университета. 2020. № 3(45).
3. Безруков А. В., Крысанов А. В. Конституирование поручений Президента Российской Федерации и первый опыт их оформления в сфере миграции // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 5.
4. Ваньков А. В. Правотворчество Президента США в сопоставлении с отдельными аспектами правотворчества Президента Российской Федерации // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 6(61).
5. Гришкова А. А. К вопросу о поручении Президента Российской Федерации (теория и практика) // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 3.
6. Дробот С. Е. Поручения Президента РФ: конституционно-правовой аспект // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. всерос. науч.-практ. конф. Томск, 2019.
7. Старцев Я. Ю. Поручения Президента РФ: анализ инструмента дискреционной власти // Revue d'Etudes Comparatives Est-Ouest. 2000. Т. 31, № 2.
8. Конкретность и действенность. О работе Главного управления Президента РФ в 1996 г. // Президентский контроль : информационный бюллетень. 1997. № 2.
9. Отчет о работе Главного контрольного управления Президента РФ в первом полугодии 1997 г. // Президентский контроль : информационный бюллетень. 1997. № 1.
10. Савин Л. Сильной власти без дисциплины не бывает : комментарий к Указу Президента РФ от 6 ноября 1996 г. № 1536 «О мерах по совершенствованию организации контроля и проверки исполнения поручений Президента Российской Федерации» // Президентский контроль : информационный бюллетень. 1997. № 1.
11. Леонченко Н. Т. Феномен «Живой Конституции» и статус главы государства // Российский юридический журнал. 2019. № 3.
12. Тиханов Н. А. Механизм принятия антисанкционных указов Президента РФ: необходимость в чрезвычайных условиях? // Законодательство. 2024. № 8.

УДК 343.1

doi: 10.24412/1999-625X-2026-1100-74-80

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Значение присяги при отправлении правосудия в Российской Федерации

Егор Юрьевич Усольцев

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права¹,

✉ usoltsev_egor@bk.ru

¹ Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК) (Новосибирск, Россия)

Отечественными процессуалистами не уделяется должного внимания институту присяги, в то время как современный дискурс ориентирован на усиление традиционных ценностей во всех сферах российского общества, а присяга является мощным транслятором духовно-нравственных ценностей в механизме правового регулирования. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что данная тема актуальна и обладает широким потенциалом с точки зрения научной новизны. Объектом настоящего исследования выступает присяга участников судебного процесса. Согласно существующему в России правопорядку к присяге приводятся судьи, арбитражные и присяжные заседатели. Вместе с тем для свидетелей, специалистов и экспертов присяга предусмотрена лишь в спорах, разрешаемых Конституционным Судом РФ. Однако автор приходит к выводу о необходимости распространения присяги для данных лиц на все виды судопроизводства, что благотворно скажется на достоверности сообщаемых ими сведений об обстоятельствах рассматриваемого дела. Кроме того, в статье сформулировано определение процессуальной присяги и предложен вариант ее содержания на случай внесения соответствующих изменений в законодательство.

Ключевые слова: присяга, отправление правосудия, судья, свидетель, судебный процесс, дисциплинарный проступок, судебная ошибка, досрочное прекращение полномочий судьи, духовно-нравственные ценности, совесть

Для цитирования: Усольцев Е. Ю. Значение присяги при отправлении правосудия в Российской Федерации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2026. Т. 32, № 1(100). С. 74–80.

The Meaning of the Oath in the Administration of Justice in the Russian Federation

Egor Yu. Usoltsev

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor at the chair of Civil Law¹,

✉ usoltsev_egor@bk.ru

¹ Siberian University of Consumer Cooperation (Novosibirsk, Russia)

Specialists in criminal procedure in the country do not pay due attention to the institution of the oath, while modern discourse is focused on strengthening traditional values in all spheres of Russian society, and the oath is a powerful translator of spiritual and moral values in the mechanism of legal regulation. Therefore, we can confidently say that this topic is relevant and has a wide potential from the point of view of scientific novelty. The object of this study is the oath of the participants of the trial. According to the existing law and order in Russia, judges, arbitrators and jurors are sworn in. At the same time, for witnesses, specialists and experts, the oath is provided only in disputes resolved by the Constitutional Court of the Russian Federation. However, the author concludes that it is necessary to extend the oath for these persons in all types of legal proceedings, which will have a beneficial effect on the reliability of the information they provide about the circumstances of the investigated case. In addition, the article formulates the definition of the procedural oath and proposes a version of its content in case of appropriate amendments to the legislation.

Keywords: oath, administration of justice, judge, witness, trial, disciplinary offence, miscarriage of justice, early termination of the powers of the judge, spiritual and moral values, conscience

---

Citation: Usoltsev E. Yu. The Meaning of the Oath in the Administration of Justice in the Russian Federation. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2026. Vol. 32, No 1(100). Pp. 74–80 (In Russ.).

Современное законодательство Российской Федерации связывает приведение к присяге в основном с занятием гражданами различных государственных должностей и наделением их ввиду этого социально значимыми полномочиями, от реализации которых зависит эффективность функционирования публичной власти. Так, согласно ч. 1 ст. 92 Конституции РФ Президент Российской Федерации приступает к исполнению полномочий с момента принесения им присяги и прекращает их исполнение с истечением срока его пребывания в должности с момента принесения присяги вновь избранным Президентом Российской Федерации. К присяге также приводятся судьи, прокуроры¹, сотрудники органов внутренних дел², нотариусы³ и т. д. При этом отсутствие присяги препятствует осуществлению данными лицами своей профессиональной деятельности. В этом смысле приведение к присяге является юридическим фактом, без наступления которого невозможна реализация принадлежащих должностному лицу полномочий.

Применительно к сфере отправления правосудия интерес в первую очередь вызывает присяга судьи, содержание которой раскрывается в п. 1 ст. 8 Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (далее — Закон о статусе судей): *«Торжественно клянусь честно и добросовестно исполнять свои обязанности, осуществлять правосудие, подчиняясь только закону, быть беспристрастным и справедливым, как велят мне долг судьи и моя совесть»*.

М. И. Клеандров, сопоставив текст современной присяги судьи с присягами времен РСФСР и царской России, приходит к выводу, что исторический путь института присяги в нашей стране «демонстрирует длящуюся тенденцию упрощения текста присяги судьи, сужение его информационной насыщенности, сведение содержания текста <...> к констатации свершившегося факта — принесшее присягу судьи лицо становится с этого момента судьей при фактически полном отсутствии в тексте присяги судьи какого-либо упоминания о последствиях нарушения судьей присяги либо неточного (неполного и прочее) ее соблюдения» [1, с. 62]. По мнению ученого, такая тенденция превратила судебскую присягу в пустую формальность, поэтому необходимо законодательно закрепить ответственность судьи за нарушение присяги. Поскольку со-

держание присяги изобилует оценочными понятиями («беспристрастность», «справедливость», «долг судьи», «совесть судьи»), правонарушение судьи, совершенное в результате несоблюдения данной им присяги, «должно в максимально возможной мере стать определенным, а это зависит от конкретики содержания обязанностей судьи, провозглашенных в приносимой им присяге» [1, с. 65]. Такое предложение, несмотря на кажущуюся логичность в его обосновании, все же не может не вызывать критики. Так, И. И. Кирющенко, заочно дискутируя по данному вопросу, указывает: «...выделение отдельного основания для прекращения полномочий судьи ввиду нарушения им присяги повлечет дополнительные трудности в отнесении конкретных случаев нарушения положений Закона о статусе судей и обязанностей судьи к дисциплинарной или конституционной ответственности» [2, с. 124]. И с таким суждением приходится согласиться.

Согласно подп. 13 п. 1 ст. 14 Закона о статусе судей одним из оснований прекращения полномочий судьи является совершение им дисциплинарного проступка, за который решением квалификационной коллегии судей на судью наложено дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи. В пункте 1 ст. 12.1 этого же закона дисциплинарный проступок судьи определен как виновное действие или бездействие при исполнении служебных обязанностей либо во внеслужбное время, в результате которого были нарушены положения Закона о статусе судей и (или) Кодекса судейской этики, утверждаемого Всероссийским съездом судей, что повлекло умаление авторитета судебной власти и причинение ущерба репутации судьи, в том числе вследствие грубого нарушения прав участников процесса. За совершение дисциплинарного проступка, помимо досрочного прекращения полномочий, являющегося самой строгой мерой юридической ответственности, к судье могут быть применены такие негативные меры воздействия, как замечание, предупреждение и понижение в квалификационном классе. При этом дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи может налагаться лишь в исключительных случаях и при наличии одновременно следующих условий (п. 5 ст. 12.1 Закона о статусе судей):

а) дисциплинарный проступок судьи имеет характер существенного, виновного, несовместимо-

¹ О прокуратуре Российской Федерации : федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (ст. 40.4). Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

² О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (ст. 28).

³ Основы законодательства Российской Федерации о нотариате. Утв. Верховным Судом РФ 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (ст. 14).

го с высоким званием судьи нарушения положений материального права и (или) процессуального законодательства, Закона о статусе судей и (или) Кодекса судейской этики;

б) жалобы или обращения участника (участников) процесса о нарушении его (их) прав незаконными действиями судьи;

в) судья ранее подвергался дисциплинарному взысканию;

г) допущенные судьей нарушения носят систематический и (или) грубый характер, повлекли искажение принципов судопроизводства, свидетельствуют о невозможности продолжения осуществления судьей своих полномочий, установлены вступившим в законную силу судебным актом вышестоящей судебной инстанции или судебным актом, принятым по заявлению об ускорении рассмотрения дела либо о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок.

Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 20 июля 2011 г. № 19-П указал, что взаимосвязанные положения пп. 1 и 2 ст. 3, п. 1 ст. 8, п. 1 ст. 12.1 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», ст. ст. 19, 21 и 22 Федерального закона от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования не предполагают привлечения судьи к дисциплинарной ответственности в виде досрочного прекращения полномочий судьи за сам факт принятия незаконного и необоснованного судебного акта, если оно обусловлено судебной ошибкой, явившейся следствием в том числе неверной оценки доказательств по делу либо неправильного применения нормы права, и если допущенные судьей нарушения закона не носят систематического характера, не обусловлены намеренным отступлением от общепризнанных морально-этических норм и не дискредитируют судебную власть.

Не являются дисциплинарными проступками действия судьи, хотя и обладающие признаками судебной ошибки, но совершенные в рамках судейского усмотрения и направленные на поиск правовых решений, отвечавших задачам правосудия. Такие судебные ошибки совершаются неумышленно и носят ординарный характер: не дискредитируют априори лиц, их допустивших, которые возникают в рамках судейского усмотрения в ходе разрешения конкретного дела при оценке доказательств, толковании и применении правовых норм и подлежат исправлению вышестоящими судебными инстан-

циями. И они не могут расцениваться как проявление недобросовестного отношения судьи к своим профессиональным обязанностям и служить основанием для применения к нему дисциплинарного взыскания⁴. Другими словами, отмена судебного акта вышестоящим судом не является достаточным основанием для привлечения судьи к дисциплинарной ответственности. Кроме того, не будут являться дисциплинарными проступками единичные случаи нарушения требований процессуального закона или внутренних ведомственных инструкций: вручение копии судебного решения с нарушением установленного законом срока; несвоевременная передача рассмотренного дела в отдел судебного делопроизводства; установление срока устранения недостатков оставленного без движения искового заявления, не соответствующего требованию разумности; необоснованный отказ в удовлетворении ходатайства о снижении размера государственной пошлины с последующим возвращением в связи с этим искового заявления и пр.⁵

Как видно из вышеприведенных законоположений и дисциплинарной практики Верховного Суда РФ, непрофессиональное исполнение судьей своих обязанностей не всегда приводит к обнаружению в его действиях признаков состава дисциплинарного проступка. Кроме того, совершение судьей дисциплинарного проступка также не всегда влечет досрочное прекращение его полномочий, поскольку установление одного лишь факта совершения дисциплинарного проступка недостаточно для применения к судье самой строгой меры дисциплинарной ответственности, каковой является досрочное прекращение его полномочий. Для этого требуется наличие всей совокупности условий, перечисленных в п. 5 ст. 12.1 Закона о статусе судей.

Таким образом, появление в законе нарушения присяги в качестве самостоятельного основания прекращения полномочий судьи приведет к снижению правовых гарантий его независимости и неприкосновенности, поскольку нарушением присяги в том виде, в каком она сформулирована в действующем законодательстве, можно будет признать любое недобросовестное исполнение судьей возложенных на него обязанностей, без учета ограничений, предусмотренных п. 5 ст. 12.1 Закона о статусе судей. Если же согласиться с предложением М. И. Клеандрова по включению в текст судейской присяги обязанностей, неисполнение которых должно привести к прекращению полномочий судьи, то возникнут как минимум два проблемных вопроса. Во-первых, не произойдет ли в таком случае дублирование (правда,

⁴ Решение Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ от 14 мая 2019 г. по делу № ДК19-17.

⁵ Решение Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ от 9 ноября 2015 г. № ДК15-62.

в усеченном виде) основания прекращения полномочий судьи, предусмотренного подп. 13 п. 1 ст. 14 Закона о статусе судей, т. е. в связи с совершением судьей дисциплинарного проступка? Во-вторых, насколько обоснованно с точки зрения юридической техники перечисление в тексте присяги обязанностей, которые судье надлежит исполнять в целях реализации основной судебной функции — отправления правосудия; не приведет ли это к усилению правовой неопределенности в практике привлечения судей к дисциплинарной ответственности? При наличии таких неразрешенных спорных моментов, указывающих на отсутствие прочной теоретической основы, реализация идеи расширения содержания судебской присяги с формулированием последствий ее нарушения нецелесообразна и невозможна.

Среди других участников судебного процесса присягу также приносят арбитражные присяжные и присяжные заседатели по уголовным делам. Текст присяги арбитражного заседателя приведен в п. 3 ст. 2 Федерального закона от 30 мая 2001 г. № 70-ФЗ «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации»: *«Торжественно клянусь честно и добросовестно исполнять свои обязанности, осуществлять правосудие, подчиняться только закону, быть беспристрастным и справедливым, как велят мне гражданский долг и совесть»*. Более содержательна присяга присяжного заседателя в судах общей юрисдикции: *«Приступая к исполнению ответственных обязанностей присяжного заседателя, торжественно клянусь исполнять их честно и беспристрастно, принимать во внимание все рассмотренные в суде доказательства как уличающие подсудимого, так и оправдывающие его, разрешать уголовное дело по своему внутреннему убеждению и совести, не оправдывая виновного и не осуждая невиновного, как подобает свободному гражданину и справедливому человеку»* (ч. 1 ст. 332 Уголовно-процессуального кодекса РФ). Наличие в данных текстах присяг однокоренных слов понятий «честность», «добросовестность», «совесть», «справедливость» позволяет заключить, что присяга выступает проявлением духовно-нравственных оснований в правовом регулировании процессуальной деятельности.

Во многих странах к присяге приводятся свидетели и другие допрашиваемые в судебном заседании лица. Так, согласно ст. 153 УПК Исламской Республики Иран лица, которым могут быть известны какие-либо сведения о расследуемом событии, непосредственно перед своим допросом самостоятельно произносят: *«Я клянусь Всемогущим Богом, что*

показания, которые я дам, будут правдой, и я буду говорить всю правду и ничего, кроме правды». Законодательство Грузии и ФРГ предусматривает дачу свидетелем в суде клятвы как религиозного, так и нерелигиозного (светского) характера. При этом текст клятвы зачитывает судья: *«Поклянитесь, что Вы с полным осознанием ответственности будете говорить правду, только правду и ничего, кроме правды»* или *«Поклянитесь перед Всемогущим и Всеведущим Богом, что Вы с полным осознанием ответственности будете говорить правду, только правду и ничего, кроме правды»*. Свидетель же в ответ произносит: *«Клянусь»* или *«Клянусь. Да хранит меня Господь»* (ст. 48 УПК Грузии, ст. ст. 59–61, 64–65, 67 УПК ФРГ) [3, с. 67].

В нашей стране вследствие широкой секуляризации граждане, допрашиваемые судом, не приносят клятву перед Богом давать правдивые показания. Единственный случай приведения свидетеля к присяге предусмотрен ст. 64 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», в силу которой свидетели по делам, рассматриваемым Конституционным Судом РФ, перед своим допросом произносят: *«Я, (фамилия, имя, отчество), обязуюсь дать Конституционному Суду Российской Федерации только правдивые и полные показания об известных мне лично сведениях и материалах, касающихся рассматриваемого дела»*⁶. Как видно из содержания присяги, в ней отсутствуют слова, имеющие морально-нравственную направленность. Кроме того, количество дел, рассматриваемых в порядке конституционного судопроизводства, и их оторванность от самых обыденных рутинных правовых конфликтов, возникающих в обществе, не позволяют утверждать о полноценном существовании в отечественном правопорядке института присяги свидетелей.

Вместе с тем так было не всегда. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. предписывал свидетелям давать клятву перед их допросом в судебном заседании, которые вместе с этим предупреждались и об ответственности за дачу ложных показаний, что характерно и для современного уголовного процесса. Православные граждане приводились к присяге священником, который читал клятвенное обещание следующего содержания: *«Обещаюсь и клянусь всемогущим Богом пред святым его Евангелием и Животворящим крестом, что, не увлекаясь ни дружбой, ни родством, ниже ожиданием выгод или иными какими-либо видами, я по совести покажу в сем деле сущую о всем правду и не утаю ничего мне из-*

⁶ Регламент Конституционного Суда РФ (принят Решением Конституционного Суда РФ от 1 марта 1995 г. № 2-1/6) (§45).

вестного, памятуя, что я во всем этом должен буду дать ответ пред законом и пред Богом на страшном суде его. В удостоверение же сей моей клятвы целую слова и крест Спасителя моего. Аминь». При этом каждый присягающий, прикладываясь к кресту и Евангелию, произносил вслух: «Клянусь» (ст. 713). Неправославные свидетели приводились к присяге согласно с догматами и обрядами их веры духовным лицом их вероисповедания. Когда в месте заседания суда не оказывалось духовного лица того иноверного исповедания, к которому принадлежит свидетель, то он приводился к присяге председателем суда (ст. ст. 714–715)⁷.

В случаях, когда свидетель перед допросом не подлежал приведению к присяге⁸, вместо присяги он давал обещание показать всю правду по чистой совести (ст. 712)⁹. Такой пример довольно наглядно проиллюстрирован Ф. М. Достоевским в романе «Братья Карамазовы» при описании допроса в суде Ивана Карамазина: «Председатель начал было с того, что он — свидетель без присяги, что он может показывать или умолчать, но что, конечно, все показанное должно быть по совести...» [4, с. 457].

В условиях единства религиозной и светской жизни, когда церковь и государство самым тесным образом переплетались, дополняли и усиливали друг друга, присутствие широкого духовного элемента в праве Российской империи не выглядело чем-то необыкновенным. Поэтому уголовно-процессуальный закон обязывал свидетеля клясться Богом, что его показания, данные суду, будут правдивыми. Следовательно, свидетели, сообщавшие в судебном заседании недостоверные сведения, одновременно отвечали и перед законом, и перед Богом. И даже в тех случаях, когда свидетель освобождался от присяги, он обещал давать показания по чистой совести, что также неразрывно связано с морально-этической стороной человеческой личности.

Из содержания присяг, сформулированных в законодательстве России, как в действующем, так и дореволюционного периода, видно, что важную, если не главную, роль в них играет категория совести, представляющая собой сложный духовно-психологический феномен, смысл которого можно раскрыть лишь в условиях интеграции многих отраслей научного знания: философии, социологии, культурологии, филологии, педагогики, теологии, психологии и др.

К понятию совести обращались самые выдающиеся представители науки и литературы. Но принято считать, что первым в этом ряду стоит великий немецкий философ И. Кант, душу которого никогда не переставали удивлять две вещи — «звездное небо над нами и моральный закон в нас» [5, с. 191]. Й. Швердлинг, рассуждая о совести, писал: «Этот внутренний глосс нашего сердца всякий раз разрешает для нас одну и ту же проблему, — как поступить правильно. Этот голос и называется совестью» [6, с. 136]. Русский философ И. А. Ильин, называя совесть «молнией, сверкающей из мрака» [7, с. 123], раскрывал ее значение следующим образом: «...совесть есть сама жизнь и дух, и любовь, и искренность: сила страшная, и чистая, и Божественная... есть то светящееся лоно, из которого исходят, пронизывая всю жизнь, лучи качественности, ответственности, свободы, справедливости, предметности, честности и взаимного доверия» [7, с. 100, 103]. Совесть нужна человеку «не только в великие, поворотные моменты его жизни, но и в ежедневных делах и в обыденных отношениях; и то, что совсем не тронута ее лучом, оказывается не только недоброкачественным в смысле духовной ценности, но и жизненно не прочным, не крепким, в высшей степени подверженным распаду и в личной, и в общественной жизни» [7, с. 101–102].

Основная функция совести — побуждать человека творить добро и избегать зла [8, с. 339]. В связи с этим совесть «определяет актуальные жизненные смыслы, побуждает к определенным поступкам, контролирует их нравственный характер, наказывает или награждает нравственными переживаниями при совершении выбора и его последствий, совершает «нравственный мониторинг» жизненного пути личности как в ретроспективном плане, так и в прогнозе будущего» [8, с. 339]. Человека без совести называют «нелюдем», бесчеловечным. Но возникает вопрос: существует ли человек без совести? Например, тот же И. А. Ильин считал, что «...совесть присуща человеку, так сказать, „от природы“... вряд ли есть на свете человек, который не носил бы в душе своей ее голоса, пусть в самом первобытном, скрытом виде, так, как если бы совесть изредка стучалась у его двери или тишайшим голосом взывала к нему из глубины, или вдруг озаряла своим лучом его настроения и злодейства» [7, с. 99]. Если соглашаться с приведенным тезисом и признавать, что людей совершенно бессовестных не бывает, тогда необходимо выделять

⁷ Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть первая — Устав уголовного судопроизводства. СПб., 1867. С. 294–295.

⁸ От присяги освобождались священнослужители и монашествующие всех христианских исповеданий, а также лица, принадлежащие к исповеданиям и вероучениям, не приемлющим присяги. (Там же. С. 294.)

⁹ Там же.

две разновидности совести: чистую (непогрешимую) и противоположную ей — спящую (падшую, ослепленную) [9, с. 16, 19].

С одной стороны, вкрапление в ткань позитивного права такого многосмыслового понятия, как совесть, конечно же, не прибавит общественной жизни правовой определенности. Но, с другой стороны, человек с «работающей совестью», давший клятву сообщать суду обо всем ему известном по совести, скорее всего, не станет лжесвидетельствовать в силу своих внутренних нравственных установок. Но как быть, если допрашиваемое судом лицо бессовестно (или его совесть спит, если отрицать существование человека без совести)?! При том что физически определить, имеется ли у него совесть или какого она рода, невозможно. Надо полагать, что в нынешних условиях, когда церковь де-факто и де-юре отстранена от решения задач по воспитанию и образованию граждан и может воздействовать в этом смысле только на ограниченное их число — тех, кто регулярно посещает литургии и проповеди, присяга свидетеля должна содержать как отсылку на совесть, так и на возможность применения к нему мер юридической ответственности в случае дачи ложных показаний

Несмотря на кажущийся на первый взгляд анахронизм института присяги, его возрождение в уголовном и гражданском судопроизводстве способно благотворно повлиять на качество сообщаемых свидетелями и другими допрашиваемыми судом лицами сведений по делу, поскольку присяга способна оказывать значительное воздействие на человеческую психику [1, с. 64; 10]. При этом содержание такой присяги может выглядеть следующим образом: *«Я, (фамилия, имя, отчество), осознавая всю полноту ответственности, обязуюсь по совести правдиво сообщать суду все известное мне об обстоятельствах, имеющих значение для рассматриваемого дела»*. При-

веденный вариант текста присяги имеет универсальный характер, поскольку может применяться к свидетелям, специалистам и экспертам при их допросе по любой категории судебных дел. В то же время перед приведением к присяге допрашиваемому лицу надлежит разъяснить права и обязанности, предусмотренные соответствующим процессуальным законом, а также предупредить его об ответственности (уголовной или административной) за дачу ложных показаний. Иначе говоря, присяга должна произноситься после разъяснения судом всех необходимых законоположений и перед началом непосредственного допроса. Только в этом случае она сможет достичь максимального эффекта. При этом значение присяги для судопроизводства, ее влияние на правдивость даваемых свидетелем (специалистом, экспертом) показаний будут возрастать по мере распространения в обществе морально-этических ценностей.

В единственном диссертационном исследовании, посвященном присяге как общеправовому явлению, данная категория определена как «юридический факт, представляющий собой принятие официальной клятвы (торжественного обещания) соблюдать и исполнять права и обязанности в соответствии с принимаемой должностью, определяющий момент изменения специального правового статуса субъектов и осуществляемый в особом ритуальном порядке на основе специализированных символических действий» [11, с. 6]. Однако данной трактовкой совершенно не охватываются случаи приведения к присяге допрашиваемых участников судебного разбирательства. Такие случаи могут быть обобщены в одном понятии — «процессуальной присяге», представляющей собой *принятие лицом, допрашиваемым в судебном процессе, обязательства сообщать суду достоверные и полные сведения об обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела*.

Список источников

1. Клеандров М. И. Институт присяги российского судьи: дефектность формулы и конституционная ответственность за нарушение // Журнал российского права. 2020. № 2.
2. Кирющенко И. И. Оптимизация оснований приостановления и прекращения полномочий судей // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2024. № 2.
3. Семеновский А. И. Институт дачи клятвы (приведения к присяге) как мера стимулирования правдивых показаний // Уголовная юстиция. 2022. № 20.
4. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы : роман. М., 2002.
5. Кант И. Критика практического разума / пер. с нем. Н. М. Соколова. СПб., 1897.
6. Карлявин И. Ю. Методологическое значение категорий *fides* (совесть) и *bona fides* (добрая совесть) в римском частном праве // Lex Russica (Русский закон). 2015. Т. 98, № 1.
7. Ильин И. Россия. Путь к возрождению. М., 2017.
8. Ван Х., Манеров В. Х., Фрай А. Е. Совесть: история познания, состояние в современной России, представления студентов // Психология человека в образовании. 2020. Т. 2, № 4.

9. Манеров В. Х. Тема 1. Совесть: природа явления, виды совести (3 ч.) // Избранные лекции в магистратуре по проблемам духовно-нравственного воспитания : науч.-метод. пособие / под ред. А. Г. Козловой, Л. А. Немчиковой, А. С. Роботовой. СПб., 2017.

10. Багрецов Д. Н. Присяга воинская и гражданская как идеологическая константа в эпоху активных социально-политических изменений // Молодежь и наука. 2022. № 9.

11. Русакова Н. Г. Присяга как общеправовой феномен : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008.

УДК 340.12

doi: 10.24412/1999-625X-2026-1100-81-86

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Принцип талиона: историко-правовые и философские аспекты

Валерий Русланович Филонов

аспирант кафедры логики, философии и методологии науки¹,

✉ filvals@yandex.ru

¹ Орловский государственный университет имени Тургенева (Орел, Россия)

Статья посвящена комплексному анализу принципа талиона как универсальной и исторически устойчивой категории справедливости. Рассматриваются два ключевых измерения справедливости — ретрибутивное (воздаяние за нарушение норм) и дистрибутивное (распределение благ и обязанностей). Несмотря на архаичное происхождение, связанное с практиками кровной мести и древними правовыми кодексами, идея талиона адаптируется к современным политико-правовым реалиям и продолжает действовать как базовые положения функционирования многих нормативных актов. Философско-правовой анализ талиона раскрывает его проблематику в трудах классиков политической мысли, его трансформацию в различных правовых традициях и влияние на формирование концепций общественного договора и естественного права. Принцип эквивалентности, лежащий в основе талиона, эволюционировал от практики ограничения мести до универсальной правовой категории, обеспечивающей баланс и соразмерность в системе наказаний и возмещения ущерба. Такая перспектива позволяет рассматривать талион не только как историческое явление, но и как важный элемент философско-правового дискурса, продолжающий оказывать влияние на современные представления о справедливости и праве.

Ключевые слова: принцип талиона, возмездие, справедливость, эквивалентность, естественное право, ретрибутивизм, кризис

Для цитирования: Филонов В. Р. Принцип талиона: историко-правовые и философские аспекты // Научный вестник Омской академии МВД России. 2026. Т. 32, № 1(100). С. 81–86.

The Talion Law: Historical Legal and Philosophical Aspects

Valery R. Filonov

post-graduate student at the chair of Logics, Philosophy and Methodology of Science¹,

✉ filvals@yandex.ru

¹ Orel State University named after I.S. Turgenev (Orel, Russia)

The article contains a complex analysis of talion law as a universal and historically stable category of justice. Under consideration are two key dimensions of justice — retributive (retribution for violation of norms) and distributive (distribution of benefits and duties). Although it has an archaic origin related to blood feud practices and ancient legal codes, the idea of talion is adapted to the modern political legal realities and continues to serve as the basic provisions for functioning of many normative acts. The philosophical and legal analysis of the talion reveals its problems in the works of the classics of political thought, its transformation in various legal traditions and its influence on the formation of the concepts of social contract and natural law. The principle of equivalence underlying the talion has evolved from the practice of restricting revenge to a universal legal category ensuring balance and proportionality in the system of punishment and reparation. This perspective allows us to consider the talion not only as a historical phenomenon, but also as an important element of philosophical and legal discourse, which continues to influence modern ideas about justice and law.

Keywords: talion law, retribution, justice, equivalence, natural law, retributivism, crisis

Citation: Filonov V. R. The Talion Law: Historical Legal and Philosophical Aspects. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2026. Vol. 32, No 1(100). Pp. 81–86 (In Russ.).

Принцип талиона — один из древнейших регуляторов общественных отношений, остается предметом острых обсуждений в правовом, философском и культурном дискурсах. Его суть, выраженная

в архаичных формулах типа «око за око», исторически трансформировалась: если в древнеримском праве талион закреплялся как нормативный акт, то в современном мире он существует скорее в виде

философской концепции, влияющей на формирование правовых институтов. Эта двойственность порождает полярные оценки: одни видят в ней основу справедливости, другие — архаичный пережиток, чуждый гуманистическим ценностям. Однако именно эта противоречивость подтверждает его методологическую значимость для анализа фундаментальных категорий права, таких как справедливость, эквивалентность и природа социального регулирования. Современная юридическая наука в этой парадигме ограничивается классификацией, описанием и систематизацией законодательных норм, а также разрешением коллизий. Сущность права в позитивистском понимании сводится к принудительной норме — ценностные категории, такие как справедливость, считаются косвенными для практического регулирования социальных отношений. По сути, правопорядок может быть справедливым, но это не является его обязательным свойством. В ответ на это юридический натурализм настаивает: право должно быть основано на универсальных принципах, а не отождествляться с волей законодателя. Таким образом, изучение справедливости в контексте талиона представляет собой важную часть данной работы, поскольку он тесно связан с естественным правом, ценностными ориентирами и социальными регуляторами в их самых ранних проявлениях.

Историко-правовая трансформация реализации идеи талиона

Термин «талион» часто ассоциируется с понятиями «месть», «возмездие» или «расплата». В английском языке для обозначения этих идей часто используются такие слова, как «revenge» (месть), «payback» (расплата), «redemption» (искупление) или «retribution» (возмещение). Это разнообразие терминов подчеркивает его важность в истории человечества, а также роль в праве и культуре. Г. В. Мальцев отмечает, что первобытная кровная месть была неуправляемым и стихийным насилием. Она основывалась на идее взаимного возмездия между родовыми группами. Это был нескончаемый и неуправляемый процесс, в котором акты возмездия повторялись многократно, размывая грань между правым и виноватым. Именно в этой архаичной практике берет начало принцип талиона: его истоки заключаются в стремлении упорядочить месть и придать ей измеримую, «эквивалентную» форму [1, с. 130]. Появление идеи «соразмерности» и «адекватности» наказания в обществах Древнего мира стало поворотным моментом — кровная месть перестала быть лишь актом тотальной вражды и получила нормативные очертания. Талион выступил как ограничитель насилия: вместо бесконечной цепи убийств устанавливалось правило равного воздаяния — «жизнь за

жизнь», «глаз за глаз», «зуб за зуб». Таким образом, зарождение принципа талиона можно рассматривать как первый шаг к формализации возмездия и переходу от хаотической практики межродовой вражды к правовой регуляции социальных отношений.

В юридической теории талион рассматривается как правовой принцип, который представляет собой философско-этическую категорию. Термин «талион» имеет свои истоки в римском праве, в «Законах XII таблиц», где он начал формироваться в качестве правовой нормы [2, с. 307]. Важно понимать, что речь идет не о «законе» талиона, а о его «принципе» и правовой идее. Талион считается механизмом, который помогает достичь справедливости. Однако практические формы его реализации часто подвергаются критике за свою архаичность. Применение этого принципа на практике может привести к негативным социальным последствиям, так как наказание, назначенное по принципу талиона, может не соответствовать тяжести преступления. Это делает необходимым его пересмотр на протяжении истории. Например, использование талиона в Древнем Риме, где применялись такие методы, как «око за око», отсечение рук и заливание расплавленного металла в рот, в литературе часто называют «материальным талионом» [3, с. 63–72]. Это означает, что наказание должно быть равноценным причиненному злу. Превентивная эффективность кровной мести базировалась на принципе коллективной ответственности: индивидуум рассматривался не как отдельная единица, а как часть родовой группы, где ущерб одному члену воспринимался как посягательство на всю общину. В условиях отсутствия государственных институтов этот обычай выполнял функции публично-го регулятора, детерминируя социальное поведение через систему предсказуемых санкций. Ключевой особенностью института была его самовоспроизводящаяся природа: любое лишение жизни, включая неосторожное, запускало цепь ответного насилия, поскольку обязанность мстить за смерть сородича считалась императивом [4, с. 136].

Философская основа талиона заключается в том, что он является реакцией на несправедливость, и для его применения необходимо «морально-отрицательное событие». Принцип талиона не направлен на предотвращение правонарушений. Возмездие и кара применяются уже после совершения преступления, восстанавливая нарушенный баланс, в этом заключается его негативный аспект для общества. Выделяя естественное право (наряду с правом народов и гражданским правом), римские юристы считали, что оно воплощает требования справедливости и в целом выражает ту основополагающую идею, что право вообще справедливо. По этому поводу Ульпиан писал, что «право» («jus») происходит

от справедливости («*justitia*»). Римский правовед Публий Цельс отмечал: «*Jus est ars boni et aequi*» (право — это искусство добра и справедливости) [5, с. 65]. Семантика «*aequi*» обширна, но фонетически близка интерпретации «эквивалента». Как отмечают исследователи, П. Цельс для выражения справедливости права использует не понятие «*justitia*», а понятие «*boni*» (добро) и «*aequi*» (эквивалент) [5]. Иначе говоря, право по своей сущности и содержанию является справедливым, а потому словосочетание «справедливое право» — это тавтология. А вот справедливость права раскрывается через категории добра и эквивалента. Эквивалент — это специфическая черта правового равенства (соответствие, соразмерность, равномерность). Поэтому в Древнем Риме разграничение между справедливым и несправедливым правом осуществлялось через противопоставление «*aequum jus*» (права эквивалентного, равного) и «*jus iniquum*» (права неэквивалентного, неравного). Следовательно, правовой эквивалент здесь означает равную справедливость или справедливое равенство. Справедливость понималась как «неизменная и постоянная воля предоставлять каждому его право». «*Aequitas*» (эквивалентность) рассматривалась как принцип правовой справедливости, который Ульпиан считал основополагающей характеристикой права. Таким образом, происходит синтез категории справедливости и идеи эквивалентности как основы ее реализации и правового обеспечения.

Прямые отголоски талиона прослеживаются в нормах «Русской Правды». Хотя возмездие оставалось главной целью наказания, его формы постепенно ограничивались и трансформировались. Классическая кровная месть вытеснялась альтернативными мерами: так, даже за убийство по пространной редакции «Русской Правды» не предусматривалась смертная казнь [6, с. 25]. На первый план выходила вира — штраф в пользу князя, который, пополняя казну, одновременно отражал христианские идеи отказа от мести. Помимо виру использовались имущественные штрафы и компенсации для пострадавших. За преступления против князя наказания были строже, так как князь представлял государство и общество (ст. ст. 45, 46) [6]. Однако в судебных и Соборном уложении наказания сохраняли архаичный возмездный и членовредительский характер, хотя их основная функция сместилась от возмездия к устрашению: отсечение ушей и рук, заливание металла в горло, сожжение поджигателей, торговая казнь (публичная порка кнутом, Судебник 1497 г.) [7]. Эти меры преследовали цель скорее устрашения, чем справедливого возмездия, и нередко приводили к случайной смерти. Уже в начале XIX в. под влиянием идей Просвещения адмирал Н. С. Мордвинов, соратник М. М. Сперанского,

выступал против телесных наказаний, утверждая, что «кнут» и «палач» мешают правосудию [8, с. 23]. Его взгляды отражали набирающую силу тенденцию эпохи Просвещения к универсализации и гуманизации наказаний, которая в последующие столетия стала доминирующей практикой в подходе к уголовной репрессии.

Трансформация концепции талиона основывалась на фундаментальной идее, сформулированной еще в XVII в.: Т. Гоббс утверждал, что с возникновением государства люди добровольно отказываются от естественного права на возмездие, передавая его исключительную монополию «суверену» для обеспечения общественной безопасности [9, с. 6]. Развивая эту мысль, Дж. Локк отмечал, что в естественном состоянии, где каждый сам становится судьей в своем деле против обидчика, неизбежно царят предубеждения и непрерывное насилие. В естественном состоянии, по Дж. Локку, равенство означает право на ответное насилие, что может привести к постоянной войне [10, с. 256]. Для предотвращения этого возникла концепция «общественного договора», где право на наказание делегировалось государству как институциональная монополия [8, с. 97]. Однако в условиях кризиса правовых систем идея талиона вновь становится актуальной. Дж. Локк допускал расторжение общественного договора, если «арбитр» не способен его поддерживать. Когда государство применяет «силу без права», оно становится агрессором и законной целью для наказания [11, с. 321]. Знаковым историко-правовым событием служит Английская революция, где суд над Карлом I стал беспрецедентным: монарх был признан виновным в войне против народа Англии [12, с. 160]. Сторонники О. Кромвеля утверждали, что король, распуская парламент, нарушил общественный договор, что привело к правовому кризису и гражданской войне. Дж. Локк, как и Дж. Бредшоу, утверждал, что источником легитимной власти является общество, сохраняющее право оценивать справедливость действий институтов. Эта концепция ознаменовала начало буржуазных революций в Европе и заложила правовые основы конституций стран республиканской формы правления.

Таким образом, в условиях кризиса, политических революций, анархии социальные отношения начинают функционировать в соответствии с архаичным принципом талиона, перерастающим в форму стихийного или направленного возмездия. Его актуализация объясняется двойственной природой переходных периодов: с одной стороны, отсутствие легитимных институтов для разрешения конфликтов создает правовой вакуум, а с другой — универсальность принципа эквивалентности сохраняет свою функциональность как антропологическая

константа, обеспечивающая переход к новой правовой реальности.

Философско-правовые аспекты талиона

Г. В. Мальцев выделяет два основных подхода к философскому пониманию концепции талиона, которые, хотя и являются его составными частями, все же имеют существенные различия. Эти подходы можно условно назвать дистрибутивным и ретрибутивным [13, с. 5–19]. Оба они направлены на достижение общей цели — «восстановление» справедливости и правопорядка. Ретрибутивный подход функционирует как зеркальное отражение «зла на зло», подразумевая конкретный прецедент. В большей мере это и является «традиционным проявлением» талиона. Смысл подхода заключается в неотвратимости возмездия и понимании правонарушения как конкретного проявления зла, обладающего абсолютной категорией. Ретрибутивизм исключает социальные, культурные, экономические детерминанты.

И. Кант считал, что судебное наказание не должно быть направлено на достижение какой-либо общественной пользы. Немецкий философ рассуждает, что лицо должно быть признано подлежащим наказанию, прежде чем возникнет мысль о том, что с этого наказания можно иметь ту или иную пользу [14, с. 256]. И. Кант делает акцент на том, что наказание должно осуществляться в самом преступлении, а не отвечать побочным интересам государства. По И. Канту, возмездие должно определяться в соответствии с принципом равенства: «Единый принцип — это принцип равенства, согласно которому суд склоняется в пользу одной стороны не более, чем в пользу другой» [14, с. 257]. И. Кант считает, что только закон талиона, если он осуществляется в рамках правосудия (а не в индивидуальном порядке), может точно определить характер и степень наказания, потому что все другие нормы не определены и не могут (через вмешательство других соображений) соответствовать чистой справедливости. Следовательно, ретрибутивный подход И. Кант видит исключительно в осуществлении справедливости морального возмездия в соответствии с категорическим императивом. Философ высказал мысль о том, что судебные системы в большинстве стран неизбежно будут несовершенны, поскольку они хотя и стремятся подражать божественному правосудию, неизбежно приносят в него свои собственные интересы.

Как отмечает В. Г. Мальцев, рассуждения И. Канта представляют собой классический пример ретрибутивного подхода, возведенного до метафизического «абсолюта» [13, с. 5–19]. Несмотря на то что изначально правосудие стремилось к балансу между деянием и наказанием, исторический опыт человеческой цивилизации демонстрирует, что возмездие

часто искажалось, превращаясь в инструмент демонстрации политической власти, канализируя личную, групповую, классовую, национальную, религиозную месть в правовое поле, тем самым становясь источником воспроизводства насилия, противоречия развитию гуманной и универсальной правовой системы. В современном правовом контексте возмездие как основа наказания обнаруживает три фундаментальных недостатка.

Во-первых, возмездие смещает фокус с защиты прав личности, предупреждения преступлений и восстановления общественного порядка на сам акт наказания. Карательная функция становится самоцелью, вытесняя профилактическую и исправительную составляющие правосудия.

Во-вторых, в сложной социальной реальности формально одинаковые преступления могут существенно различаться по контексту, мотивации и степени общественной опасности. Жесткая ориентация на возмездие игнорирует эти индивидуальные обстоятельства, что приводит либо к чрезмерной суровости, либо к формально «равным», но фактически несправедливым наказаниям.

В-третьих, современное право эволюционирует в направлении защиты человеческого достоинства, универсализации и гуманизации наказаний. Дистрибутивная модель справедливости, восходящая к аристотелевской этике, предполагает пропорциональное распределение благ и наказаний с учетом социального контекста.

В «Никомаховой этике» Аристотель связывал распределительное право с категорией общественной пользы, подчеркивая значение внешних факторов — условий жизни, социального статуса, последствий для общества [15]. Эти принципы отражены, например, в ст. 60 УК РФ, учитывающей смягчающие и отягчающие обстоятельства. Однако стремление учитывать «всеобщее благо» иногда приводит к субъективизму интерпретации правонарушения и злоупотреблениям.

Опыт СССР показал пределы дистрибутивного подхода: отрицая идею эквивалентности как «буржуазный пережиток», советская правовая доктрина делала ставку на перевоспитание человека через труд, опираясь на антропологическую концепцию Ф. Энгельса. Система исправительно-трудовых лагерей, формально направленная на искупление вины, фактически превратилась в механизм эксплуатации, где заключенные становились сверхрентабельным трудовым ресурсом. Такой «экономический дистрибутивизм» противоречил кантовскому принципу уважения к личности, подменяя справедливость утилитарным расчетом. Более того, под риторикой социальной инженерии скрывались элементы институционализированной мести, возмездия — ре-

прессии против «классово чуждых» социальных, национальных групп. Современные риски связаны с цифровизацией дистрибутивных механизмов, таких как китайская система социального рейтингования (доверия) [16, с. 72–88].

Алгоритмическая оценка граждан по поведенческим, финансовым и социальным критериям создает угрозу дискриминации, усиливает стратификацию и нивелирует принцип равенства перед законом. В действующем законодательстве Российской Федерации соблюдается баланс подходов к правосудию, что отражено в ст. 43 УК РФ. Закон формулирует цели наказания как «восстановление социальной справедливости», «исправление осужденного» и «предупреждение новых преступлений», демонстрируя синтез ретрибутивной и дистрибутивной парадигм. Принцип соразмерности наказания сочетается с учетом общественных интересов, включая социальный статус и поведение правонарушителя.

В истории права талион претерпел значительные трансформации, и его элементы можно обнаружить и в истории международного права. Несмотря на гуманизацию санкционных механизмов, сама идея возмездия в форме восстановления справедливости сохранилась. Так, в ст. 34 главы II Резолюции Генеральной ассамблеи ООН от 12 декабря 2001 г. № 56/83 «Об ответственности государств за международно-противоправные деяния» закреплены три основные формы ответственности государств: реституция, компенсация и сатисфакция. Реституция представляет собой восстановление положения, существовавшего до совершения международного правонарушения. Она направлена на возвращение в исходное состояние правового режима, социально-экономических и иных отношений. Особую сложность вызывает вопрос реституции культурных ценностей: их принадлежности, порядка репатриации и возможности возмещения утрат.

Наиболее острой выступает проблема уничтоженных предметов культурного наследия, поскольку их уникальный характер не допускает полного восстановления. Показательным является прецедент ст. 247 Версальского мирного договора, по которой Германия была обязана возместить разрушенную библиотеку эквивалентными по ценности предметами. Исполнение этого обязательства находилось в компетенции Репарационной комиссии [17]. Компенсация, в отличие от реституции, применяется в случаях, когда полное восстановление *status quo ante* невозможно. Она предполагает денежное или иное материальное возмещение ущерба, включая упущенную выгоду, и не обязательно совпадает по объему с причиненным вредом.

Характерным примером компенсации является практика, закрепленная в Резолюции Совета Безопасности ООН № 687 (1991 г.), предусматривающей создание Компенсационного фонда ООН для возмещения ущерба, причиненного Кувейту в результате агрессии Ирака. Согласно данному механизму 5 % от иракских нефтегазовых доходов направлялось в специальный фонд ООН, из которого производились выплаты Кувейту [18].

Сатисфакция — это форма ответственности морально-политического характера, применяемая тогда, когда реституция и компенсация не способны исчерпывающе устранить вред. В международной практике она выражается в принесении официальных извинений, признании неправомерности деяния и иных актах политико-правового характера. Так, в июне 2016 г., спустя семь месяцев после инцидента с российским бомбардировщиком Су-24, президент Турции Р. Т. Эрдоган направил официальное послание, содержащее извинения семье погибшего российского пилота. В тексте документа подчеркивалось: «Я хочу еще раз выразить свое сочувствие и глубокие соболезнования семье погибшего российского пилота и говорю: извините. Всем сердцем разделяю их боль. Семью российского пилота мы воспринимаем как турецкую семью. Во имя облегчения боли и тяжести нанесенного ущерба мы готовы к любой инициативе»*. Данный дипломатический шаг представляет собой классический пример сатисфакции в международном праве.

Подобные акты официальных извинений выполняют несколько функций: признание факта причинения ущерба, морально-символическое восстановление справедливости и создание правовых оснований для нормализации двусторонних отношений. Следовательно, в международной сфере идея талиона проявляется в модифицированных формах — от материального возмещения до символического восстановления справедливости. Эти меры призваны не к буквальной мести, а к восстановлению нарушенного правопорядка, что демонстрирует эволюцию идеи талиона в сторону философской категории соразмерности и политико-правового баланса.

Таким образом, талион прошел путь от архаичного правила возмездия до концептуальной правовой категории, выражающей идею справедливости через принцип эквивалентности. Его историко-правовая эволюция демонстрирует, что ограничение мести и утверждение меры наказания стали важнейшими этапами становления правового сознания. В философско-правовой перспективе талион предстает не как пережиток древности, а как универсальный регулятивный принцип, сохраняющий актуаль-

* URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52282> (дата обращения: 03.05.2025).

ность в условиях изменения правовых систем и форм социальной организации. В современных правовых институтах идея соразмерности реализуется через различные механизмы ответственности, демон-

стрируя, что принцип справедливости, заложенный в талионе, сохраняет свою значимость и универсальность, связывая исторический опыт с современными практиками регулирования отношений.

Список источников

1. Мальцев Г. В. Месть и возмездие в древнем праве : монография. М., 2012.
2. Воробьев С. М. Талион и композиции как способы возмещения морального вреда на ранних этапах развития общества // Юридическая мысль. 2011. № 3.
3. Савельев В. А. Справедливость (aequitas) и добросовестность (bona fides) в римском праве классического периода // Государство и право. 2014. № 3.
4. Албогачиева М. С. Г., Бабиц И. Л. Кровная месть в современной Ингушетии // Этнографическое обозрение. 2010. № 6.
5. Савельева Ю. Н. К вопросу о сущности права и правовом дуализме в трудах Ульпиана // Символ науки. 2021. № 4.
6. Измествев Д. С. Русская Правда — памятник права Древней Руси // Студенческий вестник. 2021. № 6-2(151).
7. Захаров В. В. Генезис отечественной системы исполнения уголовных наказаний в XIV — середине XVII века // Историко-правовые проблемы: новый ракурс : сб. науч. работ. Курск, 2012. Вып 5.
8. Размахов К. Е. Болезненные телесные наказания в российском уголовном праве // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 9.
9. Вестов Ф. А. Политико-правовые аспекты правового государства в учении Т. Гоббса и его последователей о государственной власти // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2010. Т. 10, № 2.
10. Локк Дж. Сочинения : в 3 т. М., 1988. Т. 3.
11. Котельникова О. А. Самосуд: историко-правовой анализ // Прокуратура России: вчера, сегодня, завтра : мат-лы XV междунар. Конивских чтений. Владивосток, 2016.
12. Барг М. А. Великая английская революция в портретах ее деятелей. М., 1991.
13. Мальцев Г. В. Справедливость возмездия и воздаяния: ретрибутивный подход // Социология власти. 2012. № 2.
14. Кант И. Метафизика нравов в двух частях // Сочинения : в 6 т. М., 1965. Т. 4, ч. 2.
15. Аристотель. Никомахова этика // Сочинения : в 4 т. М., 1983. Т. 4.
16. Рувинский Р. З., Тарасов А. А. Система социального кредита: исторические предпосылки и доктринальные основания феномена // Nota Bene. 2020. № 3.
17. Савченко М. С. Реституция как форма международно-правовой ответственности за преступные посягательства на культурные ценности // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2003. № 1(20).
18. Гуласарян А. Компенсационная комиссия ООН: современная модель международного органа по разрешению претензий международного характера // Международное правосудие. 2015. № 3(15).

УДК 343.11:343.19

doi: 10.24412/1999-625X-2026-1100-87-94

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Судебные производства в сфере оперативно-розыскной деятельности: новый вид судопроизводства или новая форма уголовного судопроизводства

Даниил Георгиевич Шашин

кандидат юридических наук, доцент, докторант научно-исследовательского отдела¹,

✉ shashin06@mail.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

Рассматриваются судебные процедуры в сфере оперативно-розыскной деятельности и определение места судебного контроля законности оперативно-розыскной деятельности среди видов судопроизводства в Российской Федерации, закрепленных в Конституции страны. На основе исследования правовой природы судебного контроля формулируется вывод, что одна часть процедур судебного контроля относится к уголовному судопроизводству, а другая часть — к формирующемуся виду — оперативно-розыскному судопроизводству, с характерными для него чертами и особенностями, не свойственными существующим видам судопроизводства.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, законодательство об оперативно-розыскной деятельности, судебный контроль, судопроизводство, оперативно-розыскное судопроизводство

Для цитирования: Шашин Д. Г. Судебные производства в сфере оперативно-розыскной деятельности: новый вид судопроизводства или новая форма уголовного судопроизводства // Научный вестник Омской академии МВД России. 2026. Т. 32, № 1(100). С. 87–94.

Judicial Proceedings in the Field of Operational Detective Activity: a New Type of Legal Proceedings or a New Form of Criminal Proceedings

Daniil G. Shashin

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, doctorate degree student of Science and Research Department¹,

✉ shashin06@mail.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

Under analysis are judicial procedures in the field of operational detective activities and the determination of the role of judicial control over legality of operational detective activities among the types of legal proceedings in the Russian Federation enshrined in the Constitution of the country. Based on a study of the legal nature of judicial control, a conclusion is formulated that one part of the judicial control procedures refers to criminal proceedings, and the other to the emerging form — operational detection proceedings with characteristic features and peculiarities that are not typical for the existing kinds of legal proceedings.

Keywords: operational detective activities, legislation on operational detective activities, judicial control, judicial proceedings, operational detection proceedings

Citation: Shashin D. G. Judicial Proceedings in the Field of Operational Detective Activity: a New Type of Legal Proceedings or a New Form of Criminal Proceedings. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2026. Vol. 32, No 1(100). Pp. 87–94 (In Russ.).

Судебная власть в Российской Федерации осуществляется в соответствии с Конституцией РФ (ч. 2 ст. 118) посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства. До принятия поправок в Конституции РФ не указывалось арбитражное судопроизводство. Внесенные поправки демонстрируют, во-первых, что правовая система Россий-

ской Федерации совершенствуется, вносятся изменения в основной нормативный правовой акт страны, во-вторых, это дает основание предположить, что совершенствование различных отраслей права может повлечь и дальнейшее развитие видов судопроизводства. Яркими примерами этого являются коммерческое, воздушное, военное и др., а также оперативно-розыскное право. Впервые о такой от-

расли права в 1992 г. начали говорить авторы комментария к Закону РФ № 2506-1 «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» [1, с. 7–8]. Исследователи называли его по-разному: уголовно-розыскное право [2, с. 45–51] или оперативно-розыскное право [3, с. 4]. Об этой зарождающейся отрасли права писали А. А. Чувилев [4], Е. В. Кузнецов [5] и др. [6]. Авторы поддержали аргументы А. Ю. Шумилова о формировании в правовой системе России отрасли оперативно-розыскного права. Эти вопросы исследуются на протяжении многих лет в Омской академии МВД России. Совместно с Евразийской научно-экспертной ассоциацией оперативно-розыскного права издается научно-практический журнал «Оперативно-розыскное право». Вместе с тем имеются и противоположные мнения относительно формирования исследуемой отрасли права, где сделан вывод о комплексном характере оперативно-розыскного законодательства и отсутствии в данное время в российской правовой системе оперативно-розыскного права в качестве самостоятельной отрасли [7].

Между тем юридическая практика показывает, что в результате совершенствования законодательства появляются новые формы судопроизводства в рамках существующего вида. В качестве примера приведем уголовно-процессуальное законодательство как наиболее близкое к оперативно-розыскному. Так, в последние годы в уголовно-процессуальном праве появились процессуальные институты, повлекшие формирование новых форм уголовного судопроизводства. Например, раздел X «Особый порядок судебного разбирательства» был дополнен главами: «Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением» (глава 40); «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» (глава 40¹); «Производство в суде апелляционной инстанции» (глава 45¹). Это повлекло дифференциацию уголовного судопроизводства, возникли новые его формы, соответствующие действующим процедурам, закрепленным в законодательстве. Полагаем, возможно согласиться с утверждением авторов, что «оптимизация деятельности судов по осуществлению правосудия может быть представлена и в виде появления новых форм судебного производства» [8].

С принятием законов об оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) (1992 и 1995 гг.) судебная деятельность в сфере ОРД начала развиваться по правилам, отличимым от предусмотренных

Уголовно-процессуальным кодексом РФ (далее — УПК РФ). Это коснулось, в частности, таких вопросов, как рассмотрение:

— материалов об ограничении конституционных прав личности при проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ) (предварительный судебный контроль);

— материалов по фактам ограничения конституционных прав личности при ОРМ, проведенных в неотложном режиме (последующий судебный контроль);

— обращений субъектов ОРД [9, с. 273–280] в вышестоящий суд в связи с отказом нижестоящего суда в разрешении проведения ОРМ (предварительный повторный судебный контроль);

— обращений участников¹ ОРД в связи с нарушением их прав и свобод в процессе осуществления этой деятельности;

— представлений прокуроров на решения судов о проведении ОРМ, ограничивающих конституционные права личности;

— жалоб (заявлений) участников ОРД на решения судов о проведении ОРМ, ограничивающих конституционные права личности;

— жалоб (заявлений) участников ОРД в связи с отказом в предоставлении им сведений о фактах проведения в отношении них ОРМ, если лица полагают, что при этом были нарушены их права либо сведения представлены не в полном объеме (ч. 4 ст. 5 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД)).

Большинство из представленных вопросов в части судебного санкционирования ОРМ, ограничивающих конституционные права личности, регулируется нормами Закона об ОРД (ст. ст. 5–9). Однако процедуры обжалования решений и действий должностных лиц органов, осуществляющих ОРД, указанным законом не урегулированы. В законе закреплено лишь право на подачу жалоб на действия и решения органов, осуществляющих ОРД. Указанные процедуры нашли свое отражение в УПК РФ, Кодексе административного судопроизводства РФ (далее — КАС РФ), Гражданском процессуальном кодексе РФ (далее — ГПК РФ) в зависимости от существа предмета жалоб, а практика формирования долго и неоднозначно. Например, до принятия КАС РФ подсудность жалоб на действия и решения оперативных служб определялась то по УПК РФ, то по ГПК РФ, при этом от такой неоднозначности страдали прежде всего граждане, так как правовая

¹ Лица, вовлеченные в сферу оперативно-розыскных правоотношений по различным причинам: лица, представляющие оперативный интерес; очевидцы; лица, обладающие сведениями о преступлении и преступнике; случайно вовлеченные лица и т. д.

неопределенность формировала препятствия их доступу к правосудию [10].

Судебную деятельность в оперативно-розыскных правоотношениях, приведенную ранее, мы определяем как формы судебного контроля ОРД.

Из сказанного выше возникают не разрешенные на протяжении тридцати лет вопросы: являются ли судебные производства в сфере ОРД одной или несколькими формами уголовного судопроизводства или указанные производства в области ОРД есть новый вид судопроизводства в России? Если исследуемые судебные производства — лишь образующиеся формы уголовного судопроизводства, то как минимум это должно найти отражение в двух законодательных актах — в УПК РФ и Законе об ОРД, где будут прописаны процедуры их проведения, обжалования решений судов и т. д. Однако если судебные производства в области ОРД сформировались как самостоятельный вид судопроизводства, то это явление претендует на изменение положений Конституции страны, с признанием рассматриваемого вида судопроизводства как самостоятельного. Соответственно, процедуры его проведения должны прописываться уже в профильном нормативном правовом акте — Законе об ОРД.

Вместе с тем практика и научные исследования в области ОРД указывают на возникновение нового вида судопроизводства, который функционирует в оперативно-розыскных правоотношениях и не относится ни к одному из ныне нормативно закрепленных судебных производств в российской правовой действительности.

Попытаемся проанализировать оперативно-розыскное законодательство, практику его применения в сфере судебного контроля ОРД и сформулировать собственные суждения по данному вопросу.

Исходя из практики судебного производства в области ОРД, существующей форме судебной деятельности по санкционированию ОРМ, ограничивающих права личности, не характерен ни один из видов судопроизводства, предусмотренных в ст. 118 Конституции РФ. На этот счет Конституционный Суд РФ еще в 1998 г. отметил, что рассматриваемая судебная процедура — это не судебное разбирательство и даже не подготовительные действия к судебному заседанию. В данных правоотношениях еще нет сторон². Такая трактовка

приводит к умозаключению, что данная судебная процедура может претендовать на формирование нового, обособленного вида судопроизводства — оперативно-розыскного.

При этом закономерной является постановка вопроса о правовой природе судебного контроля в сфере ОРД и отнесении его к тому или иному виду судопроизводства или форме в рамках уже существующих [10].

Судебное санкционирование проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права личности, имеет, по мнению судей Конституционного Суда РФ и некоторых ученых, уголовно-процессуальную природу [11]. Конституционный Суд РФ выразил мнение в постановлении от 9 июля 2011 г. № 12-П, указав: «Вопрос об ограничении конституционных прав в связи с проведением ОРМ по проверке информации о противоправных деяниях и лицах, к ним причастных, подлежит разрешению в процедурах, обусловленных характером уголовных и уголовно-процессуальных отношений»³. В связи с этим В. В. Николюк справедливо отмечает, что «фактически сформировался и обособился еще один вид судебной деятельности — судебные производства в сфере ОРД» [11].

Для науки и правовой практики это означает, что необходимо предлагать решения и их последующее нормативное закрепление в части процессуализации судебных процедур, связанных с предварительным санкционированием ОРМ, а также с рассмотрением судом материалов ОРМ, проведенных в неотложном режиме, на предмет их законности.

Казалось бы, если позиция Конституционного Суда РФ и ученых в части определения вида судопроизводства в сфере ОРД совпадает, то все процедурные вопросы судебного контроля могут идти по «лекалам» уголовного процесса (УПК РФ), однако, как представляется, это не совсем так.

Разберем типовые ситуации судебных производств в сфере ОРД (судебного контроля) подробнее и для этого сгруппируем их.

Фактически судебная деятельность в сфере ОРД осуществляется в двух направлениях (типовые ситуации) судебного контроля ОРД.

1. Дача разрешения на ограничение прав личности или проверка законности проведенных ОРМ, ограничивающих конституционные права человека, т. е. в форме предварительного и последующего

² По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И. Г. Черновой : определение Конституционного Суда РФ от 14 июля 1998 г. № 86-О. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

³ По делу о проверке конституционности положений пункта 7 статьи 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и части первой статьи 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» в связи с жалобой гражданина И. В. Аносова : постановление Конституционного Суда РФ от 9 июня 2011 г. № 12-П.

судебного контроля: а) рассмотрение материалов об ограничении конституционных прав личности при проведении отдельных ОРМ (предварительный судебный контроль); б) рассмотрение материалов по фактам ограничения прав личности при реализации ОРМ, проведенных в неотложном режиме (последующий судебный контроль); в) рассмотрение вышестоящими судами обращений субъектов ОРД в связи с отказом нижестоящего суда в разрешении проведения ОРМ (повторный предварительный судебный контроль).

2. Рассмотрение судами обращений участников ОРД: а) граждан в связи с нарушением прав и свобод в процессе осуществления ОРД; б) представлений прокуроров о признании решения судов о проведении ОРМ, ограничивающих конституционные права личности; в) жалоб (заявлений) на решения судов о проведении ОРМ, ограничивающих конституционные права личности; г) жалоб (заявлений) граждан в связи с отказом в предоставлении им сведений о фактах проведения в отношении них ОРМ, если лицо полагает, что при этом были нарушены его права либо сведения представлены не в полном объеме (ч. 4 ст. 5 Закона об ОРД).

Исходя из представленных типовых ситуаций судебного контроля, возникает вопрос: только ли в процедурах, обусловленных характером уголовных и уголовно-процессуальных отношений, происходит судебный контроль в сфере ОРД; судебное санкционирование ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, а также рассмотрение судом обращений участников ОРД? Если да, то судебные процедуры в сфере ОРД можно признавать формой уголовного судопроизводства. Если нет, то налицо новый формирующийся вид судопроизводства — оперативно-розыскное судопроизводство.

Сделаем уточнение. Обращаясь к основаниям проведения ОРМ, нетрудно заметить, что ст. 7 Закона об ОРД имеет три большие части, при этом первая содержит основания проведения ОРМ по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, а во второй и третьей говорится об основаниях проведения ОРМ по ситуациям, не связанным непосредственно с совершением преступлений лицами. В теории указанные основания получили соответствующие названия: вторая часть — основания ОРМ по административно-проверочной деятельности, третья часть — основания ОРМ по административно-актикоррупционной деятельности. Поэтому с принятием действующего Закона об ОРД оперативно-розыскная деятельность позиционируется не как монофункциональная деятельность (моноОРД), т. е. направленная только на раскрытие преступлений, а как полифункциональная, которая может быть применима и в иных сферах жизне-

деятельности общества (полиОРД). Подтверждение этому можно найти в ст. ст. 8.1 и 11 Закона об ОРД, где закрепляется возможность использования результатов ОРД, соответственно: а) в доказывании по указанным в ст. 15 Федерального закона от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» судебным искам; б) при реализации налоговыми органами полномочий по контролю и надзору за соблюдением законодательства о налогах и сборах, по обеспечению представления интересов государства в делах о банкротстве, а также при реализации полномочий в сфере государственной регистрации юридических лиц [12, с. 172–183].

Анализ условий проведения ОРМ, указанных в чч. 10, 11 ст. 8 Закона об ОРД, приводит еще к некоторым умозаключениям, по нашему мнению, вполне обоснованным, которые могут показаться небесспорными, что обусловливается малой изученностью оснований и условий ОРМ, проводимых в целях обеспечения безопасности органов, осуществляющих ОРД, и строжайшей секретностью проводимых мероприятий. Так, согласно ч. 10 ст. 8 по основаниям, предусмотренным пп. 1–4, 6, 6.1 и 7 ч. 2 ст. 7 Закона об ОРД, запрещается осуществление действий, указанных в пп. 8–11 ч. 1 ст. 6, т. е. в рамках административно-проверочных оснований запрещено проводить ОРМ, ограничивающие конституционные права граждан. Однако ч. 11 ст. 8 Закона об ОРД имеет своеобразную структуру, которая может быть охарактеризована как закрепление полномочий оперативных подразделений дискреционного характера. Для подробного анализа приведем текст закона дословно. Итак, ч. 11 ст. 8 Закона об ОРД состоит из двух предложений.

Первое предложение: «ОРМ, обеспечивающие безопасность органов, осуществляющих ОРД, проводятся в соответствии с Законом об ОРД и исключительно в пределах полномочий указанных органов, установленных соответствующими законодательными актами Российской Федерации».

Отметим, что сбор данных, необходимых для обеспечения безопасности органов, осуществляющих ОРД, в соответствии с ч. 11 ст. 8 Закона об ОРД может осуществляться с помощью любых ОРМ [13, с. 59; 14, с. 36, 40], в том числе и ограничивающих права человека, в силу того что законодатель не установил на этот счет каких-либо запретов.

Второе предложение: «По основаниям, предусмотренным п. 5 ч. 2 ст. 7 настоящего Федерального закона, разрешается осуществлять действия, указанные в пп. 8–11, 15 ч. 1 ст. 6 настоящего Федерального закона, без судебного решения при наличии согласия

гражданина в письменной форме». Это предложение, на первый взгляд, вполне понятно: если необходимо провести ОРМ в целях обеспечения безопасности органов, осуществляющих ОРД, то допускается проведение ОРМ, ограничивающих права, закрепленные в Конституции РФ, при условии согласия лица (гражданина), сделанного в письменной форме. Однако и в данном случае есть вопросы, требующие критического анализа.

Из содержания предложения вытекает, что лицо (гражданин) имеет устойчивую связь с оперативным подразделением, ему, возможно, угрожают лично (или его родным) и/или требуют предоставить информацию об оперативном подразделении (месте дислокации, количестве сотрудников, их персональном составе и т. п.). В целях противодействия этому лицо (скорее всего, это сотрудник оперативного подразделения, его родственник или иная связь, имеющие такую информацию (например, конфидент)) дает письменное согласие на проведение ОРМ в отношении него, что, по смыслу исследуемой дефиниции, не требует судебного решения. Ключевыми моментами для данного предложения закона являются связь лица и его добровольное согласие на проведение любых ОРМ. Несмотря на отсутствие в норме такого требования, некоторые ученые настаивают на том, чтобы в данном случае направлялось уведомление судье о проведении таких ОРМ по аналогии с ч. 6 ст. 8 Закона об ОРД [13], где говорится об уведомлении судьи лишь об ОРМ «прослушивание телефонных переговоров», применительно к ситуации, когда возникла угроза жизни, здоровью, собственности отдельных лиц. При этом, по смыслу закона, «отдельные лица» в данном случае являются объектами оперативно-розыскной и уголовно-правовой охраны (защиты) и могут в дальнейшем выступать в качестве потерпевших в уголовном процессе, а не объектов оперативной заинтересованности, с позиций возможного причинения вреда интересам оперативного подразделения⁴, конкретно — безопасности самого органа. Трудно представить ситуацию, когда лицо, желающее нанести вред безопасности органа, осуществляющего ОРД, будет давать согласие на проведение каких-либо ОРМ в отношении себя.

Отсюда мы делаем вывод, что ОРМ, ограничивающие конституционные права в отношении таких лиц, могут и должны проводиться: во-первых, втайне от них; во-вторых, на основании судебного реше-

ния, получаемого по правилам ст. ст. 7–9 Закона об ОРД, т. е. при соблюдении оснований, условий и процедуры получения независимого одобрения суда на проведение ОРМ.

Что касается условий проведения ОРМ, то, как представляется, может быть два варианта.

Вариант первый: здесь применим п. 3 ч. 2 ст. 8 Закона об ОРД, где разрешено проводить исследуемые ОРМ при наличии информации «о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации». Но, как видится, безопасность оперативного подразделения не всегда может быть квалифицирована только как угроза государственной, военной, информационной или иной безопасности, а возможны и иные способы нанесения ущерба безопасности органа, например, распространение фейков и дипфейков⁵ от имени должностных лиц оперативного подразделения. В данном случае нами усматривается *некачественное* правовое регулирование условий проведения ОРМ (п. 3 ч. 2 ст. 8 Закона об ОРД) — их слишком узкая сфера применения, хотя и предоставляющая дискретное усмотрение, но достаточно ограниченная. Как представляется, корреляция взаимосвязи с провозглашенными основаниями проведения ОРМ (п. 5 ч. 2 ст. 7 Закона об ОРД) должна повлечь конкретизацию условий с учетом возможных угроз безопасности оперативных подразделений со стороны кого бы то ни было. В случае если действия лиц, намеревающихся нанести вред безопасности органов, осуществляющих ОРД, будут подпадать под признаки преступлений, подследственных органам предварительного следствия (условия, указанные в пп. 1 и 2 ч. 2 ст. 8 Закона об ОРД), то встает вопрос о конкуренции оснований проведения ОРМ: по п. 5 ч. 2 ст. 7 или п. 1 или п. 2 ч. 2 ст. 7 Закона об ОРД. В случае если в действиях лиц, намеревающихся нанести вред безопасности органов, осуществляющих ОРД, будут усматриваться признаки преступлений, не подследственных органам предварительного следствия, то, как представляется, должно применяться основание проведения ОРМ, предусмотренное п. 5 ч. 2 ст. 7 Закона об ОРД, при соблюдении в их взаимосвязи условия, указанного в п. 3 ч. 2 ст. 8 Закона об ОРД.

Вариант второй. Если угроза безопасности органа не проявляется в виде совершения преступления

⁴ Не обязательно уголовно наказуемого вреда. Расшифровка места дислокации оперативного подразделения — тоже вред безопасности оперативного подразделения, но уголовного наказания для граждан (лиц) не установлено, если они не являются сотрудниками этих или иных оперативных подразделений, совершивших подобные действия вопреки интересам службы.

⁵ Технология на базе искусственного интеллекта, позволяющая редактировать видео, создавая ложные изображения на основе реальных кадров; сами ролики, сделанные с использованием данной технологии. Выявить подделку можно только с помощью специальных программ. URL: <https://bigenc.ru/c/diskretionnaia-vlast-89a2cd> (дата обращения: 04.10.2024).

в отношении этого органа или не квалифицируется как события или действия (бездействие), создающие угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации, а такое вполне возможно, то налицо недостаточное правовое регулирование оснований и условий проведения ОРМ в их взаимосвязи. Отсюда вывод: условия проведения ОРМ должны отражать возможности применения оперативными подразделениями основания, указанного в п. 5 ч. 2 ст. 7 Закона об ОРД, что неизбежно должно повлечь изменение положений оперативно-розыскного закона в рассматриваемой части.

Что касается предложений авторов комментариев к Закону об ОРД об уведомлении суда по аналогии с ч. 6 ст. 8 Закона об ОРД о проведении ОРМ, ограничивающих права граждан, представим собственные суждения. Для оценки подобных действий оперативных служб с позиций их целесообразности и соблюдения законности приведем возможные от этого последствия.

1. Законодатель определил в ч. 6 ст. 8 лишь ОРМ «прослушивание телефонных переговоров», которое возможно провести при отсутствии судебного решения, но при наличии заявления или письменного согласия лица, в отношении которого оно проводится, и обязательным уведомлением суда в течение 48 часов. Полагаем, на период принятия Закона об ОРД, когда технический прогресс еще не поднялся до современного уровня, право на тайну телефонных переговоров занимало лидирующее место среди возможностей ограничения иных прав (тайна переписки) в силу того, что, например, электронная переписка в мессенджерах и электронной почте не была так распространена, как сейчас.

2. Считаю возможным расширить перечень ОРМ, которые могут проводиться по предложенной схеме — все ОРМ, ограничивающие права личности, так как угрозу жизни и здоровью могут передавать и по иным каналам (смс-сообщения, сообщения в мессенджерах и т. д.); формирование доказательственной базы также может быть осуществлено посредством таких ОРМ.

3. Отметим и еще одну деталь в законодательном регулировании проведения ОРМ при согласии лица об ограничении его конституционных прав, вызывающую определенные вопросы. Законодателем установлен срок уведомления суда в данном случае в течение 48 часов, без предоставления оперативным службам времени для получения судебного решения, а не в течение 24 часов, с последующим получением решения суда в течение 48 часов, как это предусмотрено в ч. 3 ст. 8. Означает ли это, что при согласии заявителя на ограничение его конституционных прав судебного решения не требуется? Тогда

зачем уведомлять судью? Если уведомление является этапом в процедуре для последующего получения судебного решения по результатам проведенного ОРМ, то почему установлены такие сроки и не указан срок получения решения суда? Полагаем, что порядок проведения ОРМ при согласии лица на ограничение его прав должен быть аналогичным порядку, указанному в ч. 3 ст. 8 Закона об ОРД.

4. Ввиду того что основание проведения ОРМ (п. 5 ч. 2 ст. 7 Закона об ОРД) относится к основаниям административно-проверочного характера и не связано напрямую с совершением преступления, материалы, содержащие фактические основания, и другие документы должны быть сконцентрированы в каком-либо накопителе: номенклатурном деле или деле оперативного учета (далее — ДОУ). Накопитель необходим при таком варианте для хранения, например, уведомления судьи о проведении ОРМ (копии или второго экземпляра), а также для анализа полученных результатов и представления судье дополнительно запрошенных им материалов при рассмотрении ходатайства о проведении ОРМ. Мы исходим из того, что ОРМ, ограничивающие права по основанию п. 5 ч. 2 ст. 7 Закона об ОРД, должны санкционироваться по правилам ст. ст. 7–9 Закона об ОРД, т. е. как и по основаниям, указанным в ч. 1 ст. 7 закона и т. д. Однако Закон об ОРД определяет, что ДОУ заводятся лишь при наличии оснований, предусмотренных пп. 1–6 ч. 1 ст. 7 Закона об ОРД, т. е. заводить ДОУ по иным основаниям проведения ОРМ (чч. 2, 3 ст. 7) запрещается. Более того, информация об угрозах безопасности органа, облеченная в оперативно-служебные документы, будет иметь ограничительный гриф, соответственно, не может находиться вне накопителя. Это, в свою очередь, диктует необходимость проработки и закрепления в Законе об ОРД возможности ведения дел оперативно-розыскного производства для накопления материалов при проведении ОРМ по основанию, предусмотренному п. 5 ч. 2 ст. 7 Закона об ОРД, а в ведомственных нормативных актах — конкретных видов указанных дел.

5. Направление уведомления судье предполагает начало течения срока, в рамках которого судебное решение должно быть получено или, если этого не произошло, то срок, в течение которого ОРМ должно быть прекращено (а этот срок законом не установлен).

6. Наконец, судье после направления уведомления должны быть представлены материалы, обосновывающие законность решения и действий оперативных служб при проведении исследуемых ОРМ, что, безусловно, повлечет временные и организационные затраты.

7. Не менее важен вопрос о направлении и вариантах использования полученных при проведении

ОРМ результатов. Это, как представляется, будет зависеть от форм и видов действий заподозренных лиц при реализации умысла нанесения ущерба безопасности органов, осуществляющих ОРД. При совершении ими преступления результаты ОРД могут стать поводом и основанием для возбуждения уголовного дела и использоваться в доказывании. Законодатель не регламентирует, как и в каком порядке могут быть использованы полученные в ходе ОРМ результаты ОРД при совершении злоумышленниками действий, не влекущих уголовную ответственность. В данном аспекте актуальна проблема формирования и законодательного закрепления оперативно-розыскного понятия «результаты ОРД» [12], так как уголовно-процессуальное понятие имеется и установлено в п. 36¹ ст. 5 УПК РФ.

Исходя из изложенного выше, можно утверждать, что судебные производства в сфере ОРД, если ОРМ направлены на выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, безусловно, имеют общность с уголовно-процессуальными и уголовно-правовыми процедурами, как это отмечал орган конституционного контроля, о чем выше было сказано.

Однако если ОРМ, в том числе и ограничивающие конституционные права личности, проводятся в целях собирания данных для принятия решений по обеспечению безопасности, то судебные производства в сфере ОРД приобретают собственные, отличимые от уголовно-процессуальных процедур, особенности, характеризующие их как самостоятельный, все еще формирующийся вид судопроизводства — оперативно-розыскное.

На самом деле правовое регулирование санкционирования ОРМ, направленных на сбор данных по вопросам обеспечения безопасности оперативных подразделений, в Законе об ОРД представлено фрагментарно, а вопросы обжалования таких ОРМ вообще не прописаны, что представляется правовым пробелом. Указанные вопросы не могут быть урегулированы нормами УПК РФ в силу отсутствия общности публично-правовых отношений санкционирования таких ОРМ с уголовным процессом.

Давая характеристику исследуемым производствам в сфере ОРД как все еще формирующимся, мы

исходили из того, что несмотря на многие неопределенности, которые вынужден восполнять Конституционный Суд РФ, судебные производства в порядке дачи разрешений на проведение ОРМ в целях раскрытия преступлений вполне сформировались: в субъектах РФ наработана практика, хоть и неоднородная, имеется межведомственное подзаконное нормативное правовое регулирование, налажено взаимодействие между субъектами ОРД и судебными органами. Проведенный анализ законодательства и изучение малоисследованного основания проведения ОРМ — в целях обеспечения безопасности органов, осуществляющих ОРД (п. 5 ч. 2 ст. 7 Закона об ОРД), — во взаимосвязи с условиями реализации такого основания, отсутствием соответствующей практики рассмотрения ходатайств о проведении ОРМ в этих целях приводит к умозаключению, что несмотря на наличие законодательных норм, такой вид судопроизводства в области ОРД все еще находится в стадии формирования. В данном аспекте актуальна мысль В. В. Николюка, что «законодатель изначально сделал ставку на самодостаточность, закрытость регулируемой Законом об ОРД судебной процедуры рассмотрения материалов об ограничении конституционных прав граждан при проведении ОРМ, которая не имеет аналогов в законодательстве» [10], что можно расценить как аргумент в пользу самостоятельности и уникальности судебных процедур в сфере ОРД.

Таким образом, исследование показало, что судебные производства в сфере ОРД, в зависимости от правовых оснований и условий проведения ОРМ, их направленности (на проверку информации о преступлении либо на сбор данных для принятия решений по обеспечению безопасности органа, осуществляющего ОРД), могут осуществляться в порядке как характерном для уголовного судопроизводства, так и свойственном для собственно оперативно-розыскного судопроизводства. Для признания нового, формирующегося оперативно-розыскного судопроизводства необходимы дальнейшие научные исследования, формирование практики рассмотрения ходатайств оперативных подразделений судами, разработка процедур такого судебного производства в Законе об ОРД и его закрепление в ч. 2 ст. 118 Конституции РФ.

Список источников

1. Закон об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации : комментарий / под ред. А. Ю. Шумилова. М., 1994.
2. Шумилов А. Ю. К формированию уголовно-розыскного права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1995. № 1.
3. Шумилов А. Ю. Оперативно-розыскное право: иллюзия или реальность? // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1995. № 4.

4. Чувилев А. А. Оперативно-розыскное право : учеб. пособие. М., 1999.
5. Кузнецов Е. В. Теоретические основы формирования отрасли оперативно-розыскного права : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2014.
6. Азаров В. А., Кузнецов В. Е. Теоретические основы формирования отрасли оперативно-розыскного права : монография. М., 2016.
7. Серов А. В. Оперативно-розыскное право и оперативно-розыскное законодательство // Научный портал МВД России. 2021. № 2(54).
8. Законность: теория и практика : монография. 3-е изд. / М. С. Андрианов, С. А. Боголюбов, Н. Д. Бут и др. ; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, Н. В. Субанова. М., 2017.
9. Шашин Д. Г. К вопросу об определении понятий «субъекты» и «участники» оперативно-розыскной деятельности, их соотношении и составе через призму законности ее осуществления // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности : мат-лы межвед. науч.-практ. конф. М., 2021.
10. Николюк В. В. Реализация полномочий судебной власти в сфере оперативно-розыскной деятельности как форма осуществления уголовного правосудия // Российская юстиция. 2023. № 9.
11. Николюк В. В. Судебные производства в сфере оперативно-розыскной деятельности // Российская юстиция. 2023. № 7.
12. Шашин Д. Г. О нормативных правовых коллизиях формирования понятия результатов оперативно-розыскной деятельности // Правоохранительная деятельность. 2023. № 2.
13. Вагин О. А., Исиченко А. П., Чечётин А. Е. Комментарий к Федеральному закону от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (постатейный). URL: https://rus-poligraf.ru/userfiles/file/oper_rozisk_deyatelnost.pdf (дата обращения: 03.10.2024).
14. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» : науч.-практ. комментарий / под ред. И. Н. Зубова и др. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2002.

УДК 340.12

doi: 10.24412/1999-625X-2026-1100-95-102

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Советская военная администрация в Германии (1945–1949) как инструмент правовой конвергенции

Земфира Рустамовна Набиева

адъюнкт кафедры уголовного права¹,

✉ nabievaz@list.ru

¹ Казанский юридический институт МВД России (Казань, Россия)

В статье рассматривается проблема реформирования и перестройки бывшего фашистского государства, в рамках которых происходило сближение правовых систем Германии и Советского Союза. В ходе правовой конвергенции происходил синтез новых правовых норм и их сводов, позволивших в кратчайшие сроки создать социалистическое общество и государство из человеческого материала бывшей фашистской Германии. а новые правовые отношения — на базе правопонимания, сформированного в предшествующий период. При подготовке статьи изучен широкий круг специальной литературы, сборники опубликованных архивных документов и мемуары. Применялись основные общенаучные и специальные методы, включая сравнительно-юридический и историко-правовой. На этапе завоевания Германии и развертывания сил и средств Советской Армии до момента введения особого правового режима с прямым и безусловным военным правлением процесс правотворчества представлял собой преимущественно правовую экспансию. На втором этапе, после установления прочного порядка и утверждения системы местного и областного институтов власти, конвергенция правовых систем наблюдается максимально. Успешная работа советской военной администрации позволила уже через три года создать первое германское социалистическое государство, нормативная база которого создавалась в процессе правовой конвергенции.

Ключевые слова: Советская военная администрация, коммунисты, религия, оккупация, демократия, правовая конвергенция, Советская Армия, антифашисты, координация действия, правовая экспансия, помощь, поддержка, ГДР

Благодарности: автор выражает благодарность представителям старшего поколения, которые поделились собственными знаниями и впечатлениями. В первую очередь Венере Абдулловне Набиевой, Конраду Конрадовичу и Лидии Карловне Вельш, Зигфриду и Гизеле Кунце.

Для цитирования: Набиева З. Р. Советская военная администрация в Германии (1945–1949) как инструмент правовой конвергенции // Научный вестник Омской академии МВД России. 2026. Т. 32, № 1(100). С. 95–102.

Soviet Military Administration in Germany (1945–1949) as an Instrument of Legal Convergence

Zemfira R. Nabieva

post-graduate student at the chair of Criminal Law¹,

✉ nabievaz@list.ru

¹ the Kazan Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs (Kazan, Russia)

The article examines the problem of reforming and restructuring the former fascist state, within the framework of which there was a rapprochement of the legal systems of Germany and the Soviet Union. In the course of legal convergence, a synthesis of new legal norms and their codes took place, which made it possible to create a socialist society and a state from the human material of former fascist Germany as soon as possible, and new legal relations – on the basis of legal understanding formed in the previous period. To write this article the author studied a wide range of special literature, collected published archival documents and memoirs. The main general scientific and special methods were employed, including comparative legal and historical-legal methods. At the stage of the conquest of Germany and the deployment of forces and means of the Soviet army until the introduction of a special legal regime with direct and unconditional military rule, the process of rule-making was mainly a legal expansion.

At the second stage, after the establishment of a lasting order and the approval of the system of local and regional institutions of power, the convergence of legal systems is evident to the utmost. The successful work of the Soviet military administration made it possible three years later to create the first German socialist state, the regulatory framework of which was created due to the process of legal convergence.

Keywords: Soviet military administration, communists, religion, occupation, democracy, legal convergence, Soviet army, antifascists, coordination of action, legal expansion, assistance, support, the German Democratic Republic

Acknowledgments: The author expresses her gratitude to the representatives of a senior generation who shared their knowledge and impressions; primarily to Venera Abdullova Nabieva, Konrad Konradovich and Lidia Karlovna Velsh, Zigfried and Gizel Kuntse.

Citation: Nabieva Z. R. Soviet Military Administration in Germany (1945–1949) as an Instrument of Legal Convergence. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2026. Vol. 32, No 1(100). Pp. 95–102 (In Russ.).

Vae victis! (Горе побежденным!) — гласит римская поговорка, ставшая крылатым выражением, формулирующим древнее «право меча» в отношении к побежденным. Согласно этому правилу произвол победителей ограничивается только их командованием, исходящим из приоритета военной целесообразности. Этот принцип предполагает, что условия всегда диктуют победители, а побежденные должны покорно принять любое ухудшение своего положения. Однако на территории советской зоны оккупации Германии не только не наблюдалось ожидаемого массового террора, а напротив, советское командование с первых дней проявляло заботу о гражданском населении и старалось сохранить эффективные средства управления государством, в том числе нормы поведения и гражданские институты власти. Создание нового германского государства происходило под руководством Советской военной администрации путем многоуровневой систематизации права в рамках конвергенции правовых систем¹.

Тема деятельности Советской администрации очень хорошо и достаточно подробно рассмотрена в советской и немецкой историко-политической литературе [2, с. 7–8; 3; и др.]. Однако пока еще отсутствует работа, монографически освещающая проблему сближения и синтеза различных эффективных правовых систем — германского пандектного римского права, норм нацистской юриспруденции и советской правовой системы в рамках процесса правовой конвергенции. Автор учитывает марк-

систский принцип классового подхода, а также знаменитое немецкое стремление к порядку и русское великодушие, рассматриваемые нами в рамках темы как наследие обычного права и элемента правовой системы.

При подготовке статьи использовались расскрепленные данные архивов, сборники документов Советской военной администрации в Германии, публикации о ялтинско-потсдамской системе договоренностей, материалы специальной военно-политической литературы, воспоминания и мемуары участников послевоенной перестройки немецкого общества и государственных структур в восточной (советской) зоне оккупации. В ходе исследования применялись как общенаучные (синтез, анализ, сравнение...), так и специальные научные методы (интервью), а также сравнительно-юридический, историко-юридический методы.

5 июня 1945 г. главнокомандующие оккупационными войсками союзников выступили с заявлением о том, что они «принимают на себя верховную власть в Германии, включая полномочия германского правительства, верховного командования Вермахта, всех земельных, муниципальных и общинных властей. Взятие на себя союзниками таких полномочий и власти для вышеуказанных целей не является аннексией Германии» [4, S. 76]. 6 июня 1945 г. Совет Народных Комиссаров СССР принял решение о создании Советской военной администрации в Германии (СВАГ) и назначил маршала Г. К. Жукова ее главой [5, с. 39]².

¹ В современном международном правовом пространстве применяется понимание категории «правовая конвергенция», подобное тому, которое сформулировал А. Платас: «Правовая конвергенция — процесс сближения различных правовых систем и моделей правового регулирования международно-правовыми средствами» [1, р. 27–28]. По мнению В. В. Устинова, правовая система общества включает в себя следующие компоненты: институциональный (или организационный), нормативный, практический (или деятельностный), а также идеологический компоненты (URL: <https://bigenc.ru/c/pravovaia-sistema-3467da> (дата обращения: 12.07.2025)).

² СВАГ 1945–1949 гг. (Советская военная администрация Германии; нем. Sowjetische Militäradministration in Deutschland (SMAD)) — орган военной администрации, заменивший органы государственного управления в советской зоне оккупации Германии. Она отделялась от военного командования и подчинялась непосредственно СНК СССР. Главноначальствующим Советской военной администрацией был назначен маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

При оценке процесса взаимодействия СВАГ и населения Германии необходимо учитывать право-понимание как составную часть правовой системы³. Оно предполагает представления о сущности права.

Как отмечали современники событий (берлинская семья Кунце), многие немцы в 1945 г. понимали свою ответственность перед населением СССР и вполне закономерно ожидали жесточайших массовых репрессий со стороны Советской Армии и Советской военной администрации. Нужно сказать, что для этого были основания: на нашей территории фашисты оставляли за собой опустошенную землю без хлеба, городов, заводов.

Для сравнения приведем статистические данные сегодняшнего дня: при равных довоенных исходных показателях по численности населения Смоленская область (863 тыс. жителей) в несколько раз проигрывает Республике Татарстан (4 млн человек). Это при том, что прирост населения в Татарстане — «европейский». Но первая находилась под оккупацией фашистов, а вторая — нет. Эти цифры ярко иллюстрируют, что регионы, подвергшиеся фашистской оккупации, до сих пор не смогли преодолеть «демографическую яму», образовавшуюся в результате их временного господства.

С громом канонады приближающегося фронта для немцев приходило время расплаты. Страх возмездия в последние дни войны заставлял неисчислимые массы немецкого населения бежать по всем направлениям за пределы территорий, которые наверняка будут заняты нашими войсками.

К тому же все взрослые немцы имели крайне неприятный практический опыт поражения в Первой мировой войне. Несмотря на то что страны Антанты не устанавливали режим непосредственного управления побежденной Германией, условия «Версальского мира» были настолько жесткими, что более десяти лет большая часть населения Германии проживала в нищете. То же, но гораздо в большей степени, ожидалось и по итогам Второй мировой войны. После жертв, которые понесли СССР и отчасти Англия, надеяться на снисходительность победителей, по их мнению, было неразумно.

Подобные представления во многом определялись идеологической обработкой населения⁴.

Министерство пропаганды Й. Геббельса начало запугивать немцев уже с начала 1943 г., когда тезис о близкой победе внезапно для населения сменился на лозунг «непреодолимой обороны». Миллионы солдат-инвалидов рассказывали о реалиях и жестокости войны на Востоке, и надежды населения на достойный мир таяли, несмотря на то что гитлеровцы до 1945 г. сохраняли для немцев относительно благоприятные условия быта. Поэтому в качестве основного содержания деятельностного компонента новой правовой системы население Германии вполне оправданно ожидало от союзников дробления своей страны на мелкие субъекты и даже массовой депортации всего населения в отдаленные области Сибири.

Известно, что вопрос раздела Германии обсуждался на Тегеранской и Ялтинской конференциях. Вопрос депортации населения из различных областей Германии конкретизировался на Потсдамской мирной конференции (19 июля — 2 августа 1945 г.).

Однако советское правительство с самого начала Великой Отечественной войны неуклонно, уверенно и твердо стояло на принципах неделимости новой Германии и установления там после войны демократического режима. Так называемая система четырех «Д», утвержденная на Ялтинской конференции: демократизация, денацификация, демилитаризация, декартелизация⁵. Примечательно, что это положение, как и напоминание о том, что СССР выступал против жестких условий «версальского мира», было частью спецпропаганды с июля 1941 г.! [7].

Основными мотивами построения нового типа отношений с побежденными были постулаты марксизма и в особенности принцип «пролетарского интернационализма». Несмотря на то что призывы к классовой солидарности практически не работали на солдата Вермахта, пока дисциплинированный немец находился в боевом строю, они начинали работать после того, как солдат попадал в плен. Многие из немецких солдат, оказавшись в другой среде, вспоминали, что когда-то они были социал-демократами, а порой и коммунистами⁶. Для тех, кто не разделял взгляды марксистов, но осознал пагубность фашизма, Советская администрация также находила соответствующую нишу [7].

³ В качестве важного элемента правовой системы его рассматривает «Юридическая энциклопедия» под ред. М. Ю. Тихомирова [6, с. 671].

⁴ Идеологический компонент правовой системы общества выделяет «Большая российская энциклопедия» (URL: <https://bigenc.ru/c/pravovaia-sistema-3467/a> (дата обращения: 12.07.2025)).

⁵ Это очень важное положение, которое следует учитывать и применять в наши дни в связи с искаженной подачей украинскими СМИ фразы В. В. Путина о необходимости денационализации Украины. Они преподносят ее как стремление Москвы уничтожить украинскую нацию. Это международно признанный термин, обозначающий необходимость борьбы с нацизмом и находящийся в политическом обороте почти сто лет.

⁶ Об этом, в частности, вспоминала чета советских немцев Вельш, работавшая с пленными в офицерском лагере ГУПВИ НКВД СССР в г. Елабуга.

Эти солдаты и офицеры, приученные к подчинению советскому командованию, стали опорой советской Германии. Стержнем нового общества были идейно кристально чистые немцы-коммунисты, работавшие в СССР, и бывшие узники фашистских концлагерей. Наиболее зрелые антифашисты и коммунисты успешно принимали участие в Берлинской наступательной операции в составе так называемой «Армии Зейдлица». К сожалению, таких активистов было очень мало в пересчете на всю Германию. Однако вышеперечисленные категории стали той лояльной средой, которая инициативно воспринимала новые веяния.

Примечательно, что сторонниками новой власти и даже советскими разведчиками на Западе подчас становились и бывшие оголтелые нацисты, и даже служащие «СС». Нацистские начальники порой сдавали свои города без боя, чтобы сохранить их и мирное население. Иногда нацисты осознанно переходили в наш лагерь после того, как стали свидетелями бессмысленного уничтожения немецких городов с их мирным населением англо-американской авиацией. Немногие из числа современной молодежи знают, что ковровые бомбардировки Гамбурга и Лейпцига нанесли не меньший ущерб, чем ядерные бомбардировки Японии.

У Советской администрации с первых дней работы был надежный актив из антифашистов и коммунистов, который с течением времени постепенно оформился в государственную структуру Германской Демократической Республики (ГДР).

Уже в конце апреля 1945 г. из Москвы в Германию прибыли три группы ЦК КПГ, работу которых координировала одна из них — группа члена Политбюро ЦК КПГ Вальтера Ульбрихта, ставшая известной как «Бюро Ульбрихта» [7, с. 315].

В последующие дни в Германию прибывали группы по 100 человек и больше. В каждой из них немецкие политэмигранты, антифашисты из числа военнопленных, деятели Национального комитета «Свободная Германия», прошедшие политическую подготовку в СССР [7, с. 315]. Многие из них доказали свою надежность непосредственным участием в боевых действиях, во фронтовой спецпропаганде и диверсионных операциях.

Правопонимание и правовая традиция

Значительную роль в формировании новых правовых отношений сыграли традиционная законопослушность немцев и их предрасположенность к порядку. Вместе с тем советские солдаты, сами перенесшие ужасы войны, в основном с состраданием относились к мирному населению, и такое отношение вскоре нашло отклик у немцев.

Совсем иное отношение к немцам поначалу демонстрировали американцы. Это было традиционное отношение богатых господ-победителей к побежденным. Интересен эпизод, описанный американским журналистом Чарльзом Линдбергом, пожалевшим измученных немцев: «Проезжая мимо них, я уронил пачку сигарет: по инструкциям нам было запрещено подвозить немцев. Никакого братания. Запрещалось обмениваться рукопожатиями и подавать еду или сладости детям»⁷.

Особенностью советской оккупационной политики было то, что предстояло сформировать из бывшего вражеского населения лояльное, а из побежденной страны — будущего верного союзника. Этот аспект, в частности, приобретает особую актуальность в свете необходимости аналогичной работы на территории новых российских регионов.

*Деятельностный компонент правовой системы*⁸

В первые дни после боев жизнь населения строилась на основе приказов комендантов городов и районов, жизнь общества определялась волей и указами страны-победителя. Иначе говоря, юридическая политика советских оккупационных властей полностью соответствовала понятию «правовая экспансия».

Однако направленность этой правовой аккумуляции оказалась неожиданной для большинства немцев. Население сразу же начали кормить и благоустраивать. Например: берлинская электростанция, взорванная фашистами, была восстановлена уже 1 мая 1945 г. Основной объем рассекреченной документации Советской военной администрации в ГАРФ составляют документы, отражающие хозяйственную деятельность по всем направлениям экономики, вплоть до экспорта и импорта товаров⁹.

Правовое творчество руководства СВАГ, оперативно и однозначно решавшее целый комплекс задач,

⁷ Линдберг Чарльз. Поверженная Германия. URL: <http://world-war.ru/poverzhennaya-germaniya/> (дата обращения: 27.01.2025).

⁸ «Большая российская энциклопедия» под редакцией В. В. Устинова относит к деятельностному компоненту «состояние юридической практики, т. е. принятые способы правотворчества и реализации права (в том числе юридическая техника, стиль юридического мышления и юридической аргументации, практика принятия юридических решений), типичные формы юридически значимого поведения населения» (URL: <https://bigene.ru/c/pravovaia-sistema-3467da> (дата обращения: 12.07.2025)).

⁹ Документы ГАРФ и РГАСПИ о деятельности Советской военной администрации в Германии (СВАГ). 1945–1949. URL: <http://web.archive.org/web/20140224132503/> ; URL: <http://www.rusarchives.ru/secret/r7317.shtml> (дата обращения: 22.01.2025).

в какой-то мере можно сравнивать с «преторским правом» Древнего Рима. Многие вопросы решались оперативно исходя из принципа целесообразности. В ряде населенных пунктов Советская администрация оставляла (под контролем) на своих постах прежних бургомистров.

Однако стройная система взаимодействия институтов СВАГ и местной администрации теряла свою однозначность при общении с партийными органами. Современному поколению следует учитывать, что «ядром политической системы» была компартия, в связи с чем руководство германской компартии имело возможность поправлять деятельность и своей, и советской администрации, а также советского военного командования. До 1943 г. обе партии формально считались лишь секциями Коминтерна — единой мировой компартии, которую возглавлял болгарин Георгий Димитров.

Советская администрация создавала условия для строительства из побежденной враждебной страны общества социальной справедливости и своего будущего союзника. Поэтому с первых же дней мирной жизни с немецкими товарищами по партии стали формироваться основы нового законодательства. В связи с чем наблюдается новая тенденция в сфере правового взаимодействия (сближение правовых систем вплоть до синтеза новых общественных и правовых норм), выражаемая понятием *правовая конвергенция*.

В рамках правовой аккультурации изначально в работе СВАГ наблюдалось интереснейшее явление, когда немецко-фашистские нормы жизни, права, социального поведения и функционирования, а также институты Веймарской республики выборочно продолжали действовать в целях сохранения управляемости. В том числе сохранялся институт бургомистров и должности технических работников, медучреждения и структуры социального обеспечения.

Целый ряд нововведений и правил Советской администрации был уже привычен для рабочего класса Германии. Не многие в наше время знают, что нацистская партия Гитлера называлась «социалистической» и «рабочей», за 8 лет правления они провели немало успешных социальных реформ в интересах беднейших слоев немецкого населения и подняли уровень благосостояния немецких рабочих. Некоторые черты фашистской «новой жизни» копировались с советских достижений (детские и подростковые организации, передовики труда, звания матери-героини, мелодии песен и празднования дня трудящихся — 1 мая)¹⁰. Программы 100 % обеспеченности населения благоустроенным жильем, народный автомобиль в ГДР («Трабант») ставились

целью еще в Третьем рейхе (Фольксваген). Эти особенности общественной жизни помогали населению быстро акклиматизироваться в новой идеологической системе.

При этом, конечно же, следует помнить, что, в отличие от Советского Союза, НСДАП (*Национал-социалистическая рабочая партия Германии*) строила социализм только для немцев (высшей расы) за счет бесплатного или низкооплачиваемого труда многих миллионов «неполноценных» (*унтерменш*) людей. Специалисты отмечают: «С учетом смертей и дезертирства около 15 миллионов мужчин и женщин в какой-то момент во время войны были принуждены к труду. На пике принудительной политики внешние рабочие составляли до 20 % трудящихся фашистской Германии» [8, с. 483–502]. Кроме того, фашистский режим финансировался не только национальным капиталом, но и международными финансовыми кругами, обеспечившими, в частности, конвертируемость немецкой рейхсмарки. Это небольшое пояснение мы считаем необходимым в связи с продолжающейся информационно войной, стремящейся приравнять по своей сути фашистский и советский строй.

Институциональный (или организационный) компонент

Приказом главнокомандующего СВАГ Г. К. Жукова от 9 июля 1945 г. № 5 были назначены начальники Советской военной администрации земель и их заместители по гражданским делам. Уже в первой половине июля Г. К. Жуков рассмотрел и утвердил кандидатуры немецких президентов и вице-президентов земель и провинций [2, с. 100]. 13–14 ноября 1945 г. было проведено первое совещание руководителей федеральных земель [4, с. 151]. Тем самым было документально оформлено реальное начало процесса согласования элементов германской правовой системы и структур СВАГ.

Поощрялось мелкое частное предпринимательство [9, с. 123–135]. При этом крупное промышленное производство до 1953 г. вывозилось на территорию СССР в счет репараций [2; 5].

Интереснейшим явлением в первые годы жизни послевоенной Германии было создание целого ряда советских оборонных институтов и предприятий, большую часть штата которых составляли бывшие служащие нацистской Германии. Примечательно не только то, что они активно включились в эту деятельность, но и то, что ведущим сотрудникам порой создавались особые условия, соответствующие уровню бывшей нацистской элиты. Разумеется, эти особые условия имели место на территории советской зоны ответственности для особо ценных специали-

¹⁰ Социальная политика третьего Рейха. URL: <https://zadel.livejournal.com/61040.html> (дата обращения: 22.01.2025).

стов (отнюдь не партийных функционеров), которые помогали создавать для нашей страны ракеты, реактивные самолеты, ядерное и стрелковое оружие [10]. Некоторых ученых на особо льготных условиях вывозили в Советский Союз. Например, конструктора-оружейника Гуго Шмайсера или Героя социалистического труда ядерщика Николауса Рия. После завершения основного объема работы им разрешили вернуться в Германию.

Под проводимые реформы необходимо было создать идеологическое обоснование: немцы должны быть уверены, что Германия сохранится, но должна стать марксистской, демократической, с сохранением национальных черт и традиций [11, с. 118–151]. Для этого проводилось реформирование системы образования, в том числе и высшего. Здесь также пришлось идти на компромисс: несмотря на внедрение марксистских принципов в гуманитарные науки, многие элементы прошлых систем были сохранены. Коммунистов и проверенных социал-демократов было недостаточно, поэтому нередко преподавали (под пристальным контролем) прежние учителя [12]. Первые годы категорически запрещалось принимать на преподавательскую работу бывших членов НСДАП, их увольняли даже при наличии высокой квалификации [2, с. 342; 13].

Несмотря на подчеркнутую марксистскую направленность воспитания, в условиях противостояния «двух Германий» необходимо было продемонстрировать отсутствие русификации и коммунистической диктатуры. Поэтому изначально ставилась задача построения социализма с немецкими чертами.

Уже 11 июня 1945 г. к народу обратился руководитель Коммунистической партии Германии Вильгельм Пик. В своем выступлении он в частности заявил, что «было бы большой ошибкой навязывать Германии советскую систему» [5, с. 41]. В данном случае имелась в виду недопустимость бездумного копирования мероприятий, обусловленных сугубо российской спецификой многонационального общества и гражданской войны.

Для создания прочного союзного немецкого государства Правительство СССР шло на значительные уступки, например, в сфере административного деления Советский Союз не поддержал немецких полабских славян в их просьбе по созданию территориальной автономии между Эльбой и Одером¹¹. Стремясь подчеркнуть национальный характер, даже парадная военная форма ННА (армии ГДР) сохранила традиции Вермахта и Рейхсвера, тогда как форма Бундесвера менялась под стандарты НАТО.

В качестве существенного элемента демократического общества был реанимирован *институт многопартийности*.

Уже 10 июня 1945 г. СВАГ разрешила деятельность партий, не сотрудничавших с фашистами. В демократический блок вошли пять партий. Наряду с малочисленной Компартией для службы во всех госструктурах активно привлекались представители Социал-демократической партии (преимущественно из числа тех, кто пострадал от нацистов) [13, S. 123–135]. В 1946 г. путем объединения коммунистов и социал-демократов была создана правящая партия — Социалистическая единая партия Германии (СЕПГ) [5, с. 357–490].

Необходимо было учитывать наличие и авторитет религиозных сил и направлений, с которыми почти не приходилось ранее работать (католики, кальвинисты). Религиозные деятели Германии также подвергались гонениям в период гитлеризма и объективно могли быть лояльной средой. Несмотря на воинствующий атеизм советского и нового германского руководства, теперь религиозная деятельность не подавлялась. Напротив, налаживалось конструктивное сотрудничество [2, с. 330; 14; 15].

Таким образом, жизнь послевоенной Германии формировалась не только неуклонным строительством основ социалистического быта. Целесообразность обстоятельств определяла также необходимость применения прежних норм жизни и права.

За фразой «советский оккупационный режим» на самом деле стоит стремление советского руководства и германских марксистов построить общество социальной справедливости *демократическим путем*, без периода военного коммунизма, культурной революции и массовых репрессий. Этому способствовало то, что в Германии первые годы полностью отсутствовали силы, способные противостоять демократическим реформам, так как потенциальные оппозиционеры были опорочены сотрудничеством с фашистским режимом и подлежали судебному преследованию.

Нормативный компонент правовой системы

Уже в сентябре 1945 г. ряд региональных правительств стал освобождаться от повседневной опеки. Одним из первых был издан приказ начальника СВА Земли Саксония от 1 сентября 1945 г. № 76 о запрете военным комендантам вмешиваться в оперативную деятельность ландратов и бургомистров [2, с. 281].

¹¹ Независимость ГДР в области истории нередко противоречила советской на уровне древней истории. Они, например, заявляли, что славянские племена восточной Германии ранее указывались как германские. Порой они даже отказывались закупать рекомендуемые книги ряда авторитетных в СССР историков, например, Б. Грекова.

Делегирование реальных властных полномочий на уровень регионального немецкого управления можно отсчитывать от приказа Главного начальствующего СВАГ и Главнокомандующего ГСОВГ от 26 октября 1945 г. № 110 «О предоставлении права провинциальным управлениям и управлениям федеральных земель в Советской зоне оккупации Германии издавать законы и постановления, имеющие силу закона» [2, с. 301]¹². Этот приказ отдавал дань немецкой правовой традиции. В отличие от централизованной власти в России / СССР, которая распространяла свою власть и делегировала свои полномочия сверху, германский федерализм традиционно формировался волеизъявлением регионов во имя общих интересов.

Примерно в то же время был издан приказ о судебном производстве среди немцев, для осуществления которого признавались кодексы Веймарской Республики. В Уголовное уложение Германской империи был инкорпорирован ряд статей, соответствующих современным особенностям страны и идеологии. Новое уложение было введено лишь в 1968 г. Таким образом, на начальном этапе деятельности СВАГ одновременно функционировало несколько правовых источников для рассмотрения дел разной юрисдикции.

В 1946–1947 гг. были приняты конституции федеральных земель Восточной Германии.

Советская администрация изначально создавалась как временная структура, и это программное положение неуклонно претворялось в жизнь. Известный в России современный немецкий историк Матиас Уль приводит следующие показательные цифры: если изначально численность СВАГ составляла 50 тыс. чел., то в 1949 г. их осталось менее 15 тыс. [5, с. 40]. Эти данные косвенно свидетельствуют о тенденции передачи функций управления немецкой администрации.

Среди открытых для использования документов ГАРФ сохранилось заявление представителя Советской контрольной комиссии в Тюрингии И. С. Колесниченко об упразднении Советской военной администрации и передаче ее функций немецким органам управления 17 ноября 1949 г. [4, S. 276].

Всего через три с небольшим года после создания СВАГ была упразднена¹³. Осенью 1949 г. была принята Конституция Германской Демократической Республики — первой социалистической страны на германских территориях [13, S. 219, 244]. Маленькая страна ГДР очень скоро вошла в десятку развитых

государств мира, стала спортивной державой и одной из самых успешных моделей социализма. Немаловажная заслуга в этом принадлежит деятельности СВАГ.

Создание нового подлинно демократического Германского государства происходило путем многоуровневой систематизации права в рамках конвергенции правовых систем. Рассмотрение конвергенции правовых систем в ходе становления ГДР позволяет утверждать, что она осуществлялась в полном объеме в соответствии с компонентами, указанными в Большой российской энциклопедии.

В ходе правовой аккультурации советского права в Германии процесс юридической конвергенции постоянно набирал силу, переходя от уровня правовой экспансии к синтезу новых форм и структур.

На этапе завоевания Германии и развертывания сил и средств Советской Армии до момента введения особого правового режима с прямым и безусловным военным правлением процесс правовотворчества представлял собой преимущественно правовую экспансию. На втором этапе, после установления твердого порядка и утверждения системы местного и областного институтов власти, процесс конвергенции правовых систем был выражен максимально.

Синтез новых норм определялся не только опытом преобразований в СССР, но и целесообразностью, которая учитывала особенности традиций и правопонимания немецкого народа, готовности немецкой экономики и влияние западных «союзников».

Реальные условия деятельности советских оккупационных органов побудили дополнять централизованную модель управления моделями с горизонтальной координацией действий, наделением их более высоким уровнем самостоятельности в принятии решений в хозяйственной сфере.

Взаимодействие советских норм права и традиционного немецкого пандектного римского права можно рассматривать в качестве примера правовой конвергенции.

Советская военная администрация в Германии как инструмент правовой конвергенции полностью оправдала себя. Успешная работа СВАГ позволила уже через три года создать первое германское социалистическое государство, нормативная база которого формировалась в процессе правовой конвергенции.

¹² ГСОВГ — Группа советских оккупационных войск в Германии, позже — ГСВГ.

¹³ Энциклопедия ГДР рядом со статьей о СВАГ разместила статью о Советской контрольной комиссии в Германии (частично продолжавшей контроль за обстановкой), в которой корректно указывает, что деятельность СККГ продолжалась до 1953 г. [16, S. 593].

Ярким примером народной памяти об успешной работе СВАГ можно считать решение берлинской администрации 2003 г. о восстановлении в статусе почетного гражданина Берлина первого его советского коменданта — Николая Эрнстовича Берзарина. Его именем названа площадь.

Список источников

1. *Platsas, Antonios*. The Concept of Legal Convergence // Are Legal Systems Converging or Diverging? (Lessons from Contemporare crises / ed. Emil Ghio an Ricfrdo Perligerio. Springer Cham, 2024.
2. СВАГ и немецкие органы самоуправления, 1945–1949 / отв. ред. и отв. сост. Н. В. Петров; сост.: О. В. Лавинская, Д. Н. Нохотович. М., 2006.
3. *Schuster R. (Hrsg.)* Deutsche Verfassungen. München, 1992.
4. *Dokumente zu Deutschland 1944–1994*. München: JLZOG Verlag, 2004.
5. Советская военная администрация в Германии (1945–1949). СВАГ и формирование партийно-политической системы в советской зоне оккупации Германии. 1945–1949 : сб. документов : в 2 т. / отв. ред. В. В. Захаров, Н. Катцер, М. Уль ; сост. В. В. Захаров. М., 2014. Т. 1.
6. *Юридическая энциклопедия* / под ред. М. Ю. Тихомирова. М., 2001.
7. *Бурцев М. И.* Прозрение. М., 1981.
8. *Panikos Panayi*. Exploitation, Criminality, Resistance. The Everyday Life of Foreign Workers and Prisoners of War in the German Town of Osnabrück, 1939–49 // Journal of Contemporary History. 2005. Vol. 40, No. 3.
9. *Филитов А. М.* СССР и ГДР: год 1953-й // Вопросы истории. 2000. № 7.
10. *Чертюк Б. Е.* Ракеты и люди. М., 1999.
11. *Волков В. К.* Германский вопрос глазами Сталина (1947–1952) // Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, М., 1999.
12. *Nikitin P. S.* Zwischen Dogma und gesundem Menschenverstand. Wie ich die Universitäten der deutschen Besatzungszone «sowjetisierte». Erinnerungen des Sektorleiters Hochschulen und Wissenschaft der Sowjetischen Militäradministration in Deutschland. Berlin, 1997.
13. *Manfred Heinemann*: Hochschuloffiziere und Wiederaufbau des Hochschulwesens in Deutschland 1945–1949. Die Sowjetische Besatzungszone. Berlin, 2000.
14. *Нефёдов В. В.* СЕПП и СТД ГДР в свои первые годы // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего. Пенза, 2006. Вып. 7.
15. СВАГ и религиозные конфессии советской зоны оккупации Германии. 1945–1949 : сб. документов / под ред. В. В. Захарова. М., 2006.
16. *Neues Meyers Lexikon in acht banden/ unter Leitung A. M. Uhlmann*. Leipzig, 1964.

УДК 172.4

doi: 10.24412/1999-625X-2026-1100-103-108

5.7.7. Социальная и политическая философия

Естественное состояние как неустранимый элемент политического

Наталья Александровна Балаклеец

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук¹,

✉ bnatalja@mail.ru

¹ Самарский государственный технический университет (Самара, Россия)

Рассмотрена проблема присутствия элементов естественного состояния в условиях оформившихся политических отношений. Показана смысловая неоднородность дискурсов о естественном состоянии (Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо). Раскрыты векторы рецепции идей Т. Гоббса современными теоретиками «вечного мира» и современными сторонниками глобального суверенитета. Будучи понято в качестве угрозы политическому, естественное состояние рассматривается как онтологически неподлинный и деструктивный феномен, подлежащий преодолению. В политической философии решение проблемы устранения анклавов дополитического из структуры внутри- и внешнеполитических отношений привело к созданию многоуровневых конструкций. Элиминация естественного состояния из зрелой государственной жизни мыслится в них как поэтапный процесс, предполагающий заключение общественного договора не только между индивидами, но и между суверенами. Признание онтологической неустранимости естественного состояния из структуры политического (Дж. Агамбен, Ф. Анкерсмит) влечет за собой отказ от жесткой дихотомии «дополитическое — политическое», характерной для концепции Т. Гоббса.

Ключевые слова: естественное состояние, политическая философия, политическое, дополитическое, общественный договор, суверенитет

Для цитирования: Балаклеец Н. А. Естественное состояние как неустранимый элемент политического // Научный вестник Омской академии МВД России. 2026. Т. 32, № 1(100). С. 103–108.

Natural State as an Ineradicable Element of the Political

Natalia A. Balakleets

Candidate of Science (in Philosophy), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of Philosophy, Humanities and Social Sciences¹,

✉ bnatalja@mail.ru

¹ Samara State Technical University (Samara, Russia)

The problem of the presence of elements of the natural state in the conditions of established political relations is under consideration. The semantic heterogeneity of discourses about the natural state is shown (Th. Hobbes, J. Locke, J.-J. Rousseau). The vectors of receiving Th. Hobbes' ideas by modern theorists of the "eternal world" and modern supporters of global sovereignty are revealed. Understood as a threat to the political, the natural state is seen as an ontologically inauthentic and destructive phenomenon to overcome. In political philosophy, solving the problem of eliminating pre-political enclaves from the structure of domestic and foreign policy relations has led to the creation of multi-level structures. The elimination of the natural state from mature state life is conceived in them as a phased process, which involves making of a social contract not only between

individuals, but also between sovereigns. The recognition of the ontological ineradicability of the natural state from the structure of the political (G. Agamben, F. Ankersmit) entails the rejection of the rigid dichotomy "pre-political— political", characteristic of the concept of Th. Hobbes.

Keywords: natural state, political philosophy, the political, the pre-political, social contract, sovereignty

Citation: Balakleets N. A. Natural State as an Ineradicable Element of the Political. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2026. Vol. 32, No 1(100). Pp. 103–108 (In Russ.).

Одним из центральных концептов политической философии является концепт естественного состояния. Несмотря на солидный «возраст» указанного концепта, современная философская мысль не только не сбрасывает его со счетов, но и открывает его содержание и смысловые аналоги как применительно к современности, так и к более ранним этапам развития человечества. Именно «естественное состояние» служит одним из самых ярких (пусть и подчас метафорических) маркеров современности. Продолжаются поиски следов его присутствия в зрелой политической и социальной жизни, будь то террористические угрозы, эвентуальные последствия краха финансовой системы или «война всех против всех» в киберпространстве. Цель настоящей статьи — выявить способы философской рефлексии элементов естественного (дополитического) состояния в системе политических отношений.

Исследование рецепции идей классиков политической философии Нового времени (Т. Гоббса [1], Дж. Локка [2], Ж.-Ж. Руссо [3]) затруднено отсутствием в их работах единства в понимании и нравственной оценке естественного состояния. Концепции общественного договора, развиваемые разными философами, не выстраиваются в стройную теоретическую линию, допуская возможности «побочных рядов». Так, автором, осуществляющим радикальный разрыв с гоббсовской трактовкой естественного состояния, может быть признан Ж.-Ж. Руссо. В его понимании негативные черты, которые английский теоретик приписывал существованию человека в естественном состоянии, напротив, формируются лишь в гражданском обществе, но при этом выдают себя «за естественные и досоциальные» [4, с. 330]. В противоположность Т. Гоббсу, выступавшему апологетом сильного государства, Ж.-Ж. Руссо снижал себе репутацию революционного философа. Интерпретируя руссоистскую версию концепции общественного договора с опорой на идеи И. Фихте, Г. Еллинек называет ее в доведенном до логического завершения варианте «не учреждающей, но разрушающей государство» [5, S. 217]. Кроме того, из общей контекстуальной канвы политико-философских исследований естественного состояния «выбиваются» идеи Дж. Локка: мыслителя занимает вопрос не отношения отдельных индивидов между собой в до-

политическом состоянии, но «отношения человека к земле» [6, S. 65].

Отправной точкой теоретического анализа в рамках настоящей статьи служат идеи Т. Гоббса, т. е. естественное состояние связывается с насилием и деструктивностью в межчеловеческих и межгосударственных отношениях. Напомним, что подробное описание естественного состояния приведено в главе XIII «Левиафана». К его основным чертам следует отнести дополитический и доправовой характер, дезинтегрированность пребывающих в нем индивидов и неупорядоченность форм их взаимодействия, отсутствие общих моральных принципов (у каждого свое представление о справедливости), равенство в возможности причинить вред другому лицу. Интерпретации идей Т. Гоббса демонстрируют разные варианты решения вопроса о связи естественного состояния с конкретно-историческими формами организации социального. Уже Г. Еллинек в труде «Общее учение о государстве» отмечает, что концепцию общественного договора некорректно рассматривать в качестве научного свидетельства, проливающего свет на исторические причины происхождения государства [5, S. 214]. В современном философском и социально-гуманитарном дискурсе наряду с трактовкой естественного состояния как чисто умозрительного конструкта присутствуют попытки возведения его содержания к конкретно-эмпирическим формам. Первую из приведенных точек зрения отстаивает, в частности, А. Ф. Филиппов, подчеркивающий, что гоббсову «войну всех против всех» не следует понимать «исторически конкретно»: она представляет собой «идеализацию процесса, причем процесса генетического, порождающего новое» [7, с. 111]. Сторонником второй теоретической установки является О. Эберль, возводящий генезис концепции естественного состояния к дискурсу колониализма и усматривающий смысловое родство между концептами «естественное состояние» и «варварство / дикость» [8]. На наш взгляд, активная ассимиляция указанного концепта философским дискурсом позволяет рассматривать его в качестве важнейшего основополагающего средства осмысления насилия. Колониальные смыслы, привязывающие «естественное состояние» к жизни отдельных народов,

со временем приобрели латентный характер, так что сегодня они неочевидны и требуют экспликации. Напротив, понимание концепта «естественное состояние» в качестве «идеального типа» ставит его в один ряд с такими «идеально-типическими» средствами политико-философской рефлексии насилия, как миметическая модель войны, предложенная К. фон Клаузевицем, или «дуэльное» представление о войне, ведущейся «законными врагами», изложенное К. Шмиттом [9, с. 300].

За долгую историю политико-философского дискурса, начиная с Нового времени, кристаллизовалась оппозиция естественного и гражданского состояний, ставшая одновременно хрестоматийной и стереотипной. Как отмечают О. Эберль и С. Лехнер, в теории общественного договора учреждение государства представлено как многоступенчатый процесс. Первая ступень — естественное состояние — представляет собой дополитическую структуру, в которой отсутствуют право и порядок. Вторая ступень — непосредственно сам общественный договор — является гипотетическим способом установления единства между индивидами путем использования правовых и политических институтов. Наконец, третья ступень — гражданское государство (*der bürgerliche Staat*) — есть состояние, в котором действуют государственные и правовые институты [10, S. 3–4]. На наш взгляд, данная трехступенчатая схема смешивает результат человеческой активности (общественный договор) со способами ее организации (естественное и государственное состояния). Кроме того, она исходит из жесткого противопоставления естественного (дополитического) и политического состояний, так что создается впечатление целостности и завершенности последнего. Сама по себе бинарная оппозиция крайних полюсов, связанных посредством общественного договора, огрубляет архитектонику каждого из них. Вместе с тем следует обратить внимание на проблему непреодолимости естественного состояния в условиях зрелой государственной жизни, которая была эксплицирована и самим Т. Гоббсом, и развивавшими его идеи мыслителями. В частности, пути решения указанной проблемы рассматриваются авторами трактатов о вечном мире И. Кантом, И. Гёресом, Ф. Генцем [11]. В государственном (гражданском) состоянии не устранены деструктивные черты как внутри-, так и внешнеполитического взаимодействия акторов.

Политическое включает в себя элементы дополитического и нуждается в дополнительных средствах его регуляции или преодоления. Как отмечает Т. Гоббс, «короли и лица, облаченные верховной властью, вследствие своей независимости всегда находятся в состоянии непрерывной зависти и в сос-

тоянии и положении гладиаторов, направляющих оружие друг на друга и зорко следящих друг за другом. Они имеют форты, гарнизоны и пушки на границах своих королевств и постоянных шпионов у своих соседей, что является состоянием войны» [1, с. 97]. Подобно тому, как среди людей, не признающих верховную власть, имеет место «непрерывная война каждого против своего соседа», суверенные государства, пользующиеся «абсолютной свободой» в осуществлении своих представлений о благе, «живут в состоянии непрерывной войны и готовности к бою» [1, с. 167]. Как видим, уже автор «Левиафана» проводит аналогию между естественным состоянием между индивидами и межгосударственным «естественным» состоянием, принципиально не отличая дополитические формы осуществления насилия от их политических форм.

Рецепция данной аналогии мыслителями эпохи Просвещения послужила катализатором рефлексии средств достижения «вечного мира». Так, И. Кант исходит из очевидного для него изоморфизма между действиями индивидов и государств, связывая характерное для них «естественное состояние» с неправовым способом существования. «Естественным» для государственного способа существования является состояние войны, тогда как мир, тем более «вечный мир» как политический и нравственный идеал, должен быть установлен. Знаменитый призыв немецкого классика к созданию «*союза народов*, который, однако, не должен быть государством народов» [11, с. 212–213], продиктован направляющим его интеллектуальные поиски политическим идеалом правового способа существования как в межличностном, так и в межгосударственном отношении. Полемизируя с И. Кантом, Ф. Генц отстаивает тезис о неустранимости естественного состояния между государствами. Эвентуальную возможность его преодоления мыслитель связывает с созданием единого мирового государства, вместе с тем признавая химеричность подобного сценария в развитии международных отношений [11, с. 337]. Тем самым противоположностью естественного состояния выступает «вечный мир» как утопический социально-политический конструкт. На фоне концепций, признающих состояние «войны всех против всех» естественным не только в межчеловеческих, но и в международных отношениях, выделяется точка зрения И. Гёрреса, оспаривающего правомерность подобного отождествления. Мыслитель исходит из двух вариантов реализации международных отношений: либо они полностью отсутствуют, либо являются законосообразными [11, с. 282] (как будет показано далее, данное положение И. Гёрреса воспроизводится сегодня крити-

ками концепции глобального суверенитета, однако с привлечением иных аргументов).

Концепт «естественное состояние», под которым понимается угроза международному политическому порядку (и в то же время его неотъемлемый компонент), присутствует и в современной политико-философской мысли. Политический философ XX в. Б. де Жувенель усматривает прецедент заключения договора между политическими субъектами, находящимися в «естественном состоянии», в создании Лиги Наций. Однако подобный способ преодоления «войны всех против всех» в межгосударственном масштабе носил искусственный и недолговременный характер: «это искусственное тело распалось, поскольку в нем не было власти, поддерживаемой трансцендентным правом, которому права частей не были бы противопоставлены» [12, с. 81]. Среди современных политических мыслителей проблеме сохранения элементов естественного состояния в мировом масштабе уделяет внимание П. Келли, который ссылается на авторов, развивающих теорию глобального правления. По аналогии с тем, как заключение общественного договора устанавливает границы политического порядка и останавливает произвол в отношениях между индивидами, договор между суверенными государствами призван установить «глобальный иерархический порядок, или всемирное государство» [4, с. 254]. Критически оцениваемые П. Келли попытки проектирования новой конфигурации политического, основанной на идее глобального суверенитета, имплицитно тезис о недостаточности мер обеспечения безопасности, предпринимаемых в рамках сложившейся системы национальных государств.

Таким образом, предлагаемые политической философией варианты решения проблемы преодоления естественного состояния как состояния всеобщей ненависти, вражды и недоверия предполагают, по меньшей мере, двухуровневую структуру. Во-первых, общественный договор, учреждающий государственный суверенитет, служит средством ограничения насилия, обеспечения порядка и безопасности внутри отдельного политического единства (государства). Нерешенной в данном случае остается проблема сдерживания / устранения межгосударственного насилия. Анклавы «естественного состояния» сохраняются в международных политических отношениях. Сфера внутренней политики, порядок в которой гарантирован учрежденным общественным договором сувереном, отделяется от внешнеполитической сферы. Во-вторых, угроза насилия в международном масштабе провоцирует необходимость заключения нового, более масштабного общественного договора (или целой

серии подобных договоров), уже не между отдельными индивидами, но между политическими суверенами. Иными словами, область взаимодействия политических суверенов может быть осмыслена как аналог деструктивных межчеловеческих отношений. Между дополитическим как отправной точкой конституирования полюса стабильности и безопасности и общественным договором в глобальном масштабе возможны и «промежуточные звенья». В качестве таковых выступают, в частности, межгосударственные альянсы и военно-политические блоки, призванные обеспечить безопасность в определенных политических границах. Вклад политической философии в решение проблемы преодоления «естественного состояния» между государствами заключается в экспликации тех средств, которые могли бы если не устранить, то, по крайней мере, минимизировать межгосударственные конфликты.

Приведенная выше аналогия между естественным состоянием в дополитическом взаимодействии индивидов (с одной стороны) и в межгосударственных отношениях (с другой стороны) является неоспорной и нуждается в специальном прояснении. Как показывает П. Келли, существует ряд веских доводов против отождествления международного порядка с естественным состоянием, характерным для догосударственных отношений (и в данном пункте политический мыслитель воспроизводит упомянутый нами ранее вывод И. Гёрреса). Логика П. Келли такова. Во-первых, Т. Гоббс указывает не на саму войну как нормальное или естественное состояние между государствами, но лишь на ее постоянный риск. Тем самым автор не закладывает в свою теорию двухстадийную логику (необходимость двойного заключения общественного договора не только между индивидами, но и между суверенами). Во-вторых, межгосударственные отношения лишены таких элементов естественного состояния, как постоянная угроза смерти (политические сообщества являются довольно устойчивыми и воспроизводят себя во времени) и примерное равенство сил: государства находятся в разных «весовых категориях», тогда как индивиды в естественном состоянии, согласно Т. Гоббсу, характеризуются изначальным, природным равенством в отношении физических и интеллектуальных способностей, а также «равенством надежд на достижение целей» [1, с. 94]. В силу отсутствия постоянного страха смерти и «равенства сил», служащего источником уязвимости, суверены далеко не всегда избирают такой способ утверждения своего наличного бытия, как война, практикуя заключение межгосударственных союзов. В-третьих, отталкиваясь от знаменитой гоббсовской характеристики естественного состояния как «мира без торговли, промышленности и искусства», меж-

дународный порядок следует трактовать как состояние, которое, напротив, обеспечивает реализацию указанных видов человеческой активности. В политическом состоянии, конституируемом суверенными государствами, осуществляется социальное общение, которое отсутствует во время «войны всех против всех» [4, с. 254–256].

Естественное состояние, проблематизируемое исходя из оппозиции «дополитическое — политическое», выступает в качестве элемента, разрушительного для структуры политических отношений. Однако в политической философии существует и альтернативная точка зрения, в соответствии с которой оно трактуется как конститутивный элемент политического, имеющего неоднородный характер. Следовательно, в данном случае установка на элиминацию естественного состояния из структуры политического лишается смысла. Подобную трактовку разделяют, в частности, Дж. Агамбен и Ф. Анкерсмит. Согласно Дж. Агамбену, элементы естественного состояния сохраняются и в государственной жизни: «Гоббсово естественное состояние не является ситуацией, предшествующей всякому правовому установлению, чем-то внеправовым — оно есть исключение и граница, это общество конституирующие и внутренне ему присущие» [13, с. 138]. Ф. Анкерсмит принадлежит интерпретация идей Т. Гоббса с позиций философского перспективизма. Согласно автору книги «Эстетическая политика...», переход к государственному состоянию характеризуется принятием единой точки зрения (перспективы), возвышающейся над частными эгоистическими интересами индивидов: «в Левиафане, современном суверенном государстве, и посредством него объединяются не отдельные граждане, а их точки зрения» [14, с. 317]. Таким образом, установление политического суверенитета имеет эпистемологическое измерение. Государство, чья точка зрения принимается и разделяется членами политического сообщества, являет собой политический аналог трансцендентального Я в философии. Последнее выступает условием нашего познания мира, но само при этом остается непроблематизируемым. Аналогичным образом «возвышенная точка зрения» государства представляет собой совокупность трансцендентальных предпосылок, организующих наши индивидуальные действия. При этом Ф. Анкерсмит подчеркивает, что учреждение «полноценного суверенного политического центра» вполне совместимо с возможностью реализации эгоистических интересов индивидов. Единая точка зрения, принимаемая гражданами государства, с одной стороны, отождествляет их «с точкой зрения суверенного центра», с другой стороны, не отменяет существование элементов естественного состояния (эгоизм, агрес-

сивность и др.) [14, с. 317–318]. Подобно Т. Гоббсу и одному из самых известных его последователей в XX в. К. Шмитту, Ф. Анкерсмит занимает мировоззренческую и теоретическую позицию «на стороне государства», полагая, что оно «все равно останется единственным институтом, который может, по крайней мере, с какой-то надеждой на успех решать социальные и политические проблемы, с которыми мы сталкиваемся» [14, с. 414]. Однако, в отличие от К. Шмитта, критикующего плюрализм в структуре суверенной политической власти [15, с. 319], Ф. Анкерсмит осуществляет рецепцию идей Т. Гоббса, включая его дискурс в плюралистическую внутриполитическую повестку.

Таким образом, на основе проведенного анализа эксплицированы два способа определения онтологического статуса «естественного состояния» (понимаемого в русле рецепции идей Т. Гоббса) в современной философии. Для первого из них характерно его понимание как феномена, инородного политическому, выступающего в качестве угрозы для его функционирования и подлежащего элиминации из его структуры. Закономерным следствием подобного алармистского взгляда является установка на устранение очагов естественного состояния из политической жизни (включая поиск мер его международно-правового регулирования). Для второго способа проблематизации естественного состояния характерно признание его онтологической релевантности политическому и принципиальной неустранимости из его структуры.

Современная политико-философская рефлексия естественного состояния вносит вклад в решение интеллектуальной и политической дилеммы *Staatenwelt vs Weltstaat* («мир, образованный государствами» vs «мировое государство») [9, с. 17], которая обнаруживает свою актуальность в условиях глобализации и угроз национальному суверенитету. Апология глобального суверенитета предполагает акцентирование конфликтного характера межгосударственного взаимодействия и его негативных последствий (это характерно как для философов-просветителей, разрабатывающих проекты «вечного мира», так и для современных авторов, выступающих критиками системы национальных государств и апологетами глобальных трансформаций политического). Отказ отождествлять сферу межгосударственного взаимодействия с естественным состоянием на уровне «капиллярного» взаимодействия между индивидами предполагает обнаружение в первой элементов порядка и предсказуемости. Тем самым та конструкция политического, которая исходит из существования национально-государственного суверенитета, не подвергается критике как неустойчивая или рискованная.

Список источников

1. Гоббс Т. Сочинения : в 2 т. М., 1991. Т. 2.
2. Локк Дж. Сочинения : в 3 т. М., 1988. Т. 3.
3. Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми // Руссо Ж.-Ж. Тракаты. М., 1968.
4. Келли П. Конфликт, война и революция: проблема политики в концепциях международных отношений. М., 2025.
5. Jellinek G. Allgemeine Staatslehre. Berlin, 1914.
6. Weiler E. Vom Gemeinbesitz zum Privateigentum? // Zeitschrift für Politische Theorie. 2024. № 1.
7. Филиппов А. Ф. Актуальность философии Гоббса // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8, № 3.
8. Eberl O. Naturzustand und Barbarei. Begründung und Kritik staatlicher Ordnung im Zeichen des Kolonialismus. Hamburg, 2021.
9. Балаклеец Н. А. Война и ее трансформации в современном обществе: опыт политико-философского анализа : монография. СПб., 2024.
10. Eberl O., Lechner S. Der Naturzustand zwischen Kontext und Konstruktion: methodische Bedingungen politischer Theoriebildung // Zeitschrift für Politische Theorie. 2024. № 1.
11. Тракаты о вечном мире : сб. статей / сост. И. С. Андреева и А. В. Гулыга ; предисл. Ф. В. Константинова. СПб., 2003.
12. Жувенель Б. де. Власть: естественная история ее возрастания. М., 2011.
13. Агамбен Дж. Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М., 2011.
14. Анкерсмит Ф. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М., 2014.
15. Шмитт К. Понятие политического. СПб., 2016.

УДК 101:343.9.01

doi: 10.24412/1999-625X-2026-1100-109-113

5.7.7. Социальная и политическая философия

5.7.8. Философская антропология, философия культуры

Возрождение биокриминологии в СССР (1970–1980 гг.): ученые против командно-административной системы

Вячеслав Юрьевич Васечко

доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник¹,

✉ vyacheslavpetro@yandex.ru

¹ Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург, Россия)

Научное исследование некоторой проблемы только тогда может быть полноценным и успешным, когда для ее исследования максимально используются все средства и методы, имеющиеся на данный момент в распоряжении сообщества ученых. В СССР на протяжении многих десятилетий этот принцип нарушен по крайней мере в отношении проблем социально-гуманитарного характера, в том числе проблемы преступности. В период 1930–1960 гг. из арсенала советской криминологии в силу идеологических и административных запретов был исключен метод медико-генетического анализа личности преступника. Только с 1970-х гг. благодаря совместным усилиям ряда прогрессивно мыслящих и социально неравнодушных ученых — генетиков, медиков, психиатров и юристов — в стране началось возрождение биокриминологии. Однако на пути этого процесса встали верность многих руководящих деятелей идеологическим догмам марксизма-ленинизма и инерция мышления старшего поколения работников правоохранительной системы. Особенности, перипетии и трудности данного периода истории отечественной криминологии являются предметом настоящей статьи.

Ключевые слова: биокриминология, ломброзианство, личность преступника, Н. П. Дубинин, В. П. Эфроимсон

Для цитирования: Васечко В. Ю. Возрождение биокриминологии в СССР (1970–1980 гг.): ученые против командно-административной системы // Научный вестник Омской академии МВД России. 2026. Т. 32, № 1(100). С. 109–113.

Revival of Biocriminology in the USSR (1970-80s): Scientists against the Command and Administrative System

Vyacheslav Yu. Vasechko

Doctor of Science (in Philosophy), Associate-Professor, leading researcher¹,

✉ vyacheslavpetro@yandex.ru

¹ the Institute of Philosophy and Law of the Ural branch of Russian Academy of Science (Yekaterinburg, Russia)

The scientific research of some problem can only be comprehensive and successful when all means and methods, which are at the disposal of the scientists' community, are employed to the utmost. In the USSR this principle had been violated for decades at least with regard to the problems of social and humanitarian character, including the problems of criminality. From 1930 to 1960 due to the ideological and administrative prohibitions the method of medical genetic analysis of the criminal identity was excluded. It was only in the 1970s owing to the joint efforts of a number of progressive and socially concerned scientists — geneticists, medical workers, psychiatrists and lawyers — when the revival of biocriminology began. However, loyalty of many leaders to ideological dogmas of Marxism-Leninism and inertia in thinking of the senior generation of the law enforcement staff were hindering this process. The object of this article includes peculiarities, upheavals and hardships of this period of history in the national criminology.

Keywords: biocriminology, Lombrosianism, identity of a criminal, Dubinin N. P., Efroimson V. P.

Citation: Vasechko V. Yu. Revival of Biocriminology in the USSR (1970–1980s): Scientists against the Command and Administrative System. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2026. Vol. 32, No 1(100). Pp. 109–113 (In Russ.).

Разгром советской генетики в 1930–1940-х гг. серьезно отразился и на криминологических исследованиях, которые интенсивно велись в СССР в 1920-х — начале 1930-х гг. Какая-либо серьезная работа в области поиска биологических корней преступности, уголовной антропологии и медицинской криминологии была свернута. В официальном дис-

курсе возобладал тезис об абсолютной детерминации девиантного поведения личности внешними социокультурными факторами. Однако в середине 1960-х гг. параллельно с отстранением группы академика Т. Д. Лысенко от властных академических рычагов стала постепенно изменяться ситуация не только в биологии, но и в близких к ней социально-гумани-

тарных науках. В частности, началось возрождение биокриминологии, много десятилетий до этого находившейся под запретом. Особенности, сложности и перипетии данного процесса являются предметом рассмотрения в настоящей статье.

Середина XX в. на Западе, особенно 1950–1960 гг., была временем не только эпохальных открытий в области генетики, но и практического их приложения к новым предметным областям, в том числе и непосредственно связанным с проблемами общества и человека. Например, открытие хромосомных аномалий (типа «синдрома ХУУ»), процент которых у преступников-рецидивистов в разы превышает среднестатистический уровень, также требовало внесения существенных корректив в традиционные криминологические схемы и теории исправления преступников. Ученые в СССР, следившие за зарубежными новациями в области криминологии, с начала 1970-х гг. также получили возможность более или менее свободно озвучивать свое мнение.

Одной из первых работ, где было открыто заявлено, что «ломброзианская» идея о существовании особого антропологического типа («преступной личности») должна обсуждаться в рамках науки, стала статья «Родословная альтруизма», опубликованная в популярном литературном журнале «Новый мир» [1]. Ее автор, генетик В. П. Эфроимсон (1908–1989), выдвигая аргументы в пользу того, что эволюция человека ведет к накоплению в его геноме задатков к общественно полезному, высоконравственному поведению («генов альтруизма»), писал также о том, что в специфических социальных условиях может иметь место прямо противоположный процесс — закрепление в геноме элементов «преступного типа». Правда, излагая свои взгляды на преступность, он ссылаясь больше на США с их культом агрессивности, расовым неравенством и социальной несправедливостью, но было совершенно ясно, что выводы его должны относиться и к СССР, поскольку и здесь за полвека социализма преступность никуда не исчезла.

Появление статьи В. П. Эфроимсона стало для советской культурной жизни определенной сенсацией, так как впервые эта тематика стала доступной не только участникам закрытых научных конференций и семинаров специалистов, но и массовому читателю. И хотя почти сразу на автора обрушился поток резкой критики, не утихавший вплоть до

перестроечного времени, а в журнальных статьях и книгах по обществоведению продолжали доминировать сторонники прежних взглядов, которые контролировали и программы вузовских дисциплин, было ясно, что автор затронул острую, животрепещущую тему и даже целый комплекс проблем, имеющих значение не только для цеха ученых, но и для всего общества.

Вскоре обнаружилось, что многие юристы вообще не разделяют официальные идеологемы насчет того, что сущность преступности носит социальный, на все 100 %, характер и что все дело в воспитании, а неисправимых преступников, так сказать, не бывает. Собственный профессиональный опыт учил их, что это не так (или как минимум не совсем так), и теперь они поняли, что получили возможность высказаться. В 1975 г. известный саратовский профессор И. С. Ной (1923–1997 гг.) выпускает монографию [2], в которой прямо утверждает, что одним из источников формирования криминального поведения является генотип¹.

На это выступление юриста живо откликнулся радиобиолог Ю. Я. Керкис (1907–1977 гг.), один из крупнейших советских генетиков, изгнанный в свое время на периферию за отказ подчиниться группе Т. Д. Лысенко и порвать с «формальной генетикой». В журнале «Природа» появилась его рецензия на книгу И. С. Ноя, где подход саратовского профессора был однозначно поддержан, а рецензент, помимо этого, призвал советских юристов начать изучать биологию, которая совершенно необходима «им для правильной ориентации в некоторых сложных вопросах их профессиональной деятельности» [8, с. 150]. Как тут было не вспомнить звучавшие еще в 1890 г., за 80 лет до того, аналогичные призывы, адресованные юристам и в целом обществоведам — представителями русской уголовно-антропологической школы: Д. А. Дриля — изучать психологию [9, с. 114], а В. Ф. Чижа — изучать психиатрию [10, с. 122]!

Были и другие юристы, которые так или иначе солидаризировались с И. С. Ноем. Г. А. Аванесов (1934–2014), разрабатывавший проблематику криминологического прогнозирования, в качестве одной из причин совершения индивидом преступных действий назвал его врожденные свойства [11, с. 91]. А Б. С. Волков (1921–2004 гг.) в еще более категоричной форме как непреложную истину констатировал:

¹ Следует отметить, что и раньше И. С. Ной пытался развивать подобные взгляды. В 1965 г. вместе с двумя другими авторами, В. А. Шабалиным и Ю. А. Демидовым, к научной конференции в Кишиневе он опубликовал небольшие, на полторы страницы, тезисы, озаглавленные так: «О расширении научной основы изучения личности преступника», за что был немедленно подвергнут уничтожающей критике в печати со стороны И. И. Карпеца, в ту пору директора Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности при Прокуратуре СССР. Критика была настолько неумеренной и бесцеремонной, что за И. С. Ноем сочли нужным вступить другие юристы [3, с. 114] (подробнее о И. С. Ное: [4; 5, с. 73; 6, с. 108; 7, с. 59]).

«В настоящее время уже не подлежит никакому сомнению, что некоторые существенные психологические характеристики людей имеют генетический характер ... биологические особенности оказывают большое влияние на формирование социальной установки личности» и указывал, что физиологические качества и психологические свойства, присущие данной конкретной личности, вполне «могут стать обстоятельствами, с необходимостью определяющими поведение человека» [12, с. 80, 85], включая, разумеется, и поведение девиантное.

Интерес не только специалистов, но и широкой публики к учению о биологических истоках преступности оказался столь велик, что имена Ломброзо и Фрейда стали не просто встречаться в художественной литературе, но и выглядеть там довольно презентабельно. Юлиан Семенов (1931–1993 гг.), один из самых популярных в позднесоветские десятилетия мастеров детективного жанра, вывел в романе «Противостояние» (1979 г.) эпизодического персонажа капитана милиции Юсуф-заде, который со всей убежденностью задает смелые вопросы, еще недавно считавшиеся подозрительными и вообще крамольными: «Хочу теоретически разобраться в тезисе, который давно сформулирован: причина преступности, притом что ее базис ликвидирован. В чем же тогда дело, если нет социальной подоплеки? Почему грабители? Хулиганы? Насильники? В чем дело? Каковы наши упущения? ...Такой ли уж реакционер Ломброзо? И нужно ли постоянно атаковать Фрейда? Что есть причина той или иной человеческой аномалии? Как можно рассчитывать на компьютере генетический код того или иного преступника? Можно ли это вообще делать? Нет ли в этом нарушения нашей морали?» [13, с. 563]. Очевидно, что такие вопросы порождались как минимум сомнением, а как максимум откровенным разочарованием в тех объяснениях существования преступности, которые руководящие органы в директивной форме предлагали народу, а также практическим работникам, повседневно имевшим дело с криминалом.

Однако в целом единомышленники Эфроимсона, Ноя и капитана Юсуф-заде все-таки остались в явном меньшинстве. В словарях и учебниках продолжала превалировать прежняя искаженная и при-

митивная оценка концепции Ломброзо. Имя Эфроимсона фигурировало в печати преимущественно в негативных коннотациях. Ведущие профессора продолжали и на лекциях, и в серьезных книгах упрямо твердить, что неисправимых преступников нет². Даже в солидной монографии 1991 г. игнорировалось существование когда-то в уголовном праве России антропологической школы (хотя подробно рассказывалось о классическом и социологическом направлениях), зато не упускалось возможности лишний раз указать на необходимость продолжения «борьбы с неоломброзианством» [15].

Апофеозом борьбы ортодоксов с новаторами стало появление в 1982 г. книги трех уважаемых авторов, которые не просто имели высокие ученые звания, но и занимали ключевые посты в научных учреждениях страны [16]³. Целью их было подытожить длящуюся уже 10 лет дискуссию с привлечением самого разнообразного материала, включая эмпирические данные и иностранные источники, убедив, наконец, читателей в том, что верить тем, кто идет на поводу «ломброзианцев» и «фрейдистов», нельзя.

Вот пример того, как обсуждение вполне конкретного вопроса о неравенстве людей по интеллекту, способностям и другим свойствам увязывалось со стандартными идеологическими клише: «... Для проблемы человека существенным является вопрос о причинах возникновения личностных различий и о том, передаются ли они потомкам путем биологического наследования. На признании за этими различиями врожденного, биологического характера основаны позиции социал-дарвинизма, расизма и евгеники» [16, с. 33]. Или: «Поиски преступных качеств в самом человеке нередко приводят к делению людей на представителей «первого» и «второго» сорта, на «элиту» и массу, а в конечном счете — к расистским концепциям в обществоведении и евгеническим теориям в генетике и биологии» [16, с. 344]. Получалось, что практически всякий, кто выскажется, пусть и с опорой на экспериментальные данные, в пользу наследования личностных свойств, включая задатки криминального толка, уже по определению есть социал-дарвинист, расист, «элитарист» и т. п. Что касается «евгеники», то толкование этого термина, тенденциозное, нега-

² В монографии 1973 г. можно было прочитать, например: «Исходя из того, что не существуют прирожденные неисправимые преступники, основной и достижимой задачей наказания является ресоциализация, т. е. исправление и перевоспитание. Именно поэтому советское уголовное право отказалось от пожизненного и очень длительного лишения свободы» [14, с. 386]. Отвечать на резонно возникавший при этом вопрос, зачем понадобились в таком случае в уголовных кодексах всех союзных республик статьи о смертной казни (ведь нет же неисправимых преступников!), автор, естественно, не пытался.

³ Академик Н. П. Дубинин в 1966–1981 гг. был директором Института общей генетики АН СССР; членкор АН В. Н. Кудрявцев (в 1984 г. тоже ставший академиком) в 1973–1990 гг. — директором Института государства и права АН СССР, а вышеупомянутый доктор юридических наук И. И. Карпец с 1979 г. по 1984 г. являлся начальником Всесоюзного НИИ Министерства внутренних дел СССР.

тивное и уничижительное, ничуть не изменилось по сравнению с 1930-ми гг.: «... предложения евгеников о создании лучшей «породы человека» — это не что иное, как попытка отвлечь современное человечество от насущных задач социального переустройства мира» [16, с. 345].

Относительно персонально Ломброзо, Фрейда и других авторы не жалели черных эпитетов. Подчеркивалось, что, несмотря на потуги придать ломброзианству все атрибуты научности, его апологеты не в силах «скрыть его антигуманную сущность» [16, с. 53]. Упоминалось, что Э. Ферри (1856–1929), последователь Ломброзо, стал автором итальянского Уголовного кодекса времен Муссолини, но зато умалчивалось, что тот же Э. Ферри долгое время был сторонником марксизма и сочетал уголовную антропологию с экономическим и философским материализмом. Редкие цитаты из работ, неизвестных советскому читателю, подавались таким образом, чтобы не оставалось сомнений насчет того, с какими шарлатанами и человеконенавистниками мы имеем дело. При этом довольно комичным выглядело одно место, где кто-то из авторов сначала пересказывал некоторые тезисы книг «Преступный человек» и «Преступление, его причины и средства лечения», уделив этому всего один (!) абзац, а затем еще извинялся перед читателями за это «более или менее подробное изложение сути взглядов Ломброзо» [16, с. 52].

В свете рассматриваемого вопроса стоит обратить внимание на один многозначительный эпизод, который имел место незадолго до начала перестройки. До начала 1980-х гг. высшие политические руководители обычно не обозначали своей позиции в научных дискуссиях, предоставляя управление их ходом работникам более низкого ранга. Эта традиция оказалась нарушенной в 1983 г., что было связано с деятельностью К. У. Черненко — секретаря ЦК КПСС, отвечавшего за вопросы идеологии, и на тот момент одного из самых влиятельных лиц в партии и государстве.

Насколько можно судить, вдохновителем инцидента стала дочь генсека Елена Черненко, окончившая в свое время (как и ее отец) пединститут, а в 1974 г. защитившая кандидатскую диссертацию по философии на тему «Методологические проблемы социальной детерминированности биологии человека». В 1979 г. совместно с К. Е. Тарасовым, профессором Академии общественных наук при ЦК КПСС, она выпустила книгу [17], в которой в очередной раз доказывалось, что «социальное» имеет безусловный примат над «биологическим» в формировании поведения человека. Особенностью книги были многочисленные схемы, предназначенные для иллюстрации различных вариантов решения проблемы со-

отношения социального и биологического, которых авторы насчитали целых 60. Но единственно верным и соответствующим «диалектическому материализму» авторы объявляли то решение, которое было предложено ими самими. Согласно ему чисто биологических факторов, которые бы влияли на формирование поведения человека, быть не может, поскольку даже «биологические особенности людей являются результатом социального прогресса» и потому уже собственно биологическими не являются [17, с. 84]. Какого-либо серьезного экспериментального обоснования для этого тезиса в монографии не давалось, и в принципе его можно было бы расценить как еще одну безобидную спекулятивно-схоластическую конструкцию, которых в тогдашней советской литературе по философии можно было насчитать не один десяток. Но в конкретных условиях Советского Союза этому бессодержательному, умозрительному тезису о полной обусловленности биологического в человеке социальным вполне можно было придать самую конкретную интерпретацию. А именно, заявить, что «научные открытия рассматриваются не просто как социально обусловленные, но как то, что в конечном итоге должно подчиняться приказам, исходящим от политического руководства» [18, с. 241]. Что, собственно, и произошло.

В июне 1983 г. К. У. Черненко, выступая с докладом на Пленуме ЦК КПСС в качестве преемника недавно скончавшегося секретаря ЦК по идеологии М. А. Суслова, неожиданно коснулся научных вопросов, которые обычно на таком уровне не затрагивались, и они оказались связанными с тем, чем занималась его дочь — с проблемой соотношения в человеке социального и биологического. Не отрицая, что в науке «новые факты могут вести к необходимости дополнить, уточнить сложившиеся взгляды», он заявил, что «... есть истины, не подлежащие пересмотру, проблемы, решенные давно и однозначно». И в число этих истин в последней инстанции у секретаря ЦК попала и та, которой придерживалась его дочь и в которой некоторые осмеливались сомневаться: «Вряд ли можно признать научными концепции, которые объясняют такие, например, качества человека, как честность, смелость, порядочность, наличием «положительных» генов и фактически отрицают, что эти качества формируются социальной средой. Ведь давно известно, сколь малопродуктивны попытки механического перенесения понятий и методов естественных и технических наук на область общественных явлений, упрощенное толкование взаимоотношений природы и общества ...». Далее в докладе эти взгляды прямо назывались ошибочными и говорилось о необходимости «правильно поставленной научной критики» и «нелицеприятных оценок тех трудов, которые того заслуживают», и о том, что «ми-

ровоззренческая четкость ... методологическая дисциплина мысли — неперемнное условие успешного развития общественных наук» [19, с. 34–35].

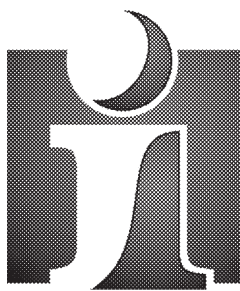
По сути, К. У. Черненко — один из руководителей Советского Союза (а вскоре, в течение года после смерти Ю. В. Андропова и до своей собственной смерти в марте 1985 г., первое лицо в государстве) продемонстрировал своим выступлением, что вопрос об объективной истинности генетического детерминизма индивидуальных и социальных качеств человека должны решать отныне не специалисты — профессионалы в данной области, а правящая партия. И этот вывод логично должен был касаться не только позитивных качеств, упомянутых в выступлении генсека, но и негативных, включая качества антисоциальные и криминальные. Пресловутая теория внешней среды, которая якобы одна ответственна за воспитание и формирование индивида, полу-

чала подкрепление с самого верха, имплицитно исключая всех несогласных с ней ученых из научного (и криминологического в том числе) дискурса.

Таким образом, можно прийти к выводу, что противостояние советских криминологов, ратовавших за всесторонний анализ проблемы преступности во всеоружии имеющихся в распоряжении науки методов, и командно-административной системы закончилось на тот исторический момент победой последней. По-настоящему исследование этой проблемы, затрагивающей, по большому счету, все слои общества, оказалось возможным лишь начиная с 1990-х гг., когда в академический дискурс стали возвращаться труды как зарубежных классиков биокриминологии, так и их отечественных последователей, развивавших данный подход применительно к российским реалиям на рубеже XIX–XX вв. (Д. А. Дриля, В. Ф. Чиж и др.).

Список источников

1. Эфроимсон В. П. Родословная альтруизма // Новый мир. 1971. № 10.
2. Ной И. С. Методологические проблемы советской криминологии. Саратов, 1975.
3. Стручков Н. А. О механизме взаимного влияния обстоятельств, обуславливающих совершение преступлений // Советское государство и право. 1966. № 10.
4. Бахарев Д. В. Иосиф Соломонович Ной (1923–1997) — “enfant terrible” советской криминологии? Оценки личности и творческого наследия спустя столетие со дня рождения // Новеллы законодательства криминального цикла и их отражение в уголовно-правовых науках : мат-лы междунар. науч.-практ. круглого стола. Тюмень, 2023.
5. Корсаков К. В. Модель возмездия в криминологии и уголовно-правовой доктрине : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2007.
6. Корсаков К. В. О тщетности попыток психологизации науки криминологии // Правоохранительные органы: теория и практика. 2010. № 1.
7. Корсаков К. В., Жилко И. А. Пенитенциарный труд в следственных изоляторах. Екатеринбург, 2012.
8. Керкис Ю. Я. Нужна ли криминологам генетика? // Природа. 1976. № 8.
9. Дриль Д. А. Преступность и преступники: уголовно-психологические этюды. Учение о преступности и мерах борьбы с нею. М., 2010.
10. Чиж В. Ф. Лекции по судебной психопатологии. СПб., 1890.
11. Аванесов Г. А. Криминология, прогностика, управление. Горький, 1975.
12. Волков Б. С. Детерминистическая природа преступного поведения. Казань, 1975.
13. Семенов Ю. Противостояние. СПб., 2025.
14. Шаргородский М. Д. Наказание, его цели и эффективность // Избранные труды. СПб., 2004.
15. Иванов Л. О., Ильина Л. В. Пути и судьбы отечественной криминологии. М., 1991.
16. Дубинин Н. П., Карпец И. И., Кудрявцев В. Н. Генетика, поведение, ответственность: О природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1989.
17. Тарасов К. Е., Черненко Е. К. Социальная детерминированность биологии человека. М., 1979.
18. Грэхэм Л. Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М., 1991.
19. Материалы Пленума ЦК КПСС. 14–15 июня 1983 г. М., 1983.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

INFORMATION FOR AUTHORS

Журнал призван способствовать научным исследованиям и коммуникациям российских и зарубежных ученых. Целевая аудитория — научные и научно-педагогические работники. Редакция принимает к рассмотрению рукописи, соответствующие следующим научным направлениям (по отраслям наук): юридические науки, философские науки. Приоритетными для публикации являются:

- рукописи теоретических и прикладных статей по актуальным проблемам теории права, правовой политики, отраслевых юридических наук, а также рукописи, отражающие результаты научных разработок, выполненных на стыке юриспруденции и смежных областей социально-гуманитарного знания;

- рукописи, представляющие научную аналитику развития криминогенной обстановки в России и ее регионах, зарубежных государствах;

- материалы по проблематике социальной философии, философии политики, философии права, философии культуры, философии и методологии научных исследований;

- исследования, посвященные зарубежной научно-правовой мысли;

- материалы, отражающие вехи истории права, юридической науки и образования.

Журнал придерживается этических принципов и норм, принятых в области экспертизы и издания научной литературы.

Журнал считает важной максимальную доступность и демократичность. Плата за публикации не взимается, авторские экземпляры предоставляются безвозмездно, включая расходы на рассылку, номера журнала регулярно и бесплатно рассылаются в образовательные и научные организации МВД России, ведущие научные и образовательные центры России.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Все публикации начиная с 2005 г. находятся в открытом доступе на платформе Научной электронной библиотеки (<http://elibrary.ru>). Номера журнала размещаются на платформе ООО «ИВИС», партнера и дистрибьютора компании East View Information Services, Inc., и в научной электронной библиотеке «Киберленинка».

Журнал является рецензируемым. В рецензии оцениваются актуальность темы статьи, степень научной обоснованности положений, их новизна и значимость, отмечаются как положительные, так и обнару-

The journal seeks to contribute to research activities and communications within Russian and international scientific community. The periodical is supposed to be required by scholars and professors. The Editorial Office considers original manuscripts without any signs of plagiarism and corresponding to the following science directions (branches of science): juridical sciences, philosophical sciences.

Priority is given to:

- manuscripts of theoretical and applied articles on the current problems in the theory of law, legal policy, juridical sciences, and those which comprise the results of research developments in the field of jurisprudence and related fields of social humanitarian knowledge;

- manuscripts comprising scientific analytics of development of criminogenic situation in Russia, its regions and abroad;

- materials on the current issues of social and political philosophy, philosophy of culture, philosophy and methodology of science research;

- researches covering foreign scientific juridical thought;

- materials on the milestones of history of law, juridical science and education.

We adhere to the ethical guidelines and rules accepted in the fields of scientific literature expertise and publishing.

Maximum accessibility and democracy are considered to be important. Publications and author's copies including their postage are free, the journal issues are regularly sent free of charge to the educational and scientific organizations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, leading national scientific and educational centers.

The journal is listed in the Russian Science Citation Index (RISC). All the journal's issues published since 2005 are available at the Scientific electronic library (<http://elibrary.ru>) and on the IVIS, Ltd platform, which is the partner and distributor of the East View Information Services, Inc. and at the scientific electronic library "Cyberleninka".

The journal is officially included on the List of peer-reviewed scientific editions where scientific results of doctoral and candidate of sciences theses are to be published.

The journal is a peer-reviewed periodical. The review estimates the importance of the paper's subject-matter, the level of scientific grounds of the theses, their novelty and significance, outlines positive as well as revealed manu-

женные спорные или отрицательные моменты рукописи, дается рекомендация о публикации (отказе в публикации) статьи или возвращении ее автору для доработки. Редакционная коллегия оставляет за собой право направлять на рецензирование, дополнительное рецензирование или отклонять предлагаемые к публикации работы. Редакция направляет авторам рукописей копии рецензий или мотивированный отказ.

В целях ускорения прохождения рукописей в печать просим соблюдать наши требования и пожелания к оформлению рукописи и метаданных.

Объем рукописи, как правило, не должен превышать 0,5 авт. л. (20 тыс. знаков, считая пробелы) с учетом рисунков, графиков и таблиц. Ответственность за точность количественных данных, цитат, фамилий, имен собственных и т. п. лежит на авторах. Точки зрения редакции и авторов могут не совпадать. Направление в редакцию работ, опубликованных или предложенных в другие издания, не допускается.

Основной текст рукописи набирается через 1,5 интервала гарнитурой Times New Roman (14-й кегль) без знаков ручного переноса, неразрывных и двойных пробелов.

Важными структурными элементами рукописи являются:

- список ключевых слов (семь-девять речевых единиц);
- аннотация.

Цель аннотации — кратко и емко выразить суть статьи. В аннотации допускается отражение структуры аннотируемого текстового материала. Аннотация не должна быть перифразом заглавия статьи и включать малоинформативные формулировки.

К рукописи прилагается авторская справка.

Рукопись и сопроводительные материалы направляются в редакцию на электронном носителе (в формате Word или rtf) либо по электронной почте по адресу: scientific_bulletin_omamvd@mail.ru. Наряду с электронной формой допустимо направление распечатки рукописи на бумажном носителе. Почтовый адрес: 644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7, Омская академия МВД России, журнал «Научный вестник Омской академии МВД России». Контактный телефон: (8-3812)30-12-01 (главный редактор Литвинов Артём Валерьевич).

Представляя материал для публикации, автор (авторы) тем самым выражает согласие на размещение его метаданных в тех информационных системах, с которыми у редакции имеются соответствующие соглашения.

Более подробная информация о журнале, его этической политике, требованиях к оформлению рукописи и метаданных, порядке рецензирования изложены на веб-сайте по адресу: <http://nv.omamvd.ru/>.

Приглашаем к сотрудничеству.

script's arguable or negative points, makes recommendations to publish (reject to publish) the article or hand it back to the author for further elaboration. The editorial board is eligible to send submitted papers for reviewing, additional reviewing or reject them. The editorial board sends the manuscripts' authors copies of the reviews or rejection with the grounds given.

The manuscript must contain up to 0.5 author's sheet (20,000 characters and spaces) including pictures, graphs and tables. Line spacing — 1,5; "Times New Roman" and font size of 14 should be used, omit manual hyphenation and double space mark. Margin requirements: left margin — 3 cm, top and bottom margins — 2 cm, right margin — 1 cm. Authors assume responsibility for the accuracy of quantitative data, citations, last names and proper names.

Critical structural elements of a manuscript are:

- annotation;
- keywords (the number should not exceed 7–9 keywords).

The aim of the abstract is to briefly and concisely present the essence of the paper. The abstract can reflect the structure of the text. The abstract should not paraphrase the title and contain statements of little information value. Keywords concisely describe the subject, problem, purpose and main provisions of the research. Keywords can be both separate words and word combinations in nominative singular (if any).

The manuscript and accompanying materials are submitted to the editorial office by e-mail to the following address: scientific_bulletin_omamvd@mail.ru or on electronic device (Word or rtf). It is acceptable to submit the printed version of a manuscript and metadata along with the electronic version. The manuscripts can be sent to: 644092, Omsk, pr. Komarova, 7, Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, journal "Scientific Bulletin of Omsk Academy of the MIA of Russia". Telephone: (8-3812)30-12-01 (chief editor Artyom Valerievich Litvinov).

Submitting the papers already published or submitted to other journals is not allowed.

The opinion of the editorial board can differ from the authors' visions.

Submitting the paper for publishing the author agrees to locate it and metadata in the informational systems the editorial board has appropriated agreements with.

The periodical was founded and is published by the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

The journal is published quarterly.

More details concerning the journal, its ethics, requirements to arrangement of manuscripts and metadata and peer review procedure can be found on website: <http://nve.omamvd.ru/>.

Welcome to cooperate!

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Противодействие правонарушающему поведению

- Способ получения оперативно-розыскной информации как основание классификации оперативно-розыскных мероприятий
- Прогнозирование рисков криминализации экономической деятельности, обусловленной введением ограничительных мер

Право и государство

- К вопросу о субъекте и объекте персонализированного права
- Реализация конституционных идей в оперативно-розыском законодательстве: состояние и перспективы

Философский инструментарий

- Синтетическая эмоционально-трансцендентальная теория морали и права

Религия и общество

- Противодействие русофобии в трансформирующемся мировом сообществе: детерминанты, угрозы и механизмы нейтрализации
- Националистическая идеология и политические перспективы современной Украины

а также

- Исторические правовые памятники в формировании правовых традиций на белорусских землях
- Идеология в XXI веке как мотив идеологической войны
- Международно-правовые стандарты при осуществлении уголовного судопроизводства в особых условиях
- другие материалы

